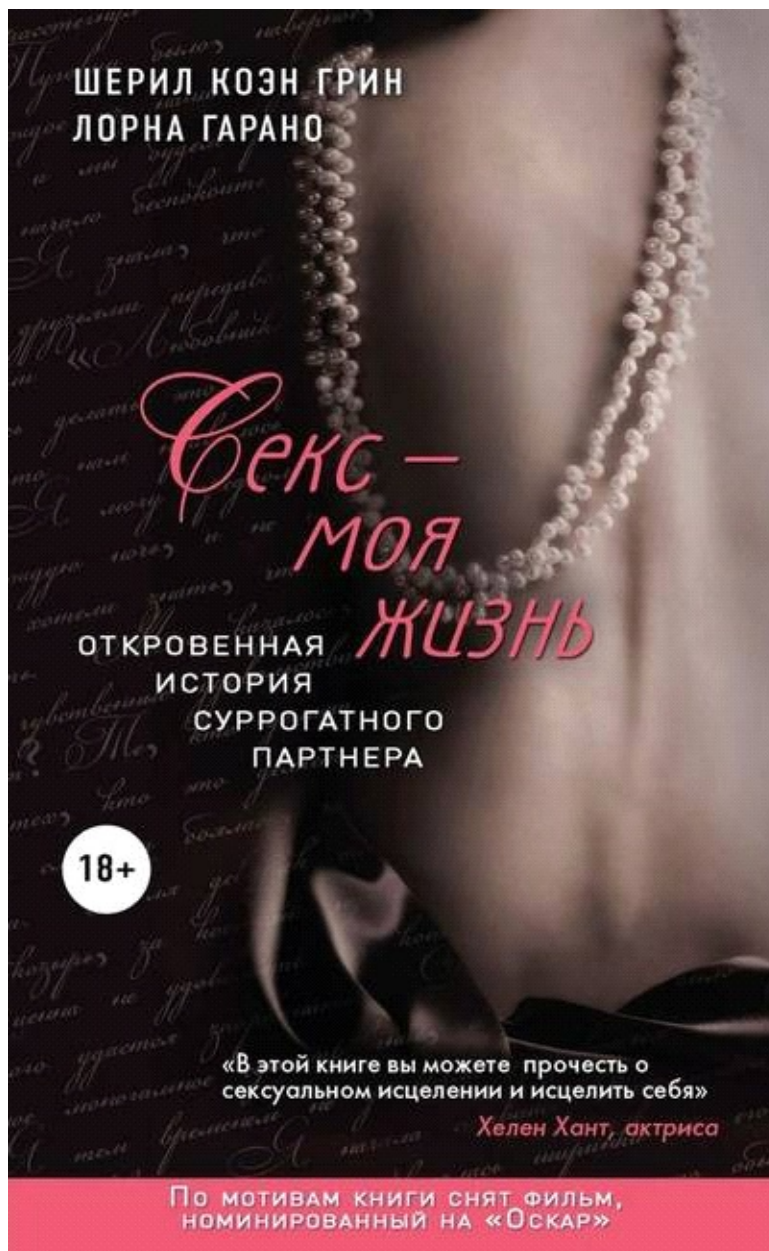

Шерил Грин Лорна Гарано

Секс - моя жизнь. Откровенная история суррогатного партнера

Шерил Грин, Лорна Гарано

Секс – моя жизнь. Откровенная история суррогатного партнера

Моему мужу Бобу

Об именах и другой личной информации

В этой книге я рассказываю истории из моей практики. Из соображений конфиденциальности я изменила имена, физические характеристики и некоторые особенности поведения. Многие из этих историй произошли много лет назад, и мне пришлось восстанавливать диалоги и мелкие подробности, которые не сохранились в памяти.

Кроме того, по тем же причинам я заменила псевдонимами имена друзей, членов семьи и знакомых..

Предисловие

Сексуальная терапия с участием суррогатного партнера предполагает участие трех человек – клиента, суррогатного партнера и психотерапевта, который является связующим звеном. Это моя роль. Я рекомендую данный вид терапии клиенту, которому она необходима.

Когда процесс уже запущен, суррогатный партнер и я «проговариваем» каждое занятие и назначаем следующее. Затем обсуждаем с клиентом полученный им опыт на психотерапевтическом сеансе. Мы с Шерил изучили более сотни случаев в поисках правильного решения.

Тридцать лет работы с Шерил научили меня многому. Самыми важными я считаю три вещи: сексуальная терапия, как и сама жизнь, никогда не развивается равномерно, поэтому следует запастись энергией; суррогатный партнер наделен добрым сердцем и искренне находит привлекательными людей, лица которых не красуются на обложках журналов; и, наконец, даже фильм «СПИД – чума XX века» не сможет остановить ее, потому что она прекрасно делает свою работу..

Шерил – единственная в своем роде. Я хочу, чтобы мне передались ее способность погружаться в материал и отношение к работе. Она с готовностью посвящает себя созданию правдивой картины человеческой сексуальности, сохраняя при этом оптимизм и проявляя удивительную чуткость. Она обязана быть чуткой. Необходимо испытывать искреннее участие, чтобы вести откровенную беседу и объяснять человеку, как правильно касаться и как отвечать на прикосновения.

Обязательным условием также становится объяснение исключительной важности интимной гигиены в отношениях с будущим сексуальным партнером. Суррогатный партнер не сможет стать ролевой моделью для сексуального общения клиента уже в реальной жизненной ситуации, если будет неискренен. Работа Шерил – научить сидеть лицом к лицу, глядя прямо в глаза, без одежды.

Эта профессия нетрадиционна, но без нее не обойтись..

Суррогатные партнеры учат своих клиентов и служат для них своего рода стабилизаторами. Многие клиенты обращаются к сексуальной терапии, будучи убежденными в уникальности своего случая, полагая, что безнадежны, что им уже не помочь. Многие из тех, кого я направляла к Шерил, обратились ко мне с синдромом «одного ботинка, прибитого к полу».

Они описывают круги, центром которых является их проблема, они не умеют меняться и оказываются прикованными к собственным сексуальным проблемам. В центре внимания суррогатного партнера – человек, с которым он работает, но в то же время его задача – вывести клиента за пределы круга ложных представлений, которые «приковали к полу его ботинок»..

Не только клиенты суррогатного партнера подвержены влиянию косных представлений. Я помню, как мы с Шерил присутствовали на конференции по сексологии в 1985 году. СПИД уже был признан одной из главных проблем сексуальных отношений. Аудитория, состоящая из психотерапевтов, исследователей этого вопроса и специалистов в области полового воспитания, с нетерпением ждала доклада Шерил об ее опыте работы в качестве суррогатного партнера, и у кого-то возник вопрос, касающийся серьезной, представляющей опасность для жизни угрозы.

Может ли вообще суррогатный партнер воспользоваться презервативом, если его клиент страдает от эректильной дисфункции?.

Конференция проходила в отеле, и, как всегда в подобных случаях, в углу зала был накрыт стол для завтрака. Когда Шерил затронула в своем докладе вопрос о контрацепции, она попросила одного из присутствующих принести ей банан со стола. По комнате прокатилась волна тихих смешков. Кто-то вызвался принести банан, и Шерил попросила съесть его – смешки стали громче.

Потом она попросила дать ей кожуру. И прямо там, в лекционном зале, полном специалистов, Шерил открыла упаковку с презервативом и, держа банановую кожуру в одной руке, второй рукой надела на нее презерватив буквально за три секунды. Сходство между пустой банановой кожурой и

расслабленным пенисом не вызывает сомнений.

Вопрос был исчерпан..

Многие клиенты сомневаются в своей сексуальной привлекательности. Однажды я спросила у Шерил, как обстоят дела с одним человеком, которого я недавно к ней направила. Мы обе знали, что одним из аспектов терапии была необходимость заставить его поверить, что он может быть привлекателен для женщин. Я спросила, каким образом она этого добивалась.

Она, не раздумывая, ответила со своим отчетливым бостонским акцентом: «У него прекрасные уши и великолепная шея. Мне кажется, это очень сексуально». Именно поэтому в поразительную историю, рассказанную в первой главе, я верю от первого до последнего слова. Если у кого-то были основания не верить в свою привлекательность, так это у Марка..

Можно предположить, что столько лет непрерывной работы утомили Шерил, ведь ей раз за разом приходилось объяснять и внушать одни и те же вещи. Но это не так. Каждый раз, когда мы советуемся по поводу общего клиента, Шерил с точностью до последнего слова передает все, что она ему говорит, как если бы я слышала это в первый раз, а она в первый раз произносила.

Подобная свежесть восприятия не может быть надуманной, искусственной, и в этом кроется причина того, что 70-летняя женщина по-прежнему выполняет свою работу с радостью и стремлением достичь успеха..

Мы вместе участвовали в конференциях, были свидетелями поворотных событий в жизни друг друга и несколько раз выступали с публичными обсуждениями в надежде просветить и проинформировать – и все это только для того, чтобы обнаружить, что искусство монтажа зачастую искажало наши благие намерения.

Для меня большая честь писать предисловие к книге, которая читается как приключенческий роман, даже несмотря на то, что мне известны все повороты сюжета, большинство персонажей и развязка каждой истории. Я надеюсь, что вам, как и мне, покажется большой удачей возможность

войти в число тех, кому довелось узнать ее..

Вступление

У меня было больше девятисот партнеров. Не со всеми я вступала в сексуальный контакт, но это происходило с большинством из них. Подобные заявления без сомнения вызывают бурную реакцию. Я спрашиваю людей, какие слова приходят им на ум, когда они слышат эту цифру. Самый частый ответ – шлюха. Так вот: я не шлюха, хотя, смею предположить, некоторые со мной не согласятся.

Я суррогатный партнер. В наши дни многие думают, что в мои обязанности входит вынашивать детей для бесплодных пар. Когда я поясняю, что на практике помогаю своим клиентам решить трудности, связанные с сексом, это приводит в замешательство. Разве это не называется проституцией. Некоторые даже озвучивают этот вопрос..

В то время как проституция – одна из старейших профессий, суррогатная терапия – профессия новая. Клиента ко мне всегда направляет психотерапевт. Они страдают от импотенции, преждевременной эякуляции, комплексов по поводу собственной привлекательности, недостатка или отсутствия сексуального опыта, трудностей в общении, неудачной внешности или целого комплекса подобных проблем.

Практически всем мужчинам (и иногда женщинам), с которыми я работаю, не хватает чувства близости с любящим человеком, и это касается не только сексуальной жизни. Задача суррогатного партнера заключается в том, чтобы объяснить, каким образом можно построить здоровые, крепкие отношения..

У меня есть набор упражнений, которые я выполняю с клиентами, чтобы помочь им решить свои проблемы и достичь успеха. Много времени я посвящаю рассказам об анатомии и человеческой сексуальности вообще. Я тесно сотрудничаю с психотерапевтом, который направил клиента ко мне, обсуждая после каждого сеанса полученный результат.

Обычно я провожу от шести до восьми сеансов. Одно из основных заблуждений о сути работы суррогатного партнера касается того, сколько

времени уходит на сам половой акт. Действительно, я занимаюсь сексом с большинством своих клиентов, но только после того, как мы выполним необходимые упражнения, направленные на то, чтобы клиент лучше узнал свое тело, преодолел комплексы по поводу внешности, научился расслабляться и отрабатывать коммуникационные навыки.

Секс я оставляю для последних сеансов. Важно помнить, что я суррогатный партнер, а не суррогат секса. Моя основная задача – построить модель здоровой близости с клиентом, а для этого требуется гораздо больше, чем сексуальный контакт..

Мои клиенты – люди разных национальностей и с разным социально-экономическим положением. Самому молодому из них было восемнадцать, самому старшему – восемьдесят девять. Среди них были руководители компаний, водители грузовиков, прокуроры и плотники. Встречались красавчики, но были и мужчины заурядной внешности.

Я работала с семидесятилетним девственником, со студентом колледжа, который страдал от преждевременной эякуляции, и с мужчинами всех возрастов, которые не умели говорить о сексе..

*

Я начала работать в 1973 году, пока я к этому шла, сексуальная революция завершилась в нашем обществе и в моем сознании. Я росла в сороковые и пятидесятые годы, когда полового воспитания нам, мягко говоря, недоставало. Когда я начала заниматься этим сама, то обнаружила, что многие понятия о сексе, которые нам внушали, искажали реальную картину или просто были неверными.

Основные уроки мы получали на детской площадке, в церкви и возле телевизора. Мои родители едва могли сами говорить о сексе, и тем более не могли рассказать о нем мне. К сожалению, многие родители и сейчас не могут предоставить своим детям достоверную информацию о сексе, не придавая своим словам оттенка осуждения, и в этом они мало отличаются

от моих родителей, живших полвека назад.

Я часто задумываюсь о том, насколько более здоровыми, умными и счастливыми могли бы быть наши дети, если бы их родители обладали достаточным знанием и умением, чтобы говорить откровенно и здоровой близости с клиентом, а для этого требуется гораздо больше, чем сексуальный контакт..

Мои клиенты – люди разных национальностей и с разным социально-экономическим положением. Самому молодому из них было восемнадцать, самому старшему – восемьдесят девять. Среди них были руководители компаний, водители грузовиков, прокуроры и плотники. Встречались красавчики, но были и мужчины заурядной внешности.

Я работала с семидесятилетним девственником, со студентом колледжа, который страдал от преждевременной эякуляции, и с мужчинами всех возрастов, которые не умели говорить о сексе..

*

Я начала работать в 1973 году, пока я к этому шла, сексуальная революция завершилась в нашем обществе и в моем сознании. Я росла в сороковые и пятидесятые годы, когда полового воспитания нам, мягко говоря, не доставало. Когда я начала заниматься этим сама, то обнаружила, что многие понятия о сексе, которые нам внушали, искажали реальную картину или просто были неверными.

Основные уроки мы получали на детской площадке, в церкви и возле телевизора. Мои родители едва могли сами говорить о сексе, и тем более не могли рассказать о нем мне. К сожалению, многие родители и сейчас не могут предоставить своим детям достоверную информацию о сексе, не придавая своим словам оттенка осуждения, и в этом они мало отличаются от моих родителей, живших полвека назад.

Я часто задумываюсь о том, насколько более здоровыми, умными и счастливыми могли бы быть наши дети, если бы их родители обладали

достаточным знанием и умением, чтобы говорить откровенно и соответственно возрасту..

Надежды, которые питала я и многие другие в наполненные оптимизмом дни сексуальной революции, не оправдались. Большинство из нас остается во власти разных иллюзий по поводу секса и собственного тела. Недовольство системой полового воспитания, основанной на реальных фактах, проявляют те, кто хочет повернуть время вспять.

Телевидение и Интернет круглосуточно обрушивают на нас шквал ложной информации. Мы еще больше запутались. Мы шутим, сетуем; мы разоблачаем тех, кто занимается сексом нетрадиционными способами; мы, и я вряд ли буду первой, кто произнесет это вслух, используем секс, чтобы продавать все на свете – от жевательной резинки до внедорожника.

Но мы по-прежнему не знаем, как говорить об этом честно, без неприязни, как взрослые люди..

Я давно хотела рассказать свою историю, и события, происходившие в моей жизни, только утверждали меня в этой мысли. С годами изменилось многое, кроме моего убеждения в том, что сила рассказанной истории может вдохновлять и призывать к действию. Моя жизнь, во многих смыслах, является образцом. Я выросла в эпоху, когда господствовала строгая доктрина в отношении женской сексуальности.

Она брала свое начало как в религии, так и в светских правилах. Когда я оглядываюсь назад, то удивляюсь тому, какое чувство вины и стыда вызывала одна из самых естественных человеческих потребностей и какое влияние это оказывало на меня, молодую девушку. Я родилась в период «бэби бума»[1]. Моя молодость растянулась на две эпохи.

Мне было двадцать с небольшим в шестидесятые. Дух перемен, господствовавший в обществе, заставил меня подвергнуть сомнению и пересмотреть свой взгляд почти на все, чему меня учили. Многие представления, которые мне внушили в детстве, не выдерживали критики. Этот процесс получил завершение, когда я стала суррогатным партнером..

В дополнение к моей собственной истории я пересказываю истории моих клиентов, потому что убеждена, что им есть что рассказать о сексуальной жизни и обстоятельствах, которые могут ее осложнить. Их

опыт дает редкую возможность увидеть, какие факторы влияют на этот процесс и как можно помочь.

Если это до сих пор не очевидно, скажу прямо – у моей книги есть миссия. Я надеюсь, что она, хотя бы отчасти, будет способствовать тому, что открытое, искреннее обсуждение секса станет возможным. Также я надеюсь, что она вдохновит читателей, вне зависимости от возраста, на признание и утверждение своей сексуальности.

У каждого есть право на секс, который удовлетворяет морально и физически, и мой опыт показывает, что залог этого – здоровое общение, самоуважение и стремление искать что-то новое. Моя задача – говорить откровенно и без страха, и это сделает возможным все вышесказанное..

Глава 1

Марк О'Брайен приоткрыл рот и издал тихий сдавленный звук. Я схватила трубку, которая, как усик цепкого растения, тянулась от переносного дыхательного аппарата, прикрепленного сиделкой к спинке кровати. Когда я привстала, чтобы поднести трубку ко рту Марка, моя грудь задела его щеку и мы оба улыбнулись.

Марк сжал губами плоский конец трубки, и долгожданный глоток воздуха наполнил его легкие. Он закрыл глаза, наслаждаясь кислородом, который многие из нас принимают как должное. Моргнула лампочка, и раздалось громкое тиканье. Он разомкнул губы и открыл глаза. Я осторожно вынула трубку, оставив ее на подушке.

Его голова оставила влажный от пота след на подушке..

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я.

– Хорошо, Шерил. Это было не так страшно, как мне казалось. Нет, наверное, все-таки страшно, но я рад, что это произошло, – его лицо озарилось милой мальчишеской улыбкой.

Шел 1986 год, и уже тринадцать лет я была суррогатным партнером. Мне и раньше приходилось работать с инвалидами, но никто из них не был в таком тяжелом состоянии, как Марк. Большую часть из своих тридцати шести лет Марк провел внутри устройства под названием «железное легкое», после того как в шесть лет переболел полиомиелитом.

Самостоятельно он мог дышать только непродолжительное время, и в течение наших двухчасовых встреч, для которых он снял просторный коттедж в Беркли, ему постоянно был необходим дыхательный аппарат..

«Железное легкое» – это машина для дыхания. Она выглядела как широкая труба с рычагами и кнопками, которая охватывала все тело Марка, оставляя снаружи только голову. Аппарат на несколько секунд создавал атмосферу сильно разреженного воздуха внутри трубы, чтобы

поднялась грудь и легкие наполнялись кислородом.

Марк спал в «железном легком», кровати у него не было. К счастью, у него была подруга, которая предоставила нам свою кровать..

Марк был парализован; пальцы рук и ног, рот и глаза – вот все, чем он мог пошевелить. После полиомиелита его тело было искривлено, левое бедро смещено к правому, ноги сжаты, как будто плотно спаяны. Его голова и шея были всегда повернуты вправо, так, что он мог смотреть только в одну сторону. Всю свою жизнь он лежал на спине, лишь иногда сиделка приподнимала его, чтобы помыть или одеть, или врач производил осмотр..

Как и других моих клиентов, Марка направил ко мне психотерапевт. Как и другие, он нервничал во время нашего первого сеанса. «Для него это важный день», – так сказала Вера, одна из сиделок Марка, когда я вошла тем утром в дом. Подруга, владелица коттеджа, тоже была инвалидом, поэтому к входной двери вел пандус, а кухонные ящики и дверные ручки располагались ниже обычного уровня..

Вера повела меня мимо гостиной, книжные полки там висели низко над полом, а дальше по коридору на стенах – черно-белые фотографии пейзажей. Она постучала в дверь спальни в конце коридора.

– Марк, Шерил здесь. Мы сейчас войдем, – произнесла она громко и медленно открыла дверь.

Жестом она пригласила меня войти первой. Марк лежал на широкой с пологом кровати, до подбородка накрытый синим вязаным одеялом. Сондра, психотерапевт Марка, говорила мне, что он худой, ростом меньше полутора метров и весит около 30 килограммов, и на мгновение я замерла, осознав, как это на самом деле мало.

Покрывало едва приподнималось на кровати..

– Привет, Марк, – произнесла я. – Рада познакомиться с тобой.

– Приятно познакомиться, Шерил, – ответил он, и к его голосу примешивались булькающие звуки. Его василькового цвета глаза смотрели вниз.

– Я покажу, как пользоваться дыхательным аппаратом, и оставлю вас наедине, – сказала Вера.

Она показала на маленький рычажок, который я должна буду повернуть, чтобы начал поступать кислород, и поднесла трубку ко рту Марка.

– Видите?

Я кивнула. Марк сделал несколько маленьких глотков воздуха и разжал губы.

– Он покажет, когда достаточно, – она вынула трубку. – Увидимся позже.

По тому, как Марк произнес мое имя, я могла заключить, что у нас есть нечто общее – мы оба из Новой Англии. Я рассказала ему, что родилась в Сейлеме, недалеко от Бостона, и мои родители принадлежали большому франко-канадскому сообществу. Моя девичья фамилия – Theriault, и произносится она «Терриб» (или «Террриииа», если ее произносит католическая монахиня-ирландка в начальной школе, где я училась)..

– Ты католичка? – спросил он.

– Была раньше, – ответила я с улыбкой.

– А я все еще католик, – сказал он. – Мне необходимо верить в бога, чтобы было кого обвинять во всем, что со мной происходит.

Я засмеялась, и лицо Марка просветлело. Сняв куртку, которая была совершенно лишней в этот теплый мартовский день, и придвинув кресло, стоявшее в углу комнаты, я села рядом с кроватью.

– Давай обсудим, как будет проходить наша работа, – произнесла я, как будто мне самой это было до конца ясно. Как и у психотерапевтов, у суррогатных партнеров есть список предписаний и упражнений, необходимых для того, чтобы помочь клиенту измениться самому и изменить свою жизнь. Безусловно, ситуация, в которой находился Марк, требовала внести определенные коррективы, но я пока не совсем понимала,

как это осуществить.

– Темп нашей работы будет зависеть только от тебя. Сегодня я бы хотела узнать тебя получше и, если тебе покажется, что ты готов, приступить к упражнениям..

Я попросила Марка рассказать немного о своей семье и о том, как проходило его детство. Он родился в Дорчестере[2]. Его семья переехала в Сакраменто, в Калифорнию, когда ему было шестнадцать. В семье было четверо детей, он – старший. У него сохранились воспоминания о жизни, которую он вел до того, как перенес полиомиелит.

Он помнил, что каждое утро просыпался в предвкушении того, как будет бегать и играть на улице. Он очень любил играть с соседскими детьми..

Болезнь обрушилась на него в 1955 году. Ему было шесть лет, и он сразу же стал главной заботой своей семьи, особенно матери. Она полностью посвятила себя ему. На протяжении всех ранних лет его жизни она ухаживала за ним с неизменной лаской и терпением.

Несколько лет спустя сестра Марка, Карен, умерла от пневмонии, и с тех пор он не мог избавиться от незаслуженного чувства вины. Ему казалось, что родители, особенно мать, уделяли ему слишком много внимания и не заметили, что Карен нуждается в помощи, пока не стало слишком поздно. Ничто не указывало на то, что его опасения обоснованы, но избавиться от чувства вины Марк так и не смог..

Чувство вины было вызвано и множеством других вещей. Иногда Марк просыпался, чувствуя, что бедра покрыты липкой спермой. Он запомнил, как выражение отвращения пробежало по лицу его матери, когда она мыла его однажды утром. Ему было около двенадцати лет. Он мог возбудиться от того, что его левая нога перемещалась чуть дальше, и бедра тогда сжимали пенис сильнее.

Несколько раз он просил медсестер расположить его ноги таким образом. Он обнаружил это, когда во время купания его оставили в таком положении на несколько минут..

Несмотря на то что Марка вряд ли можно было назвать католиком в

традиционном смысле этого слова, он стыдился проявлений своей сексуальности и чувство стыда приписывал полученному в детстве религиозному воспитанию. Так же, как и муки совести, вызванные смертью сестры, это был подсознательный, иррациональный стыд, но для него он был так же реален, как и огромное «железное легкое», внутри которого он проводил большую часть жизни..

Родители никогда не говорили о сексе, и никто из целой армии докторов и психотерапевтов, которые занимались его лечением на протяжении всей его жизни, не могли дать ему ясного представления на этот счет. Проявления сексуальности – и с этим сталкиваются многие инвалиды – оставались незамеченными окружающими.

Большинство, кажется, утвердилось в мысли, что физический недуг исключает потребность в прикосновении и человеческой близости..

Несмотря на физические трудности, которые приходилось преодолевать, Марк получил диплом специалиста по английскому языку в Калифорнийском университете в Беркли, и его поэтические произведения и статьи издавались. Он работал на текстовом процессоре с помощью палочки, которую держал ртом. Степень магистра он собирался получать по специальности журналиста, но вскоре начали сказываться последствия полиомиелита, поражающие мышцы.

От учебы пришлось отказаться. Он жил возле университетского кампуса и передвигался на инвалидном кресле, которое выглядело как медицинская каталка с мотором. Он лежал навзничь или немного приподнявшись. Его позвоночник был слишком сильно искривлен, и он не мог сидеть в обычном кресле..

Марк не помнил, была ли когда-нибудь его жизнь лишена этого чувства одиночества и отчужденности. Каждый следующий день был отрезком бесконечного пути, который простирался перед ним, как пустынная бескрайняя дорога. Его сексуальный опыт ограничивался несколькими случайными прикосновениями медсестер и внезапным возбуждением, когда ему помогали принимать ванну. Это всегда сопровождалось чувством неловкости и стыда. «Иногда я позволяю увлечь себя мыслью о том, что, возможно, кто-то ждет меня в этом мире, но, если быть честным, я думаю, надежды нет. Мне кажется, что я заглядываю в

окно дорогого ресторана и вижу пирующих людей и роскошные блюда, которые мне уже никогда не попробовать», – говорил он..

Я достаточно долго была суррогатным партнером, чтобы хорошо изучить природу человеческой сексуальности, и знала, что привлекательность включает в себя множество факторов и необязательно иметь фигуру поп-звезд, растиражированных массовой культурой, чтобы иметь здоровые крепкие отношения и яркую сексуальную жизнь.

Я знакома с людьми, возможности которых также были ограничены, но тем не менее у них было и то и другое. И все же – неужели он прав, когда говорит о невозможности найти себе пару. Я поняла, что снова и снова возвращаюсь к этой мысли. Несмотря на то, что я была знакома с Марком всего пару часов, он уже успел мне понравиться.

Он был не лишен остроумия, он был умный, храбрый. Но мог ли человек с такими серьезными физическими недостатками с полным правом надеяться на то, что найдет себе партнера. Стала бы я встречаться с ним или испугалась бы. Благодаря своей профессии и особенностям собственного темперамента я склонна поддерживать и обнадеживать людей даже в самых сложных ситуациях, видеть в них потенциал и скрытые возможности.

Я бы очень хотела уверить Марка, что обязательно найдется подходящий для него человек, но в то же время я боялась подарить ложную надежду..

– Марк, я не умею предсказывать судьбу, я просто должна все подготовить, чтобы, встретив подходящую женщину, ты мог создать крепкие, здоровые отношения, – сказала я. – Давай еще немного поговорим о том, как будет проходить наша работа, о том, на что способно твое тело.

Я думаю, что произнесла эти слова не только потому, что хотела быть честной с Марком, но и для того, чтобы напомнить себе о границах возможностей суррогатного партнера.

– Предположим, ты вступил в отношения с человеком, который, как тебе кажется, идеально подходит для тебя. Что ты почувствуешь?

– Много всего, наверное. Тревогу, радость, облегчение.

– Что тебя тревожит?

Марк сделал паузу, а потом попросил дать ему трубку с кислородом. Я поднялась, подошла к респиратору, и деревянный пол старого коттеджа скрипнул под моими шагами. Через несколько секунд он разомкнул губы, и я вынула трубку у него изо рта.

– Я боюсь показать, что я... еще девственник, что она захочет видеть рядом кого-то более опытного и умелого.

– Так, хорошо, значит, ты хочешь приобрести опыт. Это естественно. Многие боятся, что у них недостаточно опыта, чтобы доставить удовольствие партнеру.

– Я не хочу прожить всю жизнь без секса.

– Ты и не проживешь. Мы вместе будем работать над этим.

Для человека, находящегося в положении Марка, было важно услышать, что он может достигнуть того, о чем мечтает, и что его мучают те же страхи, что и многих из нас. Даже те из моих клиентов, которые не сталкиваются с такими трудностями, как Марк, с облегчением узнают, что они не одиноки в своих сомнениях.

Марк так привык быть в стороне, нуждаться в специальном обращении, что сказанное мной было равносильно комплименту..

Мы с Марком говорили около часа. Поскольку он был готов к этому, пришло время перейти к физическим упражнениям.

– Как тебе кажется, можно уже приступить к изучению твоего тела?

– Ну да, то есть я бы хотел это сделать.

Теперь нужно было раздеться, то есть я должна была снять с Марка одежду и впервые увидеть его тело. Внезапно меня охватил страх. Он был таким хрупким. Что, если я пораню его или не смогу работать с его телом?

– Марк, в любой момент, если я сделаю что-то, что тебе не понравится, дай мне знать. Не только для нашей совместной работы, но и для тебя

самого важно научиться говорить потенциальному партнеру о том, что ты чувствуешь. Если тебе будет плохо, неудобно, просто скажи, чтобы я перестала, хорошо?

– Хорошо, – ответил он, и по его лицу пробежала тень беспокойства.

– Помни, все это мы делаем для тебя, поэтому если захочешь, чтобы я делала что-то медленнее или перестала делать вообще, достаточно просто сказать мне об этом.

Я осторожно подняла одеяло. Он был одет в красную рубашку с длинными рукавами и черные тренировочные штаны. «Медленно и аккуратно, медленно и аккуратно, – повторяла я себе, как заклинание. – Начнем с рубашки». Я расстегнула первую пуговицу, а затем и остальные до самого конца. Потом пуговицу на запястье левого рукава.

Потом оттянула рукав, насколько это было возможно. Воротник спустился на одно плечо. Марк очень мало времени проводил на улице и был очень бледен. На фоне красной ткани рубашки его кожа казалась белоснежной, как соль. Я энергично потерла ладони друг о друга, чтобы согреть их, и запустила руку под рубашку.

Я мягко доставала худую руку Марка, одновременно стягивая с него рукав и опуская руку на кровать. Когда рукав был почти снят, Марк закричал – очень громко. О господи. Неужели я поранила его?.

– Что случилось? – спросила я как можно более спокойным тоном.

– Ноготь, ноготь зацепился за рубашку, – ответил он.

– Ничего, ничего... Дай посмотреть, – я высвободила палец из рубашки.

Про себя я отметила, что нужно не забыть сказать Вере, чтобы подрезала ему ногти.

– Марк, я обязательно должна знать, если что-то не так, но крик – это не очень сексуально. Я знаю, нам нужно быть предельно осторожными с твоим телом, поэтому ты всегда должен говорить, если что-то тебя побеспокоит, но постарайся делать это более спокойным тоном. Помни,

что одна из наших основных задач – создать модель твоего общения с будущим партнером, а то, что произошло сейчас, может сильно напугать и отбить всякое желание, – у меня по коже бежали мурашки, и я надеялась, что Марк этого не заметит.

– Тебе нужно еще подышать, прежде чем мы продолжим?.

К моему удивлению, он отказался. Наконец я сняла рукав с его левой руки и перешла к правой.

Затем пришло время снимать штаны. Левое бедро было приподнято и свернуто на один бок так, что нависала кость и была видна часть левой ягодицы. Он весил семьдесят фунтов и был достаточно легким, чтобы я могла оттянуть вниз резинку штанов и белья, спустив их до колен, не отрывая его от кровати. Я потянула за штанины, и передо мной предстало целиком его хрупкое тело..

– Как ты себя чувствуешь, Марк? Тебе тепло?

– Да, – ответил он тихо.

Пришла моя очередь раздеться. Я сняла блузку и джинсы, расстегнула лифчик, сняла белье и носки и сложила все на кресле. Марк наблюдал.

– Я никогда раньше не видел голой женщины, – произнес он, запинаясь.

Несмотря на худое тело, у Марка были пухлые щеки, которые сейчас покрылись розовым румянцем.

– Именно поэтому я здесь, – подбодрила я его и легла рядом с ним на кровать. – Сильнее всего пациенты начинают нервничать на этой стадии. Для того, чтобы секс приносил удовольствие, очень важно уметь расслабляться, поэтому я сейчас покажу упражнение, которое в этом поможет.

Обычно в этот момент я учила клиента дышать глубоко, с помощью диафрагмы, сосредоточившись исключительно на процессе дыхания: долгий, полный вдох, и сразу же медленный выдох. Еще я говорю пациентам, что нужно почувствовать все свое тело с головы до ног, чтобы

избавиться от всякого напряжения. Марк не мог делать глубокие вдохи, но я все же попросила его сосредоточиться на дыхании, даже если оно было затрудненным..

– Закрой глаза и постарайся очистить свое сознание от всего лишнего, думать только о дыхании, – сказала я.

Несколько минут мы лежали рядом друг с другом, закрыв глаза и сконцентрировавшись на вдохах и выдохах. Я перевернулась на бок и прижалась к нему; тепло его тела согревало грудь и бедра. Со своими ста шестьюдесятью сантиметрами роста я казалась самой себе великаном по сравнению с Марком.

– Хорошо справляешься, – сказала я, обхватив его рукой за пояс и немного напрягая мышцы, чтобы не давить на него всем весом своего тела.

На первых занятиях я обычно делаю упражнение, которое называется «тактильный контакт». Я как будто внимательно вчитываюсь в тело пациента. Мои руки исследуют его, начиная с пальцев ног и заканчивая головой, отмечая каждую особенность: оттенок кожи, температуру, веснушки, шрамы, – все то, что делает наше тело уникальным.

Упражнение дает пациенту возможность понять, какие части его тела лучше отзываются на прикосновение. И обычно становится открытием, что не только гениталии могут стать источником удовольствия и возбуждения.

Например, уже не один пациент говорил мне, что очень чувствительно прикосновение под коленом..

Я объяснила суть упражнения Марку. Он был парализован, но по-прежнему чувствовал свое тело в каждой его точке и мог ощутить, как мои руки двигаются вверх или вниз. Как правило, я исследую тело с обеих сторон, но с Марком мои возможности были ограничены той позой, в которой он вынужден был пребывать. Я попросила его постараться определить то, что он чувствует: обычное состояние, приятные ощущения, чувственное удовольствие или сексуальное удовольствие..

– Есть разница между третьей и четвертой стадией. Чувственное удовольствие не всегда провоцирует сексуальное возбуждение, в отличие от сексуального удовольствия. Существует только два правила: нужно

стараться как можно лучше сконцентрироваться на своих ощущениях и говорить мне, когда эти ощущения станут неприятными.

Когда поймешь, что внимание рассеивается, старайся вернуться к своему телу, к той его части, где находятся мои руки..

Я провела рукой по волосам Марка и сказала ему, какие они мягкие и какое удовольствие мне это доставило. Я медленно поднялась и прошла к противоположной части кровати, взяв в руки его ступни. Они были узкими и немного влажными, а ногти на пальцах – чуть длиннее, чем нужно. Про себя я еще раз отметила, что нужно попросить Веру их подстричь.

Я осторожно помяла большими пальцами подушечки пальцев, и он слегка ими пошевелил..

– Щекотно?

– Нет, приятно.

Я медленно добралась до лодыжек, и мои пальцы коснулись ног, едва заметно покрытых легкими коричневыми волосами. Я медленно провела ладонями по собственным бедрам и продолжила свой путь. Пенис Марка был уже твердым, мошонка набухла и налилась густым коричневато-красным цветом. Я осторожно взяла пенис в руку и кончиком пальца провела вокруг.

Когда я отпустила руку и пальцы уже были на животе Марка, он издал легкий вскрик и кончил. Зажмурившись, он тихонько выругался. Потом сказал: «Извини»..

– Не волнуйся, все в порядке, – ответила я.

Очевидно, что Марку необходимо будет научиться продлевать состояние возбуждения. Сейчас было самое время поговорить о цикле сексуальных реакций человека и стадиях полового возбуждения.

– В цикле сексуальных реакций человека четыре стадии. Первая называется «возбуждение», или «набухание», у этой стадии есть физические проявления, эрекция, например. За этим наступает стадия «плато». Это лучшая часть, и это состояние можно научиться продлевать.

На этой стадии пенис в состоянии полной эрекции.

Можно заметить признаки близкой эякуляции, мышечное напряжение, учащенное сердцебиение. Третья стадия – «оргазм», последняя – «рефрактерный период», когда тело возвращается в состояние до наступления возбуждения..

Чтобы научиться продлевать стадию «плато», Марку нужно было понять, что такое шкала возбуждения.

– Эта шкала показывает, в какой именно фазе «плато» ты находишься. От одного до десяти. Один – начальная фаза возбуждения, десять – оргазм. Сначала может быть трудно определить с точностью, но потом станет легче. Это поможет продлить эрекцию, – объяснила я. Я взяла из сумки бумажные салфетки и осторожно вытерла его пенис и живот. Упражнение подходило к концу. Я провела руками вверх по животу и груди Марка, большими пальцами я коснулась адамова яблока и левой стороны челюсти, провела по глазу, потом вниз вдоль носа и по подбородку и медленно спустилась вниз, к ступням.

Закончив с передней частью его тела, я подошла к изголовью кровати и сделала то же самое с левой частью ягодицы. Мои пальцы ощупали его плечо и руку, а потом вернулись вниз. Я снова опустилась на кровать..

– Ты можешь сказать мне, какие части твоего тела были больше всего чувствительны к прикосновению? – спросила я.

– Мне было очень приятно, когда ты касалась голеней и лица, но, честно говоря, каждое прикосновение возбуждало меня.

Я слышала это не в первый раз. Люди, чья сексуальность не раскрыта полностью, изголодались по прикосновениям; их тело приобрело невероятную чувствительность и отзывается на малейшую ласку. Я понимала, что, когда ощущения потеряют для Марка свою новизну, ему легче будет разобраться в оттенках.

Марк спросил, может ли он поцеловать мою грудь. Я легла на бок и поднесла левую грудь к его губам.

– А теперь с другой стороны, – произнесла я с наигранной

серьезностью.

Я наклонилась над ним, чтобы он мог поцеловать правую грудь.

Послышался короткий всхлип, и я поняла, что ему нужен воздух. Я приподнялась на локтях и протянула ему трубку. Он сделал несколько глотков, и улыбка играла на его губах, пока он дышал.

*

Три недели спустя, на нашем следующем сеансе, я заметила, что у Марка отросли волосы.

– Я решил их не отрезать из-за того, что ты сказала в прошлый раз.

Тогда я действительно отметила, какие шелковистые у него волосы. Я провела рукой по его голове.

– Так же приятно, как и в прошлый раз, – произнесла я.

Из окна спальни была видна клумба с нарциссами. Бутоны уже начали раскрываться, и я пожалела, что приходится опускать жалюзи.

Марк, казалось, нервничал меньше, чем в первый раз, и, если быть откровенной, я тоже. Задачи, которые стояли перед нами, и проблемы, с которыми предстояло бороться, – все это представало передо мной в более ясном свете. Мне предстояло помочь Марку лишиться девственности и подготовить его к счастливой сексуальной жизни с будущим партнером.

Я все еще сомневалась в том, что в положении Марка возможны долгие отношения, но наши занятия могли придать ему уверенности в себе на случай, если такая возможность все же сохраняется..

Мы поговорили немного о нашем последнем сеансе. Марк сказал, что примерно то же самое испытывал перед тем, как поступить в колледж: в голову ему приходили тысячи обстоятельств, мешавших ему сделать это,

но он все равно поступил и рад, что решился. Он также рассказал, что пишет автобиографию и собирается написать о нашей совместной работе.

Потом объявил, что сегодня хочет попробовать нечто новое..

– Я хочу сделать что-нибудь, что доставит тебе удовольствие.

– Ну что ж, не буду отказываться.

Это естественная потребность – желание пациента доставить мне удовольствие. Большинство не хотят пассивно принимать ласки, они хотят отвечать на них. Как правило, если это не неприятно мне и не мешает нашей работе, я позволяю пациентам касаться меня, если они этого хотят. Если у пациента возникают трудности в общении с партнершей, это может стать прекрасной возможностью построить модель разговора на тему ее предпочтений..

Еще не раздев Марка до конца, я заметила, что он уже возбужден. Когда я снимала штаны, мне пришлось оттянуть резинку, потому что она задевала за его твердый пенис. Я разделась, и, когда собиралась опуститься на постель, Марк выкрикнул: «Боже мой, Боже мой, Боже мой», – и кончил.

Он так сильно покраснел, что, казалось, на щеках распустились два огромных красных мака.

– Все нормально, Марк, правда, – я легла и на несколько минут обвила его руками, чувствуя частый стук его сердца. – Помнишь дыхательные упражнения, которые я показывала тебе в прошлый раз?

Мы закрыли глаза и на несколько мгновений сосредоточились на дыхании. Пульс стал медленнее. Я провела ладонью по руке Марка.

– Ты собирался доставить мне удовольствие, – сказала я.

Марк с усилием улыбнулся, постепенно преодолевая смущение.

– Мне нравятся твои соски. Тебе бы хотелось, чтобы я их облизал?

По правде говоря, мне очень это нравилось, но я предпочла

пококетничать немного, своим молчанием доказывая обратное. Меня пугало, что Марк перестанет дышать на несколько секунд. В моей голове вспыхнул газетный заголовок: «Задушен грудью». Я бросила взгляд на респиратор и трубку, которая лежала в нескольких дюймах от его рта.

Я могу это сделать. Я это сделаю!.

– Мне бы очень этого хотелось, – произнесла я.

Я перекинула руку через его миниатюрное тело и прижала ладони к подушке по обеим сторонам его головы. Чтобы опустить грудь поочередно к его рту, мне пришлось сделать движение, напоминавшее отжимание. Я перенесла вес на левую руку и подняла правую, чтобы убедиться, что смогу быстро дотянуться до дыхательной трубки..

– Есть вещи и похуже, от которых я мог бы задохнуться, – сказал Марк.

Я медленно согнула руки и вывернула бедро влево, чтобы опустить правый сосок к его губам. Марк обхватил его влажным ртом и втянул в себя.

– Это очень приятно.

Через несколько секунд я отняла сосок от его губ, чтобы узнать, не нужен ли ему воздух.

– Нет, мне нужен твой сосок.

На этот раз я наклонилась к нему левую грудь, и он жадно в нее впился. Я ни разу не видела, чтобы он с таким же удовольствием вдыхал кислород.

Когда я снова отняла грудь, Марк спросил, могу ли я коснуться области за яичками. Я протянула руку и спросила, какую точно зону он имеет в виду. Когда я положила палец на промежность, полоску кожи между мошонкой и анусом, он сказал: «Вот здесь». Я легко потерла, и Марк произнес: «Сильнее». Я надавила сильнее, и он застонал от удовольствия..

Я положила голову в ложбинку между его щекой и левым плечом, и он

спросил, можем ли мы заняться сексом. Я попросила его прислушаться к своему дыханию, достала из сумочки презерватив и быстро надела его. Я перекинула через него ноги и опустилась вниз так, что его пенис касался моего лобка. Прежде чем я смогла ввести его пенис, он кончил..

– Все в порядке, все в порядке, – повторяла я.

Марк закрыл глаза и сжал губы. Его щеки приобрели розоватый оттенок.

– Все в порядке, – снова произнесла я.

Я взъерошила ему волосы, и он с улыбкой открыл глаза. Белки закатились, лицо приобрело мечтательное выражение; я уже знала, что это обычное его состояние после оргазма.

Я всегда стараюсь не отвлекаться, когда работаю с пациентом, но в тот день я заметила, что слишком нервничаю при мысли о следующем, третьем сеансе. На третий сеанс я обычно всегда оставляю упражнение с зеркалом. Это одно из самых важных упражнений. Пациент, стоя перед зеркалом в полный рост, рассказывает, как он воспринимает свое тело.

Мы тихо лежали рядом друг с другом, и я обдумывала, как объяснить это Марку. Я не знала, как он отреагирует. Был ли он готов к этому. Я уже собиралась начать, как вдруг он спросил, знаю ли я восемнадцатый сонет Шекспира..

– Я читала его очень давно, еще в школе, – ответила я.

– Я выучил его, чтобы прочитать тебе, – сказал он. – Сравню ли с летним днем твои черты?[3] – начал он. – Немного воздуха, – попросил Марк после первой строки.

Я поднесла трубку к его губам, и кислород наполнил его легкие. Он разомкнул губы, и я убрала трубку.

Но ты милей, умеренней и краше.

Ломает буря майские цветы,

И так недолговечно лето наше!..

Пациенты часто старались выразить мне свою благодарность, но никто не читал мне любовных стихов, переживших столетия. Я прижалась к нему и осознала, как сильно хочу, чтобы Марк нашел девушку, которой мог бы вот так, лежа бок о бок, читать это стихотворение.

Работа суррогатного партнера размывает границу между понятиями. Секс, даже в качестве терапии, неизбежно влечет за собой чувство привязанности. В начале своей карьеры я сомневалась, хватит ли у меня профессионализма, чтобы поддерживать дистанцию, одновременно создавая атмосферу близости, необходимую для достижения результата.

Балансировать на грани непросто, я беспокоилась, не возникнет ли у пациента слишком серьезной привязанности по отношению ко мне, ведь наша главная задача – помочь ему построить здоровые отношения в «реальном» мире. Если бы мы встретились раньше, когда я только начинала работать, мне бы казалось, что чувства Марка ко мне слишком сильны.

Но за тринадцать лет работы я уже видела достаточно, чтобы понять, что выражение привязанности – это, как правило, не больше, чем желание продемонстрировать искреннюю благодарность..

И смертная тебя не скроет тень

Ты будешь вечно жить в строках поэта

Среди живых ты будешь до тех пор

Доколе дышит грудь и видит взор,

– закончил Марк.

– Марк, это было прекрасно. Я хочу, чтобы ты знал, как я рада, что мы познакомились и что нам довелось работать вместе.

Я провела пальцем вдоль его бедра и вниз по ноге. Я ощущала возбуждение, какого еще не испытывала за все время, что мы были вместе. Я уже не в первый раз чувствовала сексуальное влечение к пациенту. Это не значит, тем не менее, что в других случаях мне приходится принуждать себя или возбуждаться другими способами.

Работа суррогатного партнера ориентирована только на клиента, ведь все, что мы делаем, – это в первую очередь способ решить его проблему..

Одновременно с возбуждением я чувствовала грусть. Марк – очень тонко чувствующий человек и способен быть нежным любовником. Меня угнетала мысль о том, что, возможно, ему никогда не представится возможность им стать. Мне хотелось коснуться его, продемонстрировать свою нежность, но я знала, что нужно поговорить об упражнении с зеркалом..

Учитывая, как болезнь исказила его тело, я не была уверена, видел ли он когда-нибудь свои гениталии, будучи уже взрослым человеком. Мысль о том, как он может на это отреагировать, тревожила меня, но я по-прежнему была уверена, что это важно – дать ему увидеть свое тело целиком.

– Я бы хотела обсудить наш следующий сеанс, – начала я. – Я принесу зеркало, чтобы ты смог увидеть свое тело в полный рост. Как тебе такая идея?

Марк колебался. Я уже научилась распознавать сигналы, которые подавало его тело, и почувствовала, как потеплела его кожа, согревая мою. По вполне понятным причинам для него это был непростой вопрос.

– Не знаю. Мне любопытно, но я боюсь того, что могу увидеть.

– Что тебя пугает?

– Я никогда раньше не видел свой член, – ответил он. – Что, если он

тоже деформирован?

– С твоим пенисом все в порядке, Марк. Ты сам это увидишь.

Меня беспокоило не то, как он воспримет свой пенис, – ему предстояло увидеть свое тело. Станет ли для него потрясением вид собственного обнаженного тела, искаженного последствиями полиомиелита?

Я взяла его лицо ладонями и поцеловала в лоб. Марк разомкнул губы, и его кадык заходил вверх и вниз. Ему нужен был воздух. Я повернула рычаг на респираторе и поднесла шланг ко рту. Он сделал несколько глубоких вдохов из непрозрачной гофрированной трубки.

– Спасибо, Шерил, – произнес он, когда я отняла трубку.

По дороге домой тем вечером моя тревога по поводу следующего сеанса начала рассеиваться. Как и у многих других инвалидов, с которыми я работала, в нем сильны были мужество и воля к жизни. Он мог выдержать испытание, увидеть свое тело. Возможно даже, все окажется не так серьезно, как он того ожидает. Помимо католического воспитания и происхождения меня и Марка объединяло еще кое-что: я тоже ни разу не видела своих гениталий, пока не стала взрослой..

*

На заре семидесятых годов я жила в Сан-Франциско и так же, как и многие другие в это время, подвергала сомнению все, чему меня учили раньше. Я записалась на курсы мастурбации, которые вела великолепная Бетти Энн Додсон, доктор наук (или доктор Бэд, как мы ласково называла ее иногда), автор совершенно революционной книги «Освобождение мастурбацией: размышления о любви к самому себе» (позже книга стала называться «Секс для одного») и книги «Оргазм для двоих»..

Занятие началось с того, что мы отправились в магазин. Бетти отвела группу из двадцати женщин в продуктовый отдел, где каждая выбрала себе

по цуккини. Потом мы вернулись в комнату для занятий, полную пухлых подушек. Бетти принесла с собой маленькое зеркало, и мы по очереди, опираясь на подушки, разглядывали свои гениталии.

Бетти предлагала изучить влагалища остальных. У нее был фонарик, чтобы было лучше видно, и когда понадобился доброволец, чтобы держать его, я подняла руку. Я и представить раньше не могла, что у меня будет шанс увидеть гениталии такого количества разных женщин, поэтому сразу ухватилась за предоставленную возможность.

Когда кто-нибудь соглашался показать всему классу свое влагалище, я направляла фонарик, чтобы всем было хорошо видно. Оказалось, что никто не хочет остаться в стороне, и все двадцать женщин с готовностью продемонстрировали остальным свои гениталии. Для многих стало открытием то, как красиво на самом деле женское влагалище, они с удивлением отмечали сходства и различия между собой и остальными.

Под общий смех мы обсуждали, какого размера цуккини выбрала каждая из нас и как это свидетельствует о наших предпочтениях. Затем последовала дискуссия о том, как женщины мастурбируют. Некоторые пользовались вибратором или резиновым пенисом, другие не использовали ничего, кроме своих рук. Некоторых меньше беспокоил размер того, что проникает во влагалище, и больше удовольствия доставляли прикосновения.

Я хорошо запомнила восторженную и радостную атмосферу, которая воцарилась в комнате. Столько женщин, которым внезапно открылась красота их гениталий, – этого мне никогда не забыть..

Во время упражнения с зеркалом я иногда замечаю у пациентов реакцию, схожую с той, что была у учениц Бетти. Это одна из причин, по которой это упражнение кажется мне таким важным, – оно открывает им глаза на многие вещи. Некоторые впервые обращают внимательный взгляд на свое тело. Я надеялась, что Марк хотя бы в некоторой степени почувствует то, что я чувствовала в тот день на первом занятии у Бетти..

На время третьего сеанса мы не смогли воспользоваться коттеджем, в котором проводили занятия раньше, поэтому в этот раз Марк попросил разрешения у друзей воспользоваться другим домом.

Дикси, вторая помощница Марка, открыла мне дверь и указала в глубь квартиры. Она заметила зеркало, которое не помещалось целиком в сумку. Она запнулась на мгновение, как будто собираясь задать вопрос, но затем только смущенно улыбнулась и сказала: «Через кухню направо». Квартира была маленькой, на стенах облупилась краска.

Кухонный стол был покрыт тем же зеленым линолеумом, что и пол. Когда я шла через кухню в заднюю комнату, где меня ждал Марк, мои ботинки приклеились к чему-то, и с каждым шагом мне приходилось с усилием отрывать их от пола..

Я постучала в тяжелую дубовую дверь спальни.

– Марк, это я, Шерил, – сказала я, затем медленно открыла дверь и вошла.

На этот раз матрас лежал на полу. В углу комнаты стоял стол, заваленный бумагами. Ноги Марка выглядывали из-под синего пледа. На них были белоснежные, как яичная скорлупа, носки. Я подумала о том, что эти ноги никогда не касаются земли, и почувствовала укол совести. Из большого окна, которое выходило на кампус Калифорнийского университета, струился свет, и в солнечных лучах плясали пылинки.

Марк улыбнулся..

– Я рад тебя видеть, Шерил. – И добавил, прежде чем я успела ответить: – Ты принесла зеркало.

Я присела к нему на матрас и поцеловала в губы. Когда поднимала голову, мои длинные каштановые волосы скользнули по его груди.

– Принесла. Немного попозже приступим к упражнению, о котором я говорила в прошлый раз, хорошо?

Я спросила Марка, что он делал эти три недели, которые прошли с нашего последнего занятия. Написание статей отнимало у него довольно много времени, и он как раз подписал контракт с местной газетой на статью о правах инвалидов. Он с нетерпением ждал сегодняшнего дня. Ему начало казаться, что он сможет заниматься сексом и получать от этого удовольствие как «нормальный» человек.

Более того, он смог доставить удовольствие мне. Человеку в положении Марка, сексуальные потребности которого воспринимались в лучшем случае как неудобство, это должно было придать невероятную уверенность. Как и большинству из нас, Марку хотелось верить, что он может доставить кому-то удовольствие в постели..

Я раздела его и разделась сама. Как обычно, Марк лежал с левого края кровати. Его голова всегда была повернута вправо, поэтому только в таком положении он мог видеть меня, когда я лежала рядом с ним. Я села на правый край матраса и закинула на него ноги. Потом перекатилась на бок и прижалась к нему. Его пенис уже был возбужден.

Я поцеловала его в лоб..

– Ты уже дольше можешь находиться в стадии «плато». Это успех, – я ласково провела рукой по его лицу и груди. Я поцеловала его в губы и опустила руку, чтобы коснуться его промежности и мошонки. Я чувствовала, что мошонка приподнялась, и знала, что это было знаком приближающегося оргазма. Я отняла руку и попросила его определить свое состояние по шкале возбуждения..

– Попробуй определить, где ты находишься. От одного до десяти.

Ему казалось, что его состояние близко к семи. Тогда я попросила его сделать дыхательное упражнение, которому я его научила. Я положила руку на его бедро и провела пальцами по направлению к пенису. Сдавленный звук превратился в стон, и он кончил.

– Я хотел, чтобы это случилось позже, – удрученно сказал Марк.

– Все в порядке. Помнишь, что случилось в прошлый раз? У тебя может быть еще один оргазм.

– Я хотел сегодня заняться сексом.

– Посмотрим, удастся ли нам это сделать.

Я медленно провела руками вверх и вниз вдоль его тела. Взяла его лицо в свои ладони и поцеловала в нос и в губы. Затем встала над ним, опираясь коленями по обеим сторонам его тела, чтобы он мог дотянуться до моих грудей. Он облизал их, проводя языком вокруг сосков. Я взяла его ладонь и, сложив пальцы в кулак, осторожно провела костяшками его пальцев по своему клитору..

– Мне это очень нравится, – сказала я и попросила его помнить, что некоторым женщинам это может не доставлять такого удовольствия, поэтому важно не настаивать и спрашивать, хочет ли она продолжения.

Пенис Марка напрягся во второй раз, и я быстро надела на него презерватив.

– Я введу только кончик, и посмотрим, что произойдет.

Я взяла его пенис в руку и ввела головку в свое влагалище, попросив его оценивать уровень возбуждения. Сначала я не двигалась, а затем опустилась вниз. Примерно через минуту наступил оргазм.

– Ты кончила? – спросил меня Марк, и на его лице появилось разочарованное выражение, когда я ответила отрицательно, сразу же заверив, что мы попробуем еще раз.

– Тебе понравилось?

– Кажется, да. Все произошло так быстро.

– Быстро, но ты был внутри меня. Это большой шаг вперед, Марк.

Он улыбнулся и закрыл глаза, как будто погрузившись в дымку глубоких размышлений. Это всегда наступало после оргазма. Через некоторое время он вернулся ко мне, и я спросила, готов ли он увидеть себя в зеркале. Марк впервые должен был увидеть свои гениталии, будучи взрослым человеком.

Я установила зеркало горизонтально на дальнем конце кровати и стояла, придерживая кончиками пальцев раму в три фута длиной. Я медленно отодвигала его назад, чтобы Марк увидел себя целиком. Несколько секунд он не произносил ни слова, внимательно разглядывая свое тело сверху вниз.

– Ну как тебе? – спросила я.

– Не так уж плохо. Мне казалось, что будет хуже.

Я почувствовала огромное облегчение. В работе суррогатного партнера победы невелики и приходят постепенно. Возможно, это звучит как незначительное достижение, но для Марка это означало большой прогресс. Он мог поддерживать состояние эрекции немного дольше и не боялся теперь самого себя и собственного тела.

Даже несмотря на то, что руки его не могли двигаться без моей помощи, он научился действовать губами и языком, доставляя мне удовольствие. Этот процесс начался, когда он впервые коснулся моей груди на первом сеансе, и сейчас он продвинулся значительно дальше. Если повезет, это пригодится ему в отношениях с будущей партнершей..

Три недели спустя, в жаркий июльский день, я пришла к Марку, чтобы провести наш последний сеанс. Дикси крикнула «Войдите!», когда я постучала в дверь, и провела меня в другую спальню, где в одном углу кучей была сложена одежда, а в другом стоял письменный стол с лампой, сделанной под Тиффани, которая светила янтарным светом..

– Ты опять принесла с собой зеркало, – сказал Марк, когда я вошла в последнюю из череды спален, которые он находил для наших занятий.

– Я хочу, чтобы ты увидел свой пенис в состоянии эрекции.

Я раздела Марка и разделась сама. Пенис Марка был почти твердым, и я снова установила зеркало на краю кровати, чтобы он увидел его.

Когда он дал мне понять, что закончил осмотр, я забралась на кровать.

– Что ты чувствуешь на этот раз? – спросила я.

– Я думаю, он очень даже ничего, – ответил Марк с улыбкой.

Я подержала его пенис в руках несколько минут, и он спросил, может ли он поцеловать мое влагалище. Я наклонилась над его ртом. Он осторожно поцеловал, запустил внутрь язык. Он лизал мои малые губы и проникал языком еще глубже, быстро доставая его, касаясь губами. Он поцеловал клитор. Прекрасное ощущение.

Несколько секунд спустя я отстранилась и поднесла к его рту дыхательную трубку. Я была возбуждена. Когда Марк показал, что ему хватает воздуха, я положила трубку обратно на респиратор. Потом прижалась к нему и обвила его бедро ногой, чувствуя, как пенис упирается мне в ляжку..

Я надела презерватив и, проведя пальцем по головке, легко сжала пенис рукой. Я перекинула через него ногу, чтобы пенис оказался внутри меня, и начала двигаться, раскачиваясь. Я почувствовала, как влагалище начинает набухать. Я вместе с ним достигла высокой точки возбуждения. Я замедлила движения, чтобы продлить стадию «плато» для нас обоих.

Я делала вдохи и выдохи, но затем остановилась, чтобы спросить Марка, как он оценивает уровень своего возбуждения..

– Около восьми, – ответил он.

Я лежала, не двигаясь, еще минуту, потом приподнялась, чтобы пенис наполовину вышел из моего влагалища, после чего опустилась вниз и снова поднялась вверх. Марк кончил. Его возбуждение длилось дольше, чем в любой из наших предыдущих занятий. Даже после оргазма его пенис был еще достаточно твердым, чтобы я могла сделать еще одно движение вверх и вниз и кончить сама..

Он почти сразу же спросил, был ли у меня оргазм. Когда я ответила, что был, он просиял.

– Тебе нужен кислород? – спросила я.

– Нет, правда, не нужен, – сказал он. – Если бы мог, я бы выдал это за дыхательную терапию, и платить пришлось бы страховой компании.

Мы вместе засмеялись.

Из-за полиомиелита грудь Марка была деформирована. Она была приподнята, и на ней почти не было волос. Я наклонилась и нежно поцеловала ее. Послышался всхлип, и я потянулась за трубкой респиратора.

– Нет, – выдохнул он. Я поняла, что он плачет. – Никто никогда раньше не целовал меня в грудь, – сказал он. На этот раз мои глаза наполнились слезами. – Как раз вовремя.

*

Марк периодически связывался со мной в течение нескольких лет после нашей последней встречи, и я была очень рада, когда в 1994 году, через восемь лет после наших совместных занятий, он позвонил и сказал, что встретил девушку. Сюзан впервые узнала о Марке, прочитав в Интернете его стихи. Они произвели на нее такое впечатление, что она написала ему.

Завязалась переписка, и вскоре виртуальные отношения переросли в реальные. Марк был счастлив от того, что его страх никогда не встретить нужного человека не оправдался и он вступал в эти отношения, уже обладая некоторым опытом. «Благодаря тебе мне не пришлось говорить, что я все еще девственник», – сказал он..

Глава 2

Моя профессия подарила мне достаточно разных историй, чтобы написать эту книгу и множество других. Героями некоторых из них становятся такие люди, как Марк, которым приходится сталкиваться с различными трудностями в необычных обстоятельствах. Но большинству все же приходится решать более насущные проблемы.

Речь идет, например, об импотенции или преждевременной эякуляции. Когда я отбрасываю в сторону особенности и странности характера, почти всегда оказывается, что трудности, с которыми приходится бороться, едва ли окажутся в новинку многим из нас. Одиночество, тревога, страх, чувство вины или стыд, низкая самооценка, неудачная фигура или незнание особенностей своего тела – это только некоторые проблемы, с которыми я сталкиваюсь каждый день..

Я стала суррогатным партнером почти четыре десятилетия назад, и за это время мне довелось работать с сотнями разных людей. Я считаю невероятной удачей для себя, что мне удалось приобрести профессию, благодаря которой я могу с уверенностью сказать, что меняю жизнь людей к лучшему. Мой путь был долг и богат событиями.

Меня часто спрашивают, когда он начался, и я отвечаю – 1973 год, Сан-Франциско, но это верно только отчасти. На самом деле все началось почти на двадцать лет раньше, в трех тысячах миль к востоку от Калифорнии..

Город Сэйлем в штате Массачусетс расположен в шестнадцати милях севернее Бостона на берегу океана. Полуостров Сэйлем Нэк и остров Винтер, с которым он соединен дамбой, протягиваются в океан, как два указующих перста. Я родилась в 1944 году, когда Сэйлем почти целиком занимали разные этнические общины.

Поляки, ирландцы, итальянцы, канадцы – потомки эмигрантов, приехавших в XIX веке работать на текстильных фабриках..

Моя семья проделала долгий путь из Франции в Канаду и дальше, в Массачусетс, сохранив свой язык и свои привычки. К счастью, сохранили они и старинные рецепты. Моя прапрабабушка со стороны отца великолепно готовила. Когда мы приезжали к ней в гости, рот наполнялся слюной, как только мы переступали порог дома, наполненного ароматами французской еды.

Лучше всего ей удавались пироги с мясом или рыбой, запеканка из теста, мяса и овощей, кретоны, жаркое из свинины и говядина по-бургундски..

Сэйлем – место, где сохраняется тесная связь с прошлым, которое постоянно напоминает о себе. Речь идет о судах над ведьмами. «Дом ведьм», дом судьи Джонатана Корвина, который был одним из тех, кто проводил первые процессы над ведьмами в конце XVII века, по-прежнему мрачно возвышается на углу Норт-стрит и Эссекс-стрит.

Гэлоуз Хилл, где массовая истерия и религиозный фундаментализм привели к повешению двадцати невинных женщин, находится недалеко от того места, где я выросла. Сегодня город зарабатывает на этом благодаря пристрастию туристов к дешевым атрибутам искусства черной магии, но во времена моего детства ведьмы были не просто маркетинговым ходом накануне Хэллоуина.

В моем детском сознании они были реальны. Они служили в качестве средства запугивания, чтобы ребенок следовал по пути, предначертанном Богом или, по крайней мере, церковью..

Я была первым ребенком в семье Вирджинии и Роберта Террио. Почти два года спустя ко мне присоединился мой брат Дэвид, еще через восемь лет – брат Питер. Заработка моего отца на телефонной и телеграфной компании Новой Англии хватало, чтобы моя мать полностью могла посвятить себя домашнему хозяйству. Он начинал, продавая рекламу телефонным справочникам, и позже стал управляющим.

В отличие от большинства своих коллег, мой отец не закончил колледж. Зато у него были таланты – он хорошо рисовал и умел трепать языком. Это помогало ему успешно продавать. Расписывая клиентам выгоды размещения рекламы их товара, он рисовал перед их мысленным

взором картину будущего объявления и одновременно набрасывал эскиз в альбоме, который всегда носил с собой..

В большинстве своем члены моей семьи были трудолюбивыми, достойными уважения людьми. Многие из них были щедры и великодушны, и почти все – жизнелюбивые, веселые, любили большие семейные обеды, музыку, танцы, с удовольствием шутили и рассказывали истории.

Самым близким человеком в семье для меня была бабушка Фурнье, мать моего отца. Она была остроумной, доброй и души во мне не чаяла. Первое воспоминание моего детства: я выпрыгиваю из коляски, чтобы броситься с разбега в ее распахнутые объятия. У нее был потрясающий вкус, и когда я выросла, то обнаружила, что никто больше из моих сверстниц не мог похвастаться бабушкой, модным советам которой можно было с уверенностью следовать..

Несмотря на все свои достоинства, члены моей семьи были людьми своего времени. Они были взращены в рамках строгой католической морали и дофеминистских представлений о роли женщины – ее задача состояла в том, чтобы быть хорошенькой, найти крепко стоящего на ногах мужа и стать преданной женой и матерью, обеспечивая своей семье уют и покой.

Моя мать очень серьезно относилась к этой задаче. Безупречно опрятная, стройная, с идеальной прической и, если быть честной, помешавшаяся на внешнем виде, она никогда не позволяла себе выглядеть непривлекательно. Она вела хозяйство с непогрешимой аккуратностью и всегда жаловалась на то, что ее усилия не встречают должного признания со стороны остальных.

Она была великолепной домохозяйкой, но я не думаю, что эта роль доставляла ей большое удовольствие. Она постоянно злилась, и, оглядываясь назад, я теперь уже легко могу понять почему. Она была лучшей выпускницей в своем классе, была способной и умной женщиной и втайне желала большего, чувствовала глубокую неудовлетворенность бесконечным кругом домашних обязанностей.

Но в то время я не могла этого знать и видела только, что мама

неизменно была чем-нибудь недовольна, каким бы совершенством ни казались со стороны она сама и ее дом. «Вы и не заметили, наверное...» – говорила она раздраженно, натерев полы или выстирав занавески, то есть каждый раз, когда занималась неблагодарным домашним трудом..

Что касается секса, то религиозное воспитание и общественное мнение создали некий негласный код, и ореол молчания и тайны можно было нарушить, только чтобы подвергнуть суровому осуждению женщин (чаще всего это были женщины), которые преступили приличия. Однажды моя мать упомянула об одной женщине из нашего города, ее бывшей однокласснице, которую назвала «распущенной».

Она сказала это таким тоном, что я сразу же представила себе, как плохо быть распущенной. Я не до конца понимала, что значило это слово, но была уверена в том, что не хочу быть отнесенной к этой категории женщин..

Моя мать не могла даже произнести слово «влагалище», а тем более беседовать о том, что туда входило. В ее устах это называлось «hoosie», и только в тех случаях, когда данного упоминания совершенно нельзя было избежать. Проблему полового воспитания или того, что под этим подразумевалось в то время, они возлагали на плечи монахинь и преподавателей в начальной Школе непорочного зачатия Девы Марии, куда я поступила, когда мне исполнилось пять лет..

*

Во втором классе нас начали готовить к первому причастию и первой исповеди. Катехизис наставлял нас в том, что хорошо и что свято. Иногда меня охватывал страх при одном лишь взгляде на священную книгу с расплывчатым изображением Христа, грустным, благожелательным взором смотревшим на свою греховную паству с обложки..

Мы выучили разницу между смертными грехами и грехами простительными, и тогда же я получила примерное представление о том,

что такое моральное падение. Нас учили, что трогать «там внизу» – это один из самых страшных грехов. Для Бога это было особенно оскорбительно, и тот, кто развращал таким образом свое тело и душу, рисковал быть осужденным на вечные муки.

Это утверждение пробуждало тысячи ужасных предположений. Что, если потрогаешь там внизу, а потом умрешь, не успев исповедаться. Конечно, отправись напрямиком в ад. Я клялась никогда не касаться себя непристойным способом. Я сохраню чистоту своей души, даже когда придется столкнуться с мирскими соблазнами..

Вскоре после того, как я пошла в школу, оказалось, что процесс моего обучения должен был происходить каким-то другим способом. Гораздо позже, когда я выросла и у меня уже было двое детей, мне поставили диагноз – дислексия. Но в то время трудности, с которыми я сталкивалась при обучении чтению, письму и математике, принимали за проявления дерзости, лени или просто тупость..

Моим одноклассникам, казалось, не доставляло никакого труда складывать вместе звуки, превращать их в слова и предложения. Меня же приводили в замешательство слова, состоящие из одного слога, как «дом» или «стол».

Моя мать взялась помочь мне научиться читать. Она сразу же заказала серию книг «Дик и Джейн», и мы регулярно после школы занимались чтением. Каждый день мы садились на кухне, и я пыталась прочитать очередной рассказ о приключениях Дика, Джейн и их собаки Спот. Моя мать была осведомлена о существовании такого заболевания, как дислексия, не больше моих школьных учителей, а терпеливой была гораздо реже, чем некоторые из них.

Не знаю, казалось ли ей, что это будет способствовать моему скорейшему обучению, или она просто была сильно разочарована результатом, а может быть, думала, что я сознательно не хочу постигать самые простые вещи, но она прибегала к физическим наказаниям..

Вечера с моей мамой с пугающей предсказуемостью всегда заканчивались одинаково. Она просила меня прочитать слово, я читала его неправильно. «Произнеси как следует», – приказывала она и, когда мне не

удавалось этого сделать, так сильно сжимала мою руку, что иногда я вскрикивала от боли. Однажды ее привело в такую ярость, что я три раза неправильно прочитала слово «мог», что она выдернула меня со стула за руку и швырнула обратно на стул.

Я начинала так сильно нервничать, что слова на странице как будто стирались в тот момент, когда я пыталась их прочесть, это сводило все мои старания на нет и еще больше усиливало ярость моей матери..

Мне было совершенно непонятно, и я не могла признать этого еще долгие годы, как моя мать в то же время могла быть и очень сострадательной женщиной. С нами по соседству жила умственно неполноценная женщина – Грета. Я видела, что мама добра и ласкова с ней. Она настаивала, чтобы окружающие относились к ней с должным уважением.

Моя мама была ласкова не только с Гретой. Ее считали доброй соседкой, которая с готовностью окажет помощь, если понадобится. Почему она не могла проявить такое же участие ко мне. Может быть, она видела во мне какие-то дурные стороны. Я сделала вывод: меня, видимо, в принципе невозможно полюбить и я нуждаюсь в ином обращении.

Но проблема состояла в том, что, как бы сильно я ни старалась, мне, по-видимому, не удавалось стать лучше..

Я была, кажется, в третьем классе, когда пришла к заключению, что у меня есть некоторые особенности, которые нужно скрывать. Я убедилась в том, что была, как тогда говорили, «отсталой». Просто это не проявлялось в такой степени, как у Греты. Нужно было держать это в секрете, иначе мне бы не позволили учиться в одном классе с моими друзьями – если бы, конечно, они еще остались моими друзьями, узнай они о моих особенностях.

Я бы стала изгоем общества и позором семьи. Бабушка Фурнье, наверное, заступилась бы за меня, но я бы никогда не рассказала ей. Она, возможно, даже продолжала бы меня любить, но каким разочарованием станет для нее это открытие. И уж точно никто не взял бы меня замуж, если бы это выплыло наружу. С одной стороны, я думала, что мне повезло – моя отсталость не так бросается в глаза.

С другой стороны, мне казалось, что лучше бы бросалась. Тогда, по крайней мере, люди не питали бы таких надежд в отношении меня и я бы не могла их разочаровать..

В конце каждого школьного года я трепетала от страха, что меня оставят на второй год. К моему облегчению, такого никогда не происходило. Каждый год мне удавалось проскочить. Возможно, эта черта как бы компенсировала мои академические неудачи, но скоро оказалось, что я могу быть душой компании и остроумно шутить.

Я могла болтать с кем угодно, я обожала разговоры. По характеру я была оптимистом и прирожденным лидером, по крайней мере, в детских играх. Я быстро поняла, что мои шутки всем нравятся, что у меня талант к общению с людьми, что я умею увлекательно рассказывать истории. Я могла воспроизводить сцены из фильмов, целые диалоги голосом Натали Вуд, Тони Кертиса или других популярных в то время актеров.

Я смешила своих одноклассников, и они любили меня за это..

*

В средних классах мне не всегда удавалось справляться с учебой, и друзья начали помогать мне, чтобы я не отставала от класса. Обычно перед началом занятий мы собирались в «Кондитерской Марты», на соседней улице со школой Девы Марии. У Марты торговали содовой и играли самый модный и крутой в то время рок-н-ролл.

Элвис, Бидди Холли, Билл Хейли и «Кометс», Биг Боппер – мы с друзьями сидели со стаканами «Лайм Рики» и млели под их песни, поедая маффины с маслом и джемом. Мы с моей верной подругой Лизой крутились на высоких барных стульях, и одновременно она внимательно проверяла мое домашнее задание, вставляя правильные ответы..

К несчастью для меня, наши подпольные утренние занятия не продлились дольше первых месяцев восьмого класса. Однажды прохладным утром, когда мы с Лизой сидели под «Chantilly Lace»,

склонившись над моей домашней работой по математике, я сделала оборот на своем стуле и увидела две темные фигуры, приближающиеся к двери.

Рясы их вились вокруг, как клубы темного дыма. Они подошли ближе. Ошибиться было невозможно – сестра Агнеса Женевьева, учительница восьмых классов, и сестра Элис, мать-настоятельница. Они каким-то образом узнали об утреннем списывании у Марты и в тот же день положили ему конец. Я не была уверена, справлюсь ли теперь с выпускными экзаменами, но вмешательство сестер отчасти принесло мне облегчение.

В конце концов, списывать – это грех, хотя тогда я, наверное, могла его себе позволить, ведь на моей душе уже лежал самый тяжкий грех, королева грехов – мастурбация..

Поскольку должно было пройти еще много времени, прежде чем понятие самооценки утвердилось в массовой культуре и хорошие учителя начали прилагать усилия к тому, чтобы ее ненароком не занизить, большинство моих ночей начиналось с приступа тревоги по поводу унижения, которое мог принести мне завтрашний день.

Я не могла заснуть. К несчастью, средство, приносящее облегчение, считалось смертным грехом..

Я начала мастурбировать, когда мне было около десяти лет, и научилась достигать оргазма почти каждую ночь. Это было единственное, что помогало мне расслабиться и заснуть. Ночью меня охватывала тревога, утром – чувство вины. Я пришла к убеждению, что любая боль, любой ушиб или рана – это Божье наказание.

Позже мне приходилось проводить дни в постели из-за менструальных болей. Это я тоже считала проявлением божественного суда. Он повсюду преследовал меня своим яростным взглядом. Иногда я представляла, как ангел-хранитель отворачивается с отвращением, пока я, мастурбируя, двигаюсь вверх и вниз в кровати..

Я разочаровала Бога и ангела-хранителя. Не говоря уже о моей матери. Однажды вечером она застала меня за мастурбацией и закричала, стоя в дверях моей спальни: «Сейчас же вынь руки из-под одеяла!»

Священники на исповеди были возмущены ничуть не меньше. Каждое воскресное утро, пока я повторяла «Отче наш» и «Аве Марию», молитвы, которые должны были уберечь меня от греха, который я каждый вечер совершала под одеялом, я вновь и вновь давала обет противостоять искушению. Исповедники давали мне понять, что на мне лежал особенно тяжкий грех, что я не больше и не меньше, как подвожу самого Иисуса Христа, не желая ему противостоять.

Я была им отвратительна, я их разочаровала. Но вскоре я предоставила им еще больше поводов для разочарования..

Глава 3

У отца Денниса был глубокий баритон, и казалось, что этим голосом вещает сам Бог. В самом звуке его громогласных сентенций под сводами исповедальни было столько обличения и одновременно надежды на спасение, что мой собственный голос дрожал, пока я перечисляла свои грехи, список которых неизбежно включал в себя мастурбацию.

Но с тех пор прошло много лет. Это было частью детства, прошедшего под надзором Бога, который был в равной степени всевидящим и мстительным. Бог, в которого в 1976 году я уже не верила. Но в моих ушах по-прежнему звучал голос отца Денниса, когда я слушала Брайана, пациента, который осенью обратился ко мне..

К тому времени я уже три года была суррогатным партнером, одной из примерно ста людей, занимающихся этим. Сейчас специально обученных суррогатных партнеров в Соединенных Штатах немного. Международная ассоциация суррогатных партнеров утверждает, что таких людей в стране около пятидесяти. Даже в конце семидесятых, когда это число было значительно выше, нас, по моей оценке, было не больше двухсот.

Большинство из них жили и практиковали на побережье..

Мы с Брайаном встретились в квартире с одной спальней, которую я превратила в свой офис. В гостиной я проводила консультации, в спальне – физическую часть работы с клиентами. Обставляя квартиру, я позаботилась о том, чтобы люди чувствовали себя свободно и комфортно: мягкие кресла, стены, покрашенные в светлый персиковый цвет.

На стол я всегда ставила свежие цветы и что-нибудь поесть. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы клиент чувствовал себя как в больнице..

Брайану было тридцать два года, его проблема заключалась в том, что ему трудно было достигать и поддерживать эрекцию. Его пенис становился твердым на несколько минут, а затем снова расслаблялся. Он боролся с этим уже два года, с тех пор, как его брак закончился разводом, и причины

этой проблемы было нетрудно угадать.

Сесилия, теперь уже бывшая жена Брайана, была верующей католичкой и развелась с ним, застав его однажды мастурбирующим в ванной. Мне показалось интересным, что она предпочла преступить законы католической веры, запрещающие развод, не сделав такого же исключения для мастурбации. Я не была знакома с Сесилией, но представляла себе, в каком смятении она пребывала, оказавшись перед необходимостью выбрать из двух грехов тот, что не нанесет вреда ее религиозному чувству и бессмертной душе.

Было очевидно, какое зло в этой непростой ситуации покажется ей меньшим..

Брайан был невысоким коренастым человеком. У него был свой магазин автомобильных товаров, и он упорно трудился, чтобы превратить его в успешное предприятие. Он сидел в кресле напротив меня и нервно покачивал ногой. Он вспоминал день, когда Сесилия застала его на месте преступления.

– Она хотела, чтобы мы занимались этим только раз в неделю, поэтому я делал это сам довольно часто. Обычно в ванной или в магазине, когда все уходило домой, – говорил он. – Но в тот день я был в спальне. Была суббота, и она работала в саду, поэтому я думал, что ее не будет некоторое время и я в безопасности..

Он почти достиг оргазма, когда Сесилия открыла дверь.

– Что ты делаешь?! – закричала она.

Брайан бросился натягивать штаны, прикрывая пенис рукой.

– Как будто я стыдился не только того, что делал, но вообще того, что раздет, своего тела, – рассказал он.

В тот день он спал на диване. На следующее утро она объявила ему, что то, что он делает, – грех, что это извращение. Он женатый человек. Он должен был уже перерасти необходимость в мастурбации. Если бы он любил ее, он бы так не поступал.

Сесилия не только изложила представления католической церкви о мастурбации, но и затронула один из самых распространенных мифов, связанных с этим. Она была убеждена, что человек, женившись или выйдя замуж, достигает сексуальной «зрелости» и должен, как следствие этого, отказаться от мастурбации и перенести всю свою сексуальную энергию на вторую половину.

Конечно, на дворе был 1976 год, сексуальная революция еще владела умами людей, тем более на калифорнийском побережье, но люди с трудом расстаются с отжившими мифами..

Прошло несколько неприятных недель, прежде чем Сесилия объявила, что хочет развода. Брайан умолял ее не уходить от него. Он обещал, что никогда больше не сделает этого, собирался идти к психотерапевту. Но Сесилия была непреклонна, и к концу года развод состоялся.

В течение первого сеанса Брайан много говорил о Сесилии. Я получила прекрасное представление о том, что происходило у нее в голове. Но что об этом думал Брайан? Считал ли он себя виновным?

– Не знаю. Наверное, она бы не ушла, если бы я не сделал ничего плохого, – говорил он. – Я разрушил свой брак... этим, – он взъерошил свои золотистые волосы. – Я не могу достичь эрекции с тех пор, как она меня поймала. Прошло уже два года, и я все еще надеюсь на какие-нибудь изменения.

– Как будто ты себя наказываешь, – сказала я.

– Возможно, – ответил он.

– Брайан, у бедной Сесилии ложные представления об этом, и, может быть, она когда-нибудь убедится в своей ошибке. Ты не сделал ничего плохого. Мастурбация – это естественная, здоровая потребность.

– Даже если ты женат?

– Женат, одинок, разведен, помолвлен, живешь с кем-нибудь – неважно. В мастурбации нет ничего плохого.

Думаю, подсознательно Брайан давно это чувствовал, но эти слова,

произнесенные мной, придали ему уверенности. Работа суррогатного партнера всегда заключается в том, чтобы прежде всего убедить клиента, что своих сексуальных потребностей не нужно стыдиться. Брайан колебался в своей оценке того, что делал.

Он не считал, что мастурбация – грех настолько тяжкий, что из-за этого стоит разводиться, но был далек от того, чтобы считать это естественной потребностью. Я попросила его изложить мне свои взгляды на мастурбацию и рассказать, чему его учили..

– Меня растили в католической вере, поэтому я всегда считал, что это грех. Думаю, я никогда не хотел в это верить. Я не слышал, чтобы в семье или где-нибудь еще об этом говорили. Многие мои друзья говорят, что мужчине это не требуется, если у него есть женщина.

Я заверила Брайана, что это тоже миф, и спросила, что происходит, когда он начинает возбуждаться и мастурбировать.

– Я начинаю представлять себе разные вещи, но потом спохватываюсь и прерываю себя. Потом меня охватывает беспокойство – сможет ли он вообще когда-нибудь стать твердым? Это какая-то ирония – я не могу мастурбировать с тех пор, как Сесилия от меня ушла.

Он добавил, что с тех пор, как развелся, он несколько раз терпел неудачу в постели с разными партнершами, и все заканчивалось неловкими извинениями. Чувство унижения и страх, что у него никогда больше не будет нормальных отношений, заставили его обратиться к психотерапевту, который и направил его ко мне..

– У меня для тебя есть домашнее задание, – сказала я. – Я хочу, чтобы ты позволил себе фантазировать. Следующие две недели старайся представлять разные вещи, дай себе самому разрешение продолжать. Помни, что это просто фантазии, поэтому в них можно делать все, что угодно, – аморальное, незаконное, вредное, – все, что хочешь..

Как и многих других клиентов, Брайана что-то удерживало. Я чувствовала, что ему было любопытно и он хотел избавиться от некоторых сомнений. С другой стороны, он был охвачен таким чувством вины, так боялся проявлений собственной сексуальности, что даже узнать что-то новое казалось ему преступлением. Пациенты всегда приходят ко мне,

наслушавшись разных мнений, испытывая противоречивые чувства, по-разному оценивая сексуальность.

Проблема заключается в том, что в большинстве случаев они находятся во власти заблуждений, стереотипов, которые распространяют средства массовой информации, и просто ложных сведений. Я не перестаю удивляться тому, что наличие необходимых знаний в этой области, поданных без осуждения и неодобрения, могут легко рассеять чувство стыда или вины и превратить интимные отношения из постоянной борьбы в источник удовольствия..

Я спросила Брайана, готов ли он выполнить некоторые упражнения. Когда он ответил согласием, мы прошли в спальню и разделись. Я сняла с кровати плед и, предложив ему лечь, легла рядом с ним.

Как обычно, я начала с расслабляющих упражнений. Я попросила его дышать глубоко, медленно, чтобы живот становился плоским и снова принимал прежнюю форму на выдохе. Он закрыл глаза, и я помогала ему мысленно «сканировать» свое тело от головы до пальцев ног, проговаривая каждую деталь.

– Продолжай дышать, и если почувствуешь, что в какой-то точке осталось напряжение, вдохни, направляя вдыхаемый воздух в эту точку, и как будто выпускай напряжение на выдохе, – сказала я.

Когда он завершил «сканирование», я попросила его сделать еще пять глубоких вдохов.

– Постарайся избавиться от любого напряжения, если оно еще остается в теле.

Затем я спросила, как он себя чувствует, и он ответил, что гораздо более расслаблен, чем был вначале.

Пришло время перейти к упражнению «ложечка», которое создает необходимое ощущение близости между мной и клиентом. Я попросила Брайана повернуться на бок, спиной ко мне. Я тоже повернулась, прижавшись к нему в форме ложечки. Я положила руку ему на пояс и согнула колени, прижимая их к внутренней стороне его коленей..

– Твое дыхание должно быть спокойным, – сказала я мягко. – Делай спокойные и плавные вдохи.

Я внимательно следила за ритмом его дыхания и сама дышала в такт. Вскоре мы уже делали одновременные вдохи и выдохи, начала устанавливаться эмоциональная близость. Я спросила Брайана о его ощущениях, чтобы знать, готов ли он перейти к «тактильному контакту». Когда он сказал, что готов, я попросила его лечь на живот на середину кровати, раздвинув ноги в форме буквы V.

Я встала на колени возле кровати и, попросив его дышать глубоко, на вдохах начала ощупывать его ступни и лодыжки. У него были плоские ступни и мозоли на больших пальцах..

Я села на кровать между его ног. Волосы на них были почти белыми, гораздо светлее, чем на голове. В начале упражнения его мышцы на ногах и спине были напряжены, как туго натянутый канат. Когда я провела по ним ладонями, то почувствовала, что какая-то часть напряжения ушла. Я ощупала его ягодицы и верхнюю часть спины.

На его широких плечах была россыпь веснушек коричневого цвета. Мои ладони исследовали его плечи и руки. Напряжение немного ослабло..

Я вернулась к плечам, ощупала шею и добралась до макушки. Мои ладони коснулись той части лица, которая была мне видна, пальцы почувствовали челюсть, щеку, ухо и снова осторожно опустили вниз широкими скользящими движениями до подушечек пальцев на ногах. Я аккуратно сжала их и попросила Брайана сделать глубокий вдох.

На выдохе я разжала руки. Очень тихо, почти шепотом я попросила перевернуться на спину, когда он почувствует, что готов к этому..

Я постепенно ощупала переднюю часть ступней, ноги и приблизилась к промежности. Когда я коснулась основания пениса, он стал тверже и мышцы во всем теле напряглись. Я попросила его сделать глубокий вдох, пока мои руки двигались вверх, к лобку, животу и груди. Я пробежала пальцами по плечам, рукам, ладоням и вернулась к шее и лицу.

Я коснулась глаз, лба, ушей, губ, челюсти и в последний раз совершила весь путь обратно, вниз..

В течение всего упражнения пенис Брайана никогда не был до конца расслаблен. Эрекция становилась сильнее, слабее, а потом снова сильнее. Я часто замечаю это при работе с пациентами, и на этой стадии не следует сразу же переходить к половому акту. Главное заблуждение о работе суррогатного партнера заключается в том, что секс с клиентом происходит сразу же и на каждом занятии, тогда как наша основная задача – помочь клиенту лучше разбираться в себе и управлять потребностями своего тела.

Для клиента приходит в состояние эрекции, расслабляться, достигать ее снова и затем снова расслабляться очень полезно, потому что дает понять ему и мне, что возбуждает его, а что нет. До секса дело доходит позже, когда мы выполним некоторый набор упражнений и постепенно достигнем необходимого уровня близости.

Я хочу научить пациента разбираться в том, что его заводит, и заставить его понять, что эрекция наступает, когда он расслаблен и не волнуется..

*

Две недели спустя Брайан снова опустился в кресло напротив меня в моем офисе. Он сильно горбился и постоянно перебирал пальцами. Он с жадностью набросился на орешки, стоявшие перед ним на столике.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я.

– Не знаю. Задание, которое ты мне дала, – я не смог его сделать. У меня просто не получается не думать о разных вещах.

– Это нормально. Помни, что мы только начали работу. Постарайся быть терпеливым по отношению к самому себе.

– Я не уверен, что смогу что-то изменить. Только он становится твердым – я начинаю паниковать, и все уходит.

– Все получится, просто это не может произойти в одно мгновение. Ты

приобрeтeшь нeобхoдимыe нaвыки, чтoбы упрaвлять этим, нo пoтрeбуeтся врeмя. Пoмни, нужнo старaться бeть тeрпeливым.

Мы пoгoвoрили eщe нeмнoгo. Брaйaн вспoмнил eщe нeскoлькo мифoв, с кoтoрыми oн вырoс: будeшь мнoгo мaстурбирoвaть – oслeпнeшь; этo признaк душeвнoй бoлeзни; этo мoжeт стaть oпaсным пристрaстиeм.

– Всe этo нeпрaвдa, Брaйaн. Мaстурбaция – этo eстeствeннo, этo дaжe пoлeзнo пo мнoгим причинaм. Этo укрeпляeт прoстaту, снимaeт стрeсс, пoмoгaeт лучшe рaспoзнaвaть прoявлeния свoeй сeксуaльнoсти. У мeня eсть eщe oднo упрaжнeниe, кoтoрoe я хoчу тeбe пoкaзaть, oнo пoмoгaeт лучшe узнaть свoe тeлo.

Упрaжнeния Кeгeля укрeпляeт мышцы диaфрaгмы тaзa и увeличивaют чувствитeльнoсть гeнитaлий. Oбычнo им oбучaют жeнщин, нo для мужчин oни тoжe пoлeзны. Их испoльзуют, чтoбы рaзвивaть чувствeнный цeнтр, тo eсть спoсoбнoсть oстрee вoспринимaть и oтвeчaть нa физичeские oщущeния. Oсoбeннo этo кaсaeтся нaпряжeния мышц, прихoдящeгo вмeстe с пoлoвым вoзбуждeниeм.

Я пoдумaлa, чтo, eсли Брaйaн нaучитсa лучшe чувствoвaть свoe тeлo, этo пoмoжeт спрaвиться с зaпрeтaми, кoтoрыe oн сaм нa сeбя нaклaдывaeт..

Мы прoшли в спaльнoю, сняли oдeжду и лeгли рядoм нa крoвaть. Я oбъяснилa Брaйaну упрaжнeния.

– Oни пoмoгaют пoчувствoвaть лoбкoвo-кoпчикoвую мышцу. Лучшeй спoсoб нaйти эту мышцу – пoпытaться oстaнoвить пoтoк мoчи, кoгдa в слeдующий рaз будeшь в туaлeтe. Ты сдeлaeшь этo с пoмoщью ЛК-мышц. В слeдующий рaз пoстaрaйся пoпрoбoвaть. Вo врeмя сeмяизвeржeния ты нeпрoизвoльнo зaдeйствуeшь эту мышцу..

Зaтeм я вмeстe с ним выпoлнилa упрaжнeниe.

– Прeдстaвь, чтo ты дoлгo всaсывaeшь чтo-тo чeрeз сoлoминку. Сдeлaй дoлгий вдoх ртoм и сoсчитaй дo трeх и в этo жe врeмя нaпряги ЛК-мышцу. Прeдстaвь, чтo тeбe нужнo в туaлeт, нo пoблизoсти eгo нигдe нeт. Зaфиксируй тaкoe пoлoжeниe нa трe сeкунды, a пoтoм рaсслaбь мышцу. Пoтoм сдeлaй трe быстрoх кoрoтких вдoхa, чтoбы вдoхи прихoдились нa нaпряжeниe мышц, a выдoхи – нa рaсслaблeниe.

Делай попеременно два этих упражнения – двадцать раз долгие вдохи, двадцать – короткие..

Мы вместе несколько раз повторили цикл упражнений, и я предложила ему вместо двадцати выполнять их по шестьдесят раз в день и постепенно дойти до сотни.

Мы снова перешли к «тактильному контакту», и на этот раз Брайан чувствовал себя свободнее. Исследуя переднюю и заднюю часть его тела, я заметила, что мышцы не так напряжены, а иногда мне даже казалось, что он вот-вот заснет.

Когда мы закончили, я попросила его рассказать, что он чувствовал. Он сказал, что касание плеч и стоп доставляло ему чувственное удовольствие, а нижней части спины и области гениталий – сексуальное. Ему было приятно, когда я сжимала его руки и заднюю часть ног, и он не чувствовал ничего – в остальных частях тела..

Закончив исследовать тело Брайана и услышав его отзыв, я попросила его сделать то же самое со мной, так я и делаю обычно на втором сеансе.

Я перекатилась на живот, а Брайан опустился на пол. Он осторожно взял в руку мою ступню. Я почти сразу поняла, что у него очень хорошо получается. Было очевидно, что он внимательно следил за тем, как это делаю я, и повторяет мои медленные движения, используя всю ладонь целиком.

Брайан сильными руками ощупал мои лодыжки и заднюю часть бедер, затем легко провел по бедрам, ягодицам и пояснице. Здесь он нажал немного сильнее, и мои мышцы расслабились под его прикосновением. Он расставил руки и ощупал мою спину, плечи и руки до самых ладоней. Затем вернулся к плечам и шее. Кончиками пальцев он осторожно исследовал мой лоб, нос, щеки и губы..

Когда он снова вернулся к моему телу и добрался до ступней, я по его просьбе перевернулась на спину. Пока Брайан медленно, шаг за шагом, касался частей моего тела, я почувствовала, что расслабилась еще больше и во мне начинает нарастать возбуждение. Его пальцы коснулись моего лобка. Брайан почувствовал, как напряглись мои мышцы, и осторожно надавил ладонями мне на живот, пока я делала глубокие вдохи.

Его руки двигались выше, и когда он добрался до моей груди, то провел указательным пальцем вокруг сосков. Коснувшись лица, он еще больше замедлил движения: осторожно провел пальцами по моим губам, затем они скользнули вдоль носа и по скулам. Он добрался до макушки и снова начал возвращаться вниз, касаясь всех тех мест, которых уже касался раньше.

Затем, не торопясь, спросил, готова ли я рассказать о своих ощущениях..

Я сказала, что почти все это время мне было приятно. Сексуальное удовольствие я ощущала, когда он касался внутренней стороны моих бедер, груди, лица, шеи, ягодиц, сосков и внутренней части руки. Когда он касался остальных частей тела, мне было приятно и иногда я ощущала чувственное удовольствие. Нейтральных ощущений я не испытала ни разу.

Брайан лег рядом со мной, касаясь меня бедром и плечом. Я могла почувствовать тепло его тела. Мы закрыли глаза и начали делать глубокие вдохи. Спустя несколько минут я открыла глаза и заметила, что его пенис стал тверже..

Я понимала, что доверие между нами растет. Брайан касался моего тела и знал, что мне это нравится. Это всегда помогает клиентам, потому что они чувствуют, что находятся со мной на равных. Мы продолжили делать дыхательные упражнения, и когда я открыла глаза, чтобы заговорить, то увидела, что пенис Брайана снова расслаблен..

– Брайан, ты готов встать?

– Да, – ответил он сонно.

Я встала с кровати и спросила, могу ли его обнять, и поблагодарила, когда он разрешил мне сделать это. Мы оделись и вернулись по коридору в комнату, где я проводила консультации. Я напомнила ему о необходимости делать упражнения, которые сегодня показала ему, и мы договорились встретиться еще раз две недели спустя..

К концу нашего третьего занятия Брайан достиг заметного успеха. Он регулярно выполнял упражнения, которым я его научила, – дыхательные, расслабляющие, упражнения Кегеля. Его страх перед мастурбацией и

чувство вины были уже не так сильны, и он мог поддерживать состояние эрекции пять или шесть минут, почти в два раза больше, чем раньше.

Он говорил, что теперь мог погрузиться в свои фантазии и чувствовал, что в его сознании произошли некоторые изменения. Например, он все еще слышал команду «стоп», когда начинал возбуждаться, но уже понимал, что ему не обязательно подчиняться этой команде. Расслабляющие упражнения помогали распознавать и избавляться от чувства тревоги, которое делало его эрекцию непродолжительной.

Для трех сеансов это был значительный результат, но только на четвертом занятии Брайан действительно сделал большой шаг вперед. На этом занятии я показала ему упражнение с гениталиями..

*

Когда Брайан пришел на четвертое занятие, на его лице играла широкая улыбка. Он достиг успеха, о котором раньше не мог и мечтать. Он даже собирался пригласить одну девушку на свидание. Мы немного поговорили, затем я пригласила Брайана в спальню.

– Для этого упражнения нужно сосредоточиться на гениталиях, – объясняла я. – Мы будем исследовать друг друга и рассказывать о том, что чувствуем. Упражнение полезно по двум причинам. Во-первых, оно дает возможность определить, какая часть этой зоны более чувствительна и лучше отзывается на прикосновения.

Во-вторых, оно помогает перенести наше общение на более интимный уровень. Ты будешь говорить, что чувствуешь, а затем мы поменяем ролями. Наша задача – научиться вести подобный диалог с будущим партнером..

Брайан немного напрягся.

– Упражнение предполагает абсолютную бесстрастность, – продолжила я. – Единственное, к чему мы должны стремиться, – это

внимательно следить за своими ощущениями. Я буду постоянно спрашивать тебя об этом. Здесь нет правильных или неправильных ощущений. Отнесись к этому, как к медленному, вдумчивому исследованию.

Будь внимателен к каждому прикосновению и используй все органы чувств. Анализируй все, что видишь, слышишь, чувствуешь, любой запах или вкус. Многие не достигают эрекции во время упражнения, некоторым это удастся. И то, и другое нормально..

Я включила лампу на ночном столике. Затем достала из шкафа шесть подушек, четыре из которых положила в изголовье, чтобы Брайан мог опереться на них, и две оставила для себя, чтобы удобнее было лежать на середине кровати. Из тумбочки я взяла небольшое зеркало, салфетки и смазывающий гель.

Я сняла брюки и блузку и убрала волосы в пучок, чтобы они не мешали. Брайан разделся, я взяла его за руку и отвела к кровати. Я попросила его сесть, опереться спиной о подушки и согнуть ноги в коленях. Две оставшиеся подушки я положила себе под поясницу, чтобы мне было удобно сидеть между его ног на середине кровати.

Я раздвинула ноги и попросила Брайана сделать то же самое, чтобы наши ноги образовывали ромб..

На ногах у Брайана круглились мышцы, волосы на его голених немного щекотали мне колени. У него были широкие плечи, короткие пальцы и длинный шрам на предплечье. Его живот пересекала дорожка волос, которые становились тоньше и почти исчезали на груди. Я взяла его руки в свои.

– Глубокое дыхание, – произнесла я.

Несколько минут мы вместе делали вдохи и выдохи, и, наконец я разжала пальцы и выпустила его ладони.

У Брайана был пенис средней длины. На лобке – широкий треугольник светлых волос. Широкая мошонка выступала вперед.

– Помни, в течение этого упражнения ты, возможно, возбудишься, а

может быть, и нет. И то, и другое приемлемо. Любая реакция будет естественной.

Я наклонилась вперед, взяла пенис Брайана в левую руку, поддерживая его правой. Я осторожно согнула его в сторону лобка.

Я медленно вела кончиком пальца вдоль желез на головке. По правой стороне до мочеиспускательного канала и вниз по левой стороне.

Я почувствовала, как напряглись мышцы на его ногах. Я попросила его попробовать расслабиться. Каждый раз, когда я чувствовала, что в той или иной части тела появляется напряжение, я клала ладонь на это место и просила его ослабить напряжение.

– Расскажи, что ты чувствуешь. Одна сторона более чувствительна, чем другая? – спросила я.

У него покраснели лицо и шея, напряглись мышцы живота.

– Мне кажется, правая, но я не уверен, – ответил Брайан.

Я снова провела пальцем по головке и спросила, чувствует ли он разницу сейчас, напомнив, что чувствовать ее совершенно не обязательно и вполне естественным будет ответить отрицательно.

– Я не знаю.

– Хорошо, тогда продолжим.

Я дотронулась до уздечки – зоны, которая расположена треугольником внизу головки, и пробежала пальцами между двумя железами. И снова спросила у Брайана, что он почувствовал.

– Это приятно. Очень приятно.

Я коснулась венца в нижней части головки пениса и спросила его, изменились ли ощущения по сравнению с остальными моими прикосновениями.

– Не так чувствительно, как то, что было до этого.

– Ты имеешь в виду уздечку?

– Да, уздечка.

Пенис Брайана начал напрягаться. Сжимая его левой рукой, я провела три раза сверху вниз с правой стороны, с левой и в середине чуть ниже головки. То же самое я сделала в средней части пениса и внизу, совсем близко к основанию. Я снова обратилась к Брайану с тем же вопросом, он ответил, что самые приятные ощущения ему доставили прикосновения возле головки..

Я сделала то же самое справа, слева и в середине мошонки, провела пальцем по линии, похожей на шов, который формируется, когда зародыш становится самцом. Линия идет от головки пениса к мошонке. Как у многих обрезанных мужчин, у Брайана эта линия была изогнута вправо. Брайан сказал, что на всей длине линии самым чувствительным местом была правая часть промежности..

Дыхание Брайана участилось, и я попросила его закрыть глаза. Я выдавила на руки немного геля. Осторожно сомкнув пальцы на основании пениса, я сделала винтообразное движение запястьем и поднялась вверх, к головке. Я повторила спираль правой рукой, а затем левой и спросила, почувствовал ли он разницу. Брайан ответил, что более приятные ощущения ему доставило движение левой рукой..

Брайан полностью достиг эрекции, и его мошонка набухла. Я попросила его сделать несколько глубоких вдохов и мысленно обратиться к своему телу, расслабляя напряженные мышцы.

– Испытывать напряжение во время эрекции естественно, особенно в области живота, ягодиц и бедер, но если ты попытаешься расслабить мышцы, это позволит продлить ощущения, которые ты испытываешь сейчас, – сказала я.

Я взяла салфетку и вытерла гель.

– Сейчас я сделаю то же самое ртом, – сказала я.

Я наклонилась еще дальше и взяла его пенис ртом. Я немного согнула ноги в коленях, чтобы было удобнее наклоняться. Ноги Брайана лежали на

моих, от моего движения они приподнялись и напряглись.

– Расслабь ноги, опусти их на мои. Все необходимое я сейчас сделаю сама.

Он расслабил мышцы.

Языком я провела по основанию и головке пениса, делая кругообразные движения, чувствуя, как головка упирается в мое небо. Я достала его пенис изо рта, чтобы касаться головки только губами. Затем разомкнула губы.

– Какие ощущения?

– Приятно, – Брайан сделал глубокий вдох. – Просто отлично.

– Тебе больше понравились касания губами или рукой?

– Губами.

Я выпрямила спину. На этой стадии я перехожу к обсуждению того, что выяснила во время упражнения. Брайан и я, мы вместе узнали много нового о том, на что реагирует его тело и в какой его части оно наиболее чувствительно к прикосновениям.

– Я получила более ясное представление о том, какие прикосновения доставляют тебе бóльшее удовольствие. Уздечка, промежность, правая сторона пениса – у тебя эти зоны очень чувствительны. Тебе понравились оральная стимуляция и спиралеобразное движение левой рукой вниз. Это очень важно для дальнейшей работы..

Я спросила Брайана, удобно ли ему, не нужно ли сходить в ванную, требуется ли ему передышка. Он ответил, что все в порядке, и кивнул в ответ на вопрос о том, готов ли он преступить к исследованию моих гениталий.

Я достала ноги, лежавшие под ногами Брайана. Они были влажными от пота и легко скользили друг о друга. Я положила свои ноги поверх, чтобы они по-прежнему лежали в форме буквы V, и протянула Брайану зеркало, попросив повернуть его той стороной, которая увеличивала.

Пальцами я раздвинула большие половые губы, чтобы было хорошо видно вульву.

– Если ты поставишь зеркало вот здесь, то тебе будет хорошо видно, – сказала я, указывая на нужное место на кровати. – И я проведу тебе экскурсию по моему влагалищу.

Я немного смазала палец гелем.

Начав сверху, я показала ему, где расположен капюшон клитора, клитор и малые губы, потом – отверстие уретры. Брайан спросил, чувствительно ли оно к прикосновению. Я сказала, что мне не нравится, когда касаются именно там, но бывают женщины, испытывающие другие ощущения, и нужно всегда задавать вопросы партнеру.

Еще я объяснила, что, прежде чем касаться гениталий, нужно мыть руки, чтобы не допустить попадания бактерий, и убедиться, что ногти на руках пострижены..

Я показала ему место сразу же за отверстием уретры и сказала, что моя точка G находится с обратной стороны:

– Она находится на стенке влагалища за уретрой, на дюйм вглубь.

Я показала преддверие влагалища, зону перед отверстием влагалища и остатки девственной плевы, которые выглядят, как неровные обрывки кожи, два наверху, два внизу. Затем я ввела во влагалище палец.

Я достала палец и провела им вдоль промежности. Брайан тяжело дышал, и я видела, что мошонка приподнялась. Несколько капель семени появились на головке. Я спросила его, что он чувствует.

– Все хорошо, но я немного боюсь, – сказал он.

На вопрос, чего он боится, Брайан ответил, что боится кончить слишком быстро из-за того, что у него уже очень долго не было отношений с женщиной. Последний раз он занимался сексом около двух лет назад, и с тех пор ни одна попытка не увенчалась успехом. Я напомнила ему, что его пенис находится в состоянии эрекции уже около пятнадцати минут, это гораздо больше, чем все, чего нам удавалось достичь до этого.

Мы сделали несколько глубоких вдохов. Я попросила его на выдохе попытаться расслабить каждую напряженную мышцу на животе, ягодицах, в бедрах. Его пенис немного расслабился, и мы могли продолжать. Я сказала, что он может немного смазать палец гелем и начать исследовать мои гениталии..

Я приподняла капюшон клитора и попросила коснуться моего клитора.

– Это очень приятно. Некоторым женщинам прямое прикосновение кажется слишком чувствительным, но мне это нравится. Лучше всего начать с касаний на внешней стороне капюшона и спросить, хотела бы партнерша, чтобы касались ее клитора. Возможно, сначала она скажет, что ей этого не хочется, но все может измениться, когда возбуждение растет.

Начни с легкого касания и спрашивай, хочет ли она, чтобы ты нажимал сильнее. Лучше, чтобы палец был смазан какой-нибудь естественной смазкой или специальным средством..

Я начинала чувствовать возбуждение, ягодицы и живот напряглись, и по телу прошла волна жара. Я сделала несколько глубоких вдохов и расслабила мышцы. Палец Брайана двигался вдоль изгиба моей малой губы.

– Это очень приятно, особенно слева.

Я попросила его ввести палец внутрь до первого сустава и коснуться стенки влагалища с внутренней стороны.

– Это и есть точка G. Моя не так чувствительна, как клитор, но мне все равно очень нравится прикосновение в этой области.

Брайан вводил палец все глубже, и из моего влагалища начала выделяться жидкость. Он медленно доставал палец и снова вводил внутрь.

– Мне кажется, что касание справа мне приятнее, чем слева, – сказала я.

Его палец проник глубже, дотронувшись до шейки матки. Он спросил, чего коснулся, и я ответила. Затем он спросил, нравится ли мне это прикосновение. Я объяснила, что мне это не нравится, но это очень

субъективно, так что нужно всегда спрашивать об этом у партнера. Брайан достал палец. Я взяла его в руку, провела им вдоль промежности, объяснив, насколько чувствительна эта область..

Тогда Брайан взял в руку свой пенис и сделал быстрое движение рукой вверх и вниз. Когда ему показалось, что он скоро кончит, он остановился и сделал несколько глубоких вдохов. Он выдавил на руку немного геля и снова взял пенис рукой. Движение вверх и вниз было уже более медленным. Через несколько минут он ускорил темп.

С негромким «О!» он кончил, откинув голову на подушки и свесив руки по обе стороны тела..

– Брайан, что ты чувствуешь?

– Только приятные ощущения.

Его голова опустилась на правое плечо. Он закрыл глаза и задышал ровно и медленно. Я подумала, что он уснул, пока внезапно он не произнес: «И никакой вины».

Я сказала ему, какого большого успеха он достиг, и добавила, что он приобрел очень полезный навык.

– Ты полностью контролируешь свое тело. Если захочешь продлить стадию возбуждения, получить больше удовольствия перед оргазмом, ты уже можешь это делать. Продолжительность этой стадии теперь зависит только от тебя.

*

Четвертое занятие стало поворотным пунктом для Брайана. В первый раз за два года ему удалось достичь оргазма во время мастурбации, и впервые за всю свою жизнь он смог сделать это в присутствии другого человека.

Как и в психотерапии, процесс работы суррогатного партнера с клиентом редко бывает линейным. Два шага вперед и один назад. Моя задача – двигаться на пути к улучшению, и я готова к тому, что оно наступает не сразу. История Брайана – тому пример.

– Я очень разочарован, я совершенно упал духом, – так начался наш пятый сеанс.

Брайан рассказал, что ему снова сложно поддерживать эрекцию. Я напомнила ему, какой огромный шаг вперед он сделал, и заверила, что неудачи – это обычное явление.

– Постарайся быть терпеливым, чувствуй свое тело. Ты прекрасно справляешься. Одна неудачная попытка не означает, что все, чего ты достиг раньше, прошло впустую, – повторяла я.

На трех занятиях, последовавших за этим, мы делали много разных упражнений. Брайан справился с унынием и снова начал делать успехи. Когда пришло время седьмого сеанса, он сообщил мне, что ему несколько раз удалось достичь оргазма.

На последнем занятии он объявил, что вот уже месяц, как он успешно мастурбирует, не испытывая при этом никакого чувства вины, и рассказал, что в эту субботу у него свидание с прекрасной девушкой.

– Я уже не боялся пригласить ее поужинать, – сказал он.

– Прекрасно! Это очень здорово, Брайан.

Самое большое удовлетворение от работы я получаю, когда мой пациент приобретает все большую уверенность в себе и ему все проще поддерживать с другими людьми общение, которое, как я всегда надеюсь, перерастет со временем в здоровые и крепкие отношения.

– Брайан, я хочу, чтобы ты знал – если у тебя когда-нибудь возникнут сомнения, если тебе понадобится одобрение и помощь, ты всегда можешь позвонить мне. Мы обнялись.

– Ты прекрасен. Не забывай об этом, – повторяла я, провожая его до двери.

Если я вижу, что пациент преодолевает проблему, подобную той, с которой столкнулся Брайан, я не упускаю случая лишней раз напомнить ему, какой большой шаг вперед он сделал и как сильно смог измениться. За много лет до того, как я стала суррогатным партнером, мне приходилось постоянно напоминать об этом самой себе..

Глава 4

В мой первый год обучения в старших классах меня свалил сильнейший грипп, и я пребывала в полной уверенности, что это и есть преддверие загробной жизни, если, конечно, не перестану каждую ночь предаваться греху. Мое горло горело огнем, я едва могла глотать. Оба уха были заложены наглухо, и под двумя одеялами меня била дрожь.

Мне казалось, что кашель выскребает изнутри мои легкие, как металлическая губка. Необходимость встать с постели и добраться до туалета грозила переутомлением. Ходить в школу я не могла и, как результат, пропустила первую неделю занятий в октябре, и по возвращении мне предстояла целая куча того, что необходимо было нагонять..

В первый же день я отправилась на второй этаж, чтобы переписать лабораторную работу. Перед дверью класса естественных наук в коридоре болтали несколько долговязых мальчиков из школьной команды по баскетболу. В свои четырнадцать я была очень стеснительной и никогда не решилась бы заговорить с ними. Возможно, мне и удавалось смешно рассказывать истории в кругу своих подружек, но с мальчиками я была застенчива.

Из-за моей общительности это не бросалось в глаза, но в душе у меня скрывались комплексы по поводу внешности. Я не считала себя достаточно привлекательной, и у меня были претензии к своей фигуре. К примеру, мне казалось, что у меня слишком обвислая грудь, мне хотелось, чтобы она торчала, как два розовых бутона.

Когда я сравнивала себя с симпатичными девочками у нас в школе или со звездами кино тех лет, оказывалось, что я страшно низенькая. Рядом с этими школьными качками я еще явственнее сознавала все свои недостатки..

Один из тех, кто болтался в тот день в коридоре, был симпатичный мальчик с короткими светлыми волосами и серо-голубыми глазами. Я прошла мимо них и постучала в дверь класса, но никто мне не ответил. Я

подождала некоторое время и постучала еще. Ничего не произошло. Тогда симпатичный мальчик подошел и постучал в стену, и почти сразу же учитель открыл мне дверь..

– Вот так, – сказал он и одарил меня широкой улыбкой.

– Спасибо, – ответила я, размышляя, кто же этот красавчик с магическими способностями.

В те дни танцы были для нас важным светским мероприятием. Каждую осень, в последнюю неделю октября, в школьном спортзале устраивали «вечеринку для новичков». Когда я вошла в зал, в музыкальном автомате играла песня «Come on, let's go» Ричи Валенса и у стены стояла группа моих друзей с колодой в руках. Они смеялись, двигаясь в такт музыке.

Бекки надела зеленовато-голубое платье из тафты без бретелек и с широкой юбкой и белые туфли на высоком каблуке, Марси – изумрудную юбку-карандаш и белую блузку с вырезом в форме сердца. На мне было красное платье с обтягивающим верхом и плиссированной юбкой. Сейчас я думаю, что, наверное, выглядела неплохо, но в тот момент мне казалось, что я недостаточно привлекательна, недостаточно опытна, словом, я была неуверена во всем, за исключением разве что своей полноты.

Я слишком толстая – в этом я была полностью уверена. И неважно, что с весом у меня все было в порядке – как и большинство молодых девушек, я считала себя толстой. Я поболтала немного с подружками, пока не увидела его. На самом деле, я думаю, что первой я увидела все-таки ее. Джуди Толтон шла, держась за руки с мальчиком из коридора перед кабинетом физики.

У нее на шее была цепочка, а на цепочке висело кольцо..

– Привет, Джуди, привет, Билл, – сказала Бекки, увидев их.

Так, теперь я знаю его имя. Ах да, еще я знала, что он встречается с самой противной девочкой в городе, и было очевидно почему. Джуди Толтон, которая занималась вместе со мной в танцевальной студии мисс Даффи уже несколько лет и едва сказала мне два слова за все это время, была великолепна. У нее были сияющие светлые волосы до середины спины и пухлые губки.

Еще у нее была тонкая талия и длинные ноги. Но она была такой заносчивой. У меня упало сердце. Я тихонько отошла, чтобы взять себе еще колы. С тех пор, как я встретила Билла в коридоре в тот день, я предавалась мечтам о том, как мы будем встречаться, потому что он безумно, безнадежно влюбится в меня. При мысли об этом у меня кружилась голова от радости.

А сейчас я чувствовала себя ужасно глупо.

Единственное, за что я была благодарна судьбе, так это за то, что никому еще не рассказала о своих фантазиях. Он был парнем Джуди Толтон. Джуди Толтон, на которую все хотели быть похожи..

Несколько недель спустя, когда я уже начала забывать о том, что собиралась стать девушкой мечты Билла, моя подруга Анджела рассказала мне про Тин-Таун. Каждую субботу в клубе Сэйлема собиралась молодежь, чтобы потанцевать, поиграть в бильярд, пинг-понг и просто поболтать.

– Это так весело! Ты обязательно должна пойти, – сказала Анджела.

Когда наконец наступила суббота, я надела платье, болеро и модные замшевые туфли без каблучков, чувствуя, как от волнения начинает болеть живот. В Тин-Тауне собирались ученики всех возрастов из обеих школ Сэйлема, католической и общеобразовательной. Тогда мне казалось, что пойти туда, где можно встретить семнадцатилетних, – это очень круто.

В конце концов, они были на волоске от взрослой жизни, а я только что закончила среднюю школу. Я чуть ли не в десятый раз изучила себя в зеркале, села в папину машину и уже через несколько минут была в Тин-Тауне..

Увидев, что в зале нет никого из моих друзей, я купила колу и села за один из пустых столиков. Никто, наверное, даже не заметил меня. А что, если никто из них не придет и я весь вечер буду сидеть со своей колой одна. Я как раз представляла себе эту жалкую картину, когда услышала голос: «Хочешь потанцевать?» Я подняла глаза и увидела Билла.

У меня захватило дух. Я сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться, и ответила: «Конечно». Мы вышли на танцпол, и Билл нежно взял меня за

руку. Он заметил, что я дрожу, и предложил надеть свой пиджак. Я была готова согласиться, чтобы он думал, что я действительно дрожу от холода, а не от волнения. Он спросил, как меня зовут и сколько мне лет.

Я надеялась, что он не задаст этого вопроса, потому что хотела казаться старше. Пришлось признаться, что мне четырнадцать. Я спросила, сколько лет ему..

– Семнадцать, – ответил он.

Мы начали танцевать, и я почувствовала некоторое облегчение. В конце концов я настолько овладела собой, что осмелилась спросить про Джуди.

– Разве вы с Джуди не встречаетесь? Где она?

– А, да нет, мы расстались.

Внезапно мне показалось, что все мое тело расплылось в улыбке.

– Понятно, – произнесла я, пытаюсь изобразить безразличие.

В тот вечер все медленные танцы я танцевала с Биллом. В конце вечера он предложил подвезти меня до дома, но я уже договорилась с папой, что меня заберет он.

– Ну ладно, тогда я хотел бы с ним познакомиться, – последовал ответ.

Вот это да! Он так уверен в себе. Уверенный и милый – прекрасное сочетание. Я познакомила Билла с папой, и, к моей радости, он дал свое согласие на то, чтобы Билл отвез меня домой на следующей неделе.

Я с нетерпением ждала встречи с Биллом. Когда я узнала его чуть лучше, то обнаружила, что он действительно очень мил и полон достоинств. Он был спортсменом, играл в школьных командах по баскетболу и бейсболу, прекрасно плавал. Не говоря уже о том, что был красавчиком. Мне страшно повезло.

Оглядываясь назад, я понимаю, что дело не только в везении. Я убеждена, что Билла привлекали хорошие стороны моего характера. В

конце концов, я была далеко не Джуди Толтон. Если бы у меня была возможность исправить свою внешность, я бы сделала из себя что-нибудь страстное вроде Ким Новак, Мэрилин Монро или какой-нибудь еще популярной в то время актрисы.

Про себя я думала, что я мила, но ничего особенного во мне нет. Но я была жизнерадостной, открытой всему новому. По характеру я экстраверт и страстно люблю общение. У меня было полно друзей. Моими лучшими качествами были общительность и дружелюбие, и я старалась как можно шире их использовать. Со мной стремились дружить, и я всегда оказывалась в центре событий.

Моя энергия была притягательной, со мной было весело везде, куда бы мы ни ходили, – в кино, на каток или просто к кому-то в гости..

Вскоре мы с Биллом проводили вместе все свободное время. Нас не просто тянуло друг к другу в чувственном смысле, мы были настоящими друзьями. Я узнала о себе и о собственных вкусах много нового. Мы часами сидели в его машине на Кернвуд Роуд в соседнем городке Беверли. Как и многие другие, мы останавливались в небольшом лесу, рядом с полями для гольфа.

Ходил слух, что некий негодяй-полицейский вытаскивает девушек из машин и насилует их, но с Биллом я чувствовала себя в безопасности. «Я бы никогда не дал тебя в обиду», – так он говорил..

Меня пугал не только призрак злого полицейского. Мое католическое воспитание подсказывало мне, что я совершаю смертный грех. Я сделала следующий логический шаг в пучину разврата. Я снова чувствовала, что сознание мое разорвано на две части. Мне очень нравилось то, чем мы занимались с Биллом. Ему тоже были внове почти все сексуальные игры, которым мы предавались, и нам было весело, когда мы ходили вокруг да около, пробуя новое.

Мы страстно целовались. Я и раньше слышала о французских поцелуях, но только сейчас их попробовала. В то же самое время меня охватывал жгучий стыд. Я снова задавала себе вопрос – почему то, что приносит такое удовольствие, считается злом. Теперь на воскресной исповеди к моему первому смертному греху прибавился еще один..

На одном из наших вечерних свиданий на мне была кофточка на пуговицах. Когда Билл расстегнул на ней верхнюю пуговицу, мы придумали маленькую игру. Пуговиц было, наверное, около восьми штук. Мы решили, что на каждое из наших субботних свиданий я буду надевать похожую кофточку, и мы будем расстегивать по одной пуговице..

В то же время меня начало беспокоить удовольствие, которое мне доставляло возбуждение. Я знала, что другие девочки тоже проявляют любопытство. Мы с друзьями передавали по кругу книги вроде «Тропика Рака» или «Любовника леди Чаттерли» и говорили о сексе, но не отваживались делать это напрямую, без недомолвок.

Мы никогда не обсуждали, что нам нравилось или не нравилось, что бы мы хотели попробовать. Я могу предположить, что мои подруги держали руки поверх одеяла каждую ночь и не испытывали того, что испытывала я. Конечно, они хотели знать, что такое секс, но я хотела не только знать, но и пробовать. Мне казалось, что я единственная, кому действительно нравятся чувственные удовольствия, и это меня беспокоило.

Как говорят. Те, кто делает это до свадьбы, – шлюхи, как же тогда назвать тех, кто делает это и кому это нравится. Я не находила такого слова и боялась, что я единственная в своем роде так страстно жду секса. Для девушек того времени секс был валютой, а девственность – козырем, за который нужно побольше выручить.

Привлекательность была ценна не удовольствием, которое можно будет получить, а мужчиной, которого удастся заарканить. Девственность обменивали на будущее стабильное моногамное существование, и ее нельзя было просто так потерять. Я тем временем не уставала предаваться исследованиям со своим молодым человеком.

Я начала ставить эксперименты с пенисом Билла. Для начала я просто касалась ширинки на его брюках. Затем я держала его в руке. Я не знала, что обычно делают в таких ситуациях, я только училась..

Наконец, настал тот субботний вечер, когда пришло время расстегнуть последнюю пуговицу. Мы сидели в машине Билла на Кернвуд Роуд, целовались и обнимались. Вдруг Билл пробежал глазами по столбику пуговиц на моей кофточке. Мы перелезли через белые кожаные сиденья

его «Студебеккера». Он расстегнул первые семь пуговиц.

Это было ранней весной, и внезапно я поняла, что восьмая пуговица символизировала конец зимы. Мы посмотрела друг на друга и засмеялись. Он расстегнул последнюю пуговицу. Я осталась в одном лифчике, и он быстро расстегнул застежку..

К счастью, Билл не мог хорошенько разглядеть мое тело. В машину проникали только лунные лучи и слабый свет фонаря в паре ярдов от нас. К тому же я лежала на спине, а в такой позе я казалась стройнее, чем стоя. И еще были мимолетные мгновения, когда благодаря Биллу я чувствовала себя такой красивой, что вся моя неуверенность в себе медленно таяла.

Сейчас был именно такой момент..

Билл целовал мою грудь, осторожно сдавливая соски. Когда он снял с себя брюки, у меня внизу все уже было влажным.

В тот вечер с Биллом я обнаружила, что люблю, когда мне во влагалище засовывают пальцы. Еще я поняла, что все становится влажным, когда я сильно возбуждаюсь, гораздо более влажным, чем во время мастурбации. Иногда после наших игр с Биллом мне казалось, что я написала в штаны. Надо помнить, что все это происходило в конце пятидесятых, когда для многих девушек половое воспитание ограничивалось фразой: «Будешь делать это до свадьбы – станешь проституткой».

Для девушек, возвращенных в католической вере, фраза звучала: «Будешь делать это до свадьбы – станешь проституткой и соришь в аду, если только не покаешься»..

Он медленно ввел палец, и влагалище начало пульсировать. Потом он осторожно достал палец и ввел свой пенис. Меня охватил страх. Я забеременею. Наверное, страх отразился на моем лице, потому что он прошептал: «Я его достану, обещаю». Я так переживала, что могла думать только о том, когда все закончится.

Мне нравилась прелюдия, но секс, в котором участвовали одновременно пенис и влагалище, был чреват такими страшными последствиями, что я не могла расслабиться настолько, чтобы получить

удовольствие. Он сделал движение вперед и назад, и я затаила дыхание. Наконец он достал из меня пенис и кончил мне на лобок.

Только не это. Что, если сперма, как почтовый голубь, возвращается туда, откуда вышла, и найдет способ проникнуть в мое влагалище. Я выгнула спину, чтобы ничего не стекало. Просто на всякий случай..

*

Мы с Биллом занимались этим «по-настоящему» каждый раз, когда нам удавалось остаться наедине. Я была несчастна, так как все еще до дрожи боялась забеременеть. Я не знала, как заговорить об этом с Биллом, и не была уверена, есть ли у меня право делать это. Я уже дошла с ним до самого конца. Согласно некоему негласному правилу отступление было уже невозможно.

Биллу было известно о сексе столько же, сколько и мне. Он был убежден, что, если мы занимаемся сексом во время месячных, я не могу забеременеть, и в этих случаях кончал в меня. Нам невероятно везло. Я обожала Билла, но во мне начинало нарастать негодование. Он хотел заниматься сексом каждый раз, когда мы виделись, а я предпочитала куда более безопасные ласки.

Я могла полностью расслабиться и наслаждаться ощущением возбуждения, которое пронизывало, как электрический разряд, или достичь оргазма просто с помощью его пальца. Но Биллу нужно было, чтобы все завершилось проникновением его пениса в мое влагалище, иначе он оставался неудовлетворен. Поскольку я не знала слов, которыми можно было объяснить мои предпочтения в этой области, и не верила, что у меня есть на это право, я тихонько подчинялась и старалась как можно лучше скрыть свое недовольство..

У меня появилась проблема с юбками – все время ломались молнии. Однажды, когда я сидела в субботу в гостиной, читая журнал, в комнату вошла мама с моей юбкой в руках.

– Не понимаю, почему это постоянно происходит, – сказала она, показывая мне молнию.

– Я же говорила, – ответила я. – Я дернула слишком сильно, когда была в туалете.

Мой отец, который возился в углу с радиоприемником, бросил на меня быстрый взгляд, который ясно дал мне понять, что он не попался на эту удочку. Молния сломалась в душной тесноте «Студебеккера» Билла, и я торопилась совсем не в туалет. Отцу не было это известно наверняка, но он понял, что я пыталась уйти от ответа..

Я никогда не слышала от отца ни единого слова по поводу секса, но он нашел способ продемонстрировать, как относится к тому, что я делаю. Я запомнила вечер, когда мы сидели на крыльце с родителями и мама делилась «зловещими» новостями, которые дошли до нее в тот день: шестнадцатилетняя дочка ее подруги, Джеки, была беременна.

Когда я это услышала, у меня по спине пробежала холодная дрожь. Я могла бы быть на ее месте. Тогда я бы покончила с собой. Как будто прочитав мои мысли, отец посмотрел мне прямо в глаза и произнес: «Если забеременеешь – домой не приходи»..

Обычно после секса мы с Биллом обсуждали планы на жизнь. Билл всегда возвращался к одной и той же теме: он хотел жениться на мне, мы бы сняли квартиру и завели ребенка, мы бы ходили в вечернюю школу, а вскоре купили бы дом с большим участком, чтобы разбить сад. Мы не предохранялись, и надо мной постоянно висел страх беременности.

Биллу такие мысли приходили в голову реже. Если я забеременею, мы сразу же поженимся. Мы расскажем все моей любимой бабушке, и она нам поможет. Если этого не случится, мы поженимся, когда мне исполнится восемнадцать. Он говорил, что в двадцать один уже намерен устроить свою жизнь, жениться и завести ребенка..

Даже несмотря на то, что я с ума сходила по Биллу, я не понимала, куда он так торопится. Мне было пятнадцать, я еще была ребенком. Я хотела попробовать большего и не собиралась так рано выходить замуж. Я хотела узнать жизнь, и еще я хотела узнать других любовников. Если бы я вышла замуж и родила ребенка прямо сейчас, то отмела бы тем самым

любую возможность узнать что-то новое.

Но когда Билл начинал говорить о детях и браке, он был так мил и искренен, что у меня не хватало смелости сказать ему, что я думаю на самом деле..

Каждую субботу я ходила на исповедь, иногда в сопровождении подруги. Теперь сексом я занималась не только с самой собой, но и с Биллом, и на исповеди я была повинна не в одном гнусном грехе, а в двух. Множились доказательства того, что я очень плохая девочка. Я нарушала священный закон не только в одиночестве, но и в компании другого человека.

Я знала, что это неправильно, но не могла остановиться. Это могло означать только одно – по самой сути своей я испорчена и слаба. Более того, мне в голову начали закрадываться мысли, которых не должен допускать ни один добропорядочный человек. Я втайне начинала сомневаться в том, чему меня учили. Почему Бог дал нам потребность в сексе, а теперь наказывает за то, что мы стремимся ее удовлетворить.

Почему только брак выдает санкцию. Я сомневалась и в более непреложных истинах. Например, как книга, написанная обычными смертными, может раскрывать замысел Бога. Означало ли это, что подобные мысли еще сильнее изобличают во мне грешницу, или я просто научилась рассуждать самостоятельно. Что это – финальный этап на пути к вечным мукам или первые шаги к свободе.

И в чем заключается эта свобода. Свобода от такой морали. А если так, то что я получу взамен. Внутри меня разыгрывалась битва, и, возможно, это прозвучит напыщенно, но мне действительно казалось, что если я выберу неверный путь, то расплачиваться за это буду адскими муками..

Осенью 1953 года Билл поступил в местный колледж. Мы по-прежнему виделись после занятий и по выходным. Я волновалась, что жизнь в колледже изменит отношение Билла ко мне: он познакомится с девушками, которые старше меня и ведут взрослую жизнь, а я, наверное, буду казаться ему ребенком, ведь я, в сущности, и была ребенком.

Мои страхи были напрасными. Билл, казалось, еще больше утвердился в мысли, что мы поженимся и заведем ребенка. Он предавался мечтам о

том, какая жизнь наступит после нашей свадьбы. А я по-прежнему не могла понять, куда он так торопится. Я не могу сказать, что это стало непреодолимым препятствием для наших отношений, просто лишний раз доказывало, что мы движемся в противоположных направлениях и никто из нас не намерен сворачивать с намеченного курса.

Я старалась отгонять от себя подобные мысли. Я убеждала себя, что он изменится. Он поймет, что мы еще слишком молоды, чтобы жениться и тем более чтобы иметь ребенка. Он успокоится. Но Билл продолжал рассуждать о своих планах все с той же неподдельной искренностью..

Мне потребовалось много времени, чтобы собраться с духом и сказать ему, что я не могу сделать того, что он от меня хочет. Однажды в субботу, когда мы лежали на траве в парке Форест Ривер, я посмотрела ему в глаза и сказала: «Билл, мне только что исполнилось пятнадцать. Я еще не закончила школу. Я не готова стать матерью.

Я хочу лучше узнать жизнь. Мне нужны новые впечатления – и тебе тоже. Если тебя это устраивает, если ты готов подождать, пока мы станем старше, то я, наверное, выйду за тебя замуж. Я не хочу расставаться, но это то, что я чувствую на самом деле. Прости меня». Я понимала, что это означало разрыв, и он тоже это понимал..

К моему удивлению, несколько дней спустя Билл сказал, что бросает колледж и хочет записаться добровольцем в морскую пехоту. Через неделю он уезжает на военную базу Пэррис-Айленд, чтобы пройти подготовку. Я не знала, что и думать. К чему такая спешка. Я волновалась за него. Билл был сильным молодым человеком, но морская пехота – это серьезное испытание.

Когда я спросила, почему он это сделал, он ответил: «Мне нужно привести голову в порядок». Только я не понимала, как это можно было сделать на флоте..

Накануне его отъезда я поехала с родителями Билла на рекрутскую базу в Пибоди. Я чувствовала себя отвратительно. Если с ним что-то случится, это будет моей виной. Тогда я действительно окажусь очень плохой девочкой. Мы попрощались со слезами на глазах, и по дороге в Сэйлем я пыталась разобраться в противоречивых чувствах.

Неужели я совершила ошибку. Встречу ли я когда-нибудь человека, который был бы так мил и так сильно любил бы меня. Еще год назад я и представить не могла, что такое произойдет. Передо мной стремительно разворачивался мой жизненный путь..

*

Некоторое время спустя я встретила мальчика, который не меньше меня боялся возможной беременности. Встретились мы в том же Тин-Тауне. Джон Лешки считался «выгодной партией». Он был главным спортсменом школы, помощником тренера на футболе, играл за баскетбольную команду и профессионально занимался бегом.

Он был красив и популярен – высокий рост и темные глаза. Ободренная своим успехом на этом поприще, я как-то пригласила его на танец, и мы быстро начали встречаться. Статус его девушки придавал мне веса в глазах учеников школы, и мне это нравилось. Иногда я чувствовала на себе взгляды девочек, в которых светилось завистливое благоговение, и это шло на пользу моему хрупкому юношескому эго.

Как девушка мальчика, который занимал высокое место на иерархической лестнице старшей школы, я заслуживала еще больше уважения в глазах моих сверстников..

Джон уже сделал хорошую карьеру в спорте, и ему предлагали стипендии лучшие американские университеты. Все в один голос утверждали, что он далеко пойдет, прочили ему блестящее будущее. Джон с ними соглашался. Последнее, к чему он стремился, – неожиданно сделать ребенка и оказаться на скамейке запасных с женой и детьми на руках.

В отличие от Билла, он не предавался иллюзорным мечтам о большом доме, любящей жене и детишках, которые с нетерпением ждут его возвращения домой. «Вот и отлично!» – думала я. Никакого страха. Больше не нужно рисковать только ради того, чтобы доставить удовольствие бойфренду..

Джон был совершенно не похож на Билла, очаровательного, нежного, внимательного – он был высокомерным и наглым. С ним было весело, но он мог быть жесток, особенно с теми, кто не входил в образовавшуюся вокруг него свиту крутых ребят. Он не любил отвлеченных длинных бесед, а с Биллом мы вели их постоянно.

Наше общение сводилось к поверхностным репликам. Он не был близок мне по духу, не был мне другом, а мне хотелось именно этого. Но было сильное чувственное влечение, и самое главное, что теперь у меня был самый верный способ избежать беременности – никакого проникновения..

Как раз в это время я открыла для себя литературу «поколения бит» и начала ходить в Вудбери Тэверн и Кингс Рук – кафе, где рекой лились кофе и стихи. Весь второй год обучения в старшей школе мы с Бекки, Марси и группой друзей провели там. Мы одевались в черное, подводили глаза и проводили вечера со стаканом итальянской газировки с экзотическим вкусом малины или тамаринда, слушая стихи, которые были малопонятны и приводили в восторг.

Мы чувствовали себя невероятно крутыми..

Иногда я приносила с собой блокнот и тоже пыталась писать. Стихи были довольно плохие, но то, что я слышала со сцены, зачастую было еще хуже. Однажды, сидя в Вудбери Тэверн, я рассеянно написала свое имя в блокноте и приписала к нему «Лешки». «Шерил Лешки», – тихо произнесла я. Мне не понравилось, как это звучит.

Нет, Джон не подходил на роль второй половинки или будущего мужа. Единственное, как мне тогда казалось, чем с ним можно было заниматься – хорошим, безопасным сексом..

Как и с Биллом, мы много времени проводили на Кернвуд Роуд в его машине с запотевшими от нашего дыхания стеклами. Слух о насильнике-полицейском уже затих. Меня все еще мучили сомнения насчет того, что меня ожидает в загробной жизни, но по крайней мере я уже не боялась забеременеть.

Однажды вечером, едва Джон припарковал машину, мы начали целоваться и касаться друг друга. Джон не только прекрасно целовался, он

еще отлично работал руками. Стоило ему положить руку мне на колено, и я уже возбуждалась. Джон быстро снял с меня юбку и белье и ввел мне внутрь пальцы. Медленно, быстрее и снова медленнее.

Этот ритм постепенно приближал меня к кульминации. Я как будто потеряла сознание, растворилась в этом ощущении. Медленно, быстрее, медленнее. Потом наступил оглушительный оргазм, впервые за то время, что я была с Джоном. Я застонала от удовольствия. В этот момент я любила его. Может быть, он был моей второй половинкой, может быть, только чувственность могла соединить наши души.

Может быть, духовная близость определяется силой твоего оргазма. Я не могла молчать. Я должна была сказать, что люблю его. Я открыла глаза, и то, что произошло дальше, не дало мне произнести ни звука. Он отодвинулся, и мои ноги болтались без опоры. Внезапно я почувствовала, как холодно было в машине. «Ты озабоченная!» – сказал он.

Я чувствовала себя так, как будто меня ударили. Я думала, мы вместе это делали. Почему он мастурбировал меня, если не хотел доставить мне удовольствие. Неужели есть дозволенная доля удовольствия, а если чувствуешь больше – ты ненормальная. Наверное, существует лимит удовольствия. Я много раз доводила его до оргазма.

Неужели только мужчинам можно его испытывать?.

В моем лексиконе тогда еще не было словосочетания «двойной стандарт», но в моей жизни он точно существовал. Если раньше я полагала, что осуждать меня склонны только исповедники и люди возраста моей матери, то сегодня убедилась в обратном. Я не могу вспомнить, что случилось дальше той ночью. Мы с Джоном встречались еще пару лет после этого, но я с ним больше никогда не испытывала оргазма.

Я не испытывала оргазма, пока мне не исполнилось девятнадцать и я не встретила мужчину, который изменил мою жизнь..

Глава 5

«Послушайте, я просто хочу снова заниматься сексом. Каким образом это мне поможет?» – сказал Джордж. На втором занятии с ним я продвинулась не дальше, чем на первом двумя неделями раньше. Я показывала, как делать упражнения Кегеля, и после первой же попытки он остановился. Я вынуждена была прервать вдох на половине и, открыв глаза, увидела, что он смотрит на меня с ухмылкой..

– Упражнения Кегеля позволят вам быстрее приходить в состояние возбуждения и управлять работой ЛК-мышцы. А это, в свою очередь, поможет увеличить время эрекции и оттянуть наступление оргазма, – говорила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Глаза Джорджа при этом сузились от злости, как будто я только что оскорбила его..

Был 1974 год, и Джордж в свои пятьдесят два страдал от преждевременной эякуляции. У него была жена и любовница, но он не мог заниматься сексом ни с той, ни с другой, потому что его пенис не стоял и нескольких минут. Поскольку он не знал, как об этом говорить, любовница была на грани того, чтобы бросить его, и он клялся, что физически ощущает, как жена теряет к нему уважение.

Два человека – с обеими можно заняться сексом, а поговорить не с кем..

Мэдлин, психотерапевт Джорджа, предупредила меня, что он сварлив. Если бы это было единственной проблемой, мне легко было бы справиться с ним. Она надеялась, что практические упражнения помогут, потому что все, что она предлагала ему до этого, Джордж делать отказывался.

Проблема, как я теперь понимала, вовсе не в том, что он старый брюзга. Он ждал чуда и не хотел прикладывать усилий, чтобы справиться с трудностями. Он хотел, чтобы они ушли сами собой и от него не требовалось бы тратить время, приобретая новые навыки, пробуя выстраивать общение и заново строить свою сексуальную жизнь.

Так вот, не существует ни магического зелья, ни волшебного заклинания для того, чтобы решить сексуальные проблемы. Для этого требуется усердие и взаимопонимание..

– Джордж, мы можем найти решение, но ты должен захотеть учиться новому и общаться с людьми. На это уйдет время.

Он обхватил свой широкий лоб руками и испустил вздох.

Все это я уже говорила на первом сеансе, и уже тогда мне нужно было понять, что я ничем не могу помочь Джорджу. Два часа он провел в почти непрерывном молчании и, если я задавала вопрос, отвечал односложно. Об одном только он готов был рассуждать часами. Я попыталась объяснить, как меняются проявления сексуальности с возрастом.

Большая ошибка. Он начал доказывать, что силы в нем – как в двадцатидвухлетнем. Он поведал, что в детстве в Индиане постоянно получал медали на соревнованиях в беге. В двадцать он уже побеждал на марафонах и до сих пор каждый день совершал долгие пробежки. Он был сильнее и быстрее, чем его двадцатипятилетний сын..

– Со здоровьем у меня все в порядке, – повторял он.

– Как вы охарактеризуете наше первое занятие? – спросила я Джорджа.

– Нормальное.

– Как вы думаете, оно вам помогло?

– Не очень-то.

– На какой результат вы рассчитывали?

Он с раздражением поднял на меня глаза.

– Давайте поговорим о том, чем мы займемся на этот раз.

Я объяснила, что сегодня мы снова будем делать «тактильный контакт» с той лишь разницей, что после он ощупает меня.

– Мне не нужен массаж.

– Джордж, я знаю, вы расстроены, но если вы хотите улучшения, нужно пройти через все это. Проблему не разрешить за один день.

– Вы это уже говорили.

Мне едва удавалось говорить спокойно. Я напоминала себе, что нужно быть чуткой, но по-прежнему не понимала, что Джордж здесь забыл. Он, очевидно, не верил в успех моей работы. Я повторяла себе, что нужно преодолеть это, как испытание. Возможно, мне удастся расшевелить его, убедить его, что если он хочет достичь результата, то ему нужно изменить свое поведение и образ мыслей..

Мы прошли в спальню и разделись. Когда Джордж бросил на стул свою коричневую замшевую куртку, я снова отметила, какие у него широкие плечи. Куртка заняла весь стул, свесив рукава по обе его стороны. У Джорджа был треугольный торс и ни капли жира. Каштановые волосы начали редеть. Он зачесывал волосы назад, и они немного топорщились на макушке..

Стоял декабрь, в комнате было прохладно. Я включила отопление, попросив Джорджа сказать, если станет слишком жарко. Затем я откинула одеяло и пригласила его лечь. Я легла рядом с ним. Он вытянул руки за головой, и под кожей выступили ребра. Я попросила Джорджа сделать несколько глубоких вдохов.

Он начал пыхтеть, делая коротенькие вдохи.

– И медленно выдыхайте.

Он шумно выдохнул, как будто надувал воздушный шар.

Он посмотрел на меня с неприкрытым презрением – такой взгляд я видела на лице многих взрослых, когда была молодой девушкой. Взгляд этот задел меня за живое. Несколько лет назад я бы уже снова чувствовала себя беззащитной, вспомнив о том, какой я ужасный человек. Сейчас я чувствовала только злость, несмотря на стремление скрыть свои эмоции и сохранить профессионализм..

Я попросила его мысленно оценить, остались ли в его теле участки напряжения.

– Сосредоточьтесь на глазах. Вы чувствуете напряжение? – спросила я.

Ответа не последовало.

– Вокруг рта?

Тишина.

– Мне кажется, у вас напряжена челюсть. Попробуйте расслабить ее.

Джордж не произносил ни слова. Его глаза были как два камня под веками, тело – сдавленная пружина.

Наконец он произнес:

– Вы что, шутите? Вам правда платят за это? Ну и как это мне поможет?

Все. Я сделала все возможное, с меня хватит.

– Не поможет, Джордж. Вы не хотите попытаться. Не знаю, зачем вы пришли сюда, но я думаю, для нас обоих очевидно, что вы не готовы прикладывать усилия.

Я встала, надела халат, который лежал рядом на стуле, и сказала Джорджу, что он может одеваться. Он перекинул ноги на край кровати, опустив их на пол с глухим стуком. Он взялся за штанину, потянул – и вся одежда свалилась со стула на пол. Он обернулся, чтобы посмотреть, заметила ли я, что случилось, и выяснив, что заметила, быстро отвел взгляд.

Он натянул штаны, надел свитер, втиснул ноги в носки и ботинки, взял куртку..

Я проводила его в коридор, чтобы убедиться, что он найдет дорогу.

В дверях он обернулся и произнес: «С такими, как вы, можно

переспать только в «Макдоналдсе» – и распахнул дверь.

Джордж напомнил мне о системе координат, которая существовала во времена моего детства. В ней было только два типа женщин: хорошие девочки и шлюхи. Я надеялась, что это осталось далеко в прошлом. Но я все-таки должна была признать, что его поведение заставило меня сомневаться в собственных профессиональных данных.

Может быть, ему можно было помочь. Наверное, стоило приложить больше усилий, чтобы убедить его?.

Немного успокоившись, я позвонила психотерапевту Джорджа и рассказала, что произошло.

– Я сделала все, что было в моих силах, – говорила я Мэделин, – но я просто не смогла до него достучаться.

– Шерил, мы не можем помочь всем, кто к нам обращается, – ответила она.

На раннем этапе моей карьеры, а я начала работать год назад, услышать эти слова было очень важно. Я страстно верила в успех работы суррогатного партнера и хотела помочь каждому, кто ко мне приходил. С самого начала я встречала людей, жизнь которых удавалось изменить. И дело не только в тех из них, кто достигал успеха.

Тот факт, что я пришла к этой профессии, изменил мое представление о самой себе и о том, на что я способна. На какое-то мгновение общение с Джорджем приоткрыло бездну сомнений, которую я ценой таких усилий старалась заполнить..

Глава 6

К концу старшей школы я обошла все католические церкви Сэйлема и несколько за его пределами. Я ходила кругами в сопровождении Марси и Лизы, тасуя исповедников, как колоду карт. Это избавляло меня от необходимости исповедоваться в одних и тех же грехах одним и тем же священникам, получая одну и ту же реакцию каждую субботу.

Я странствовала по приходам, стараясь убедить их (и, наверное, себя тоже), что я не грешница-рецидивистка..

Холодным октябрьским утром я шла с Марси и Лизой по дорожке, обсаженной деревьями, к церкви Святой Марии. Ноги у меня подкашивались, а желудок переворачивался внутри. Я была на удивление молчалива.

– Что с тобой? – спросила Марси.

– Ничего, просто устала, – ответила я.

На самом деле я была в панике, ведь мне опять предстояло признаться в смертном грехе. Я отрицала божественный закон. С Биллом, по крайней мере, я грешила во имя любви. Возможно, для Бога это не аргумент, но он мог хотя бы проявить милосердие. С Джоном я была только ради удовольствия. Я продала свою бессмертную душу за несколько приятных минут на заднем сиденье «Доджа» на Кернвуд Роуд.

Что же я за человек-то такой?.

На несколько коротких мгновений я почувствовала облегчение, войдя в церковь и окунувшись в волну приятного тепла, но тревога быстро вернулась, и я вспотела от страха. От запаха ладана меня только еще больше затошнило. Я постаралась напомнить себе, что потом мы с друзьями пойдем в парк, а там будут другие друзья и будет весело.

Мы часами будем болтать и смеяться. Я уговаривала себя

успокоиться..

Я вошла в исповедальню и постаралась привести мысли в порядок. Через несколько секунд в другую дверь вошел священник. Сквозь железную решетку мне была видна его щека, которая в тусклом свете исповедальни отливала желтым.

– Простите меня, святой отец, ибо я согрешила. С моей последней исповеди прошла неделя, – начала я.

Я стала перечислять легкие грехи: чтобы пощадить чувства двоюродной сестры, я сказала ей, что мне нравится ее новая прическа, а на самом деле не нравится; я позавидовала подруге, которая уезжает в Нью-Йорк в колледж; я соврала матери. Пришло время большого признания – я занималась сексом со своим молодым человеком..

Священник хранил молчание до этого самого момента, и, если бы он и дальше молчал, я бы, наверное, снова пришла к нему или к другому его коллеге на следующей неделе. Но вместо этого он произнес:

– Из-за таких девушек, как ты, рушатся жизни молодых людей.

Внезапно мой страх сменился злостью. Потребовалось одно мгновение, чтобы мои робкие сомнения, несмелые мысли уступили место ярости. Мне не приходилось долго упрашивать Джона, чтобы он занялся со мной сексом. Наверное, я была грешницей, но можно ли назвать его жертвой. Разве на нем не лежит часть вины?.

– А как же моя жизнь, святой отец? – задала я вопрос.

– Двенадцать раз «Отче Наш» и девять «Аве Мария», – последовал ответ.

В тот день я вышла из церкви, не произнеся ни единой молитвы, и ни разу с тех пор не была на исповеди.

Я по-прежнему ходила со своей семьей на мессу каждое воскресенье. Если бы только стыд и чувство вины могли испариться в тот самый момент, когда я решила не исповедоваться больше, но этого не произошло. Я причащалась. Еще один грех. Когда священник клал облатку мне на язык, я с трудом заставляла себя ее проглотить.

Самое святое и чистое я окунала в свою разлагающуюся душу. Без исповеди вина моя стала в несколько раз сильнее. Но я уже начинала освобождаться от морали, которая, как я знала, была неправильной, недоброй, лживой. Моя индивидуальность заново формировалась вне церкви, и это было страшно и увлекательно одновременно.

Это не значит, что мне не приходилось бороться с собой. Я все еще колебалась между злостью и страхом, разумом и верой..

1962 год был моим последним годом в школе. Мою семью не так уж сильно беспокоило, что я собиралась делать, закончив школу. Братья должны были поступить в колледж, потому что им предстояло в будущем кормить семью, а хорошее образование помогло бы им завоевать нишу на рынке труда. В частности, моему отцу казалось, что тратить деньги на высшее образование для меня было равносильно тому, чтобы купить машину для нашей кошки.

Плохие оценки в средней школе избавили меня от необходимости пойти по проторенной дорожке и начать готовиться к поступлению в колледж в старших классах. Но и в противном случае никто бы не считал нужным вдохновлять меня на дальнейшую учебу, а тем более давать на это деньги. Такой девушке, как я, достаточно было найти мужа, который бы смог обеспечить жену и детей..

Миссис Руссо, которая была консультантом по выбору профессии в нашей школе, первая упомянула об академии Бэй Стэйт в Бостоне. В академии была двухлетняя программа по тренировке секретарей, где обучали стенографии, приемам печатания на машинке и другим навыкам, которые могли бы пригодиться в офисной работе, а это была одна из возможных сфер трудоустройства для меня.

Когда я рассказала об этом родителям, отец посмеялся надо мной. Он

не понимал, зачем мне нужно учиться дальше. Но мама неожиданно встала на мою сторону. Она настояла, вопреки резким возражениям отца, чтобы он отложил деньги на мою учебу в Бэй Стэйт. Поэтому, пока мой последний год в школе подходил к концу, я готовилась осенью поехать в академию, которая должна была стать единственным, что в обозримом будущем могло приблизить меня к колледжу..

Учеба в Бэй Стэйт была очень важным этапом в моей жизни. Девушки, с которыми я познакомилась, мне очень нравились, и я приобрела несколько полезных навыков. Поэтому я была очень расстроена, когда в преддверии второго года обучения мой отец решительно и бесповоротно отказался платить за него. «Это пустая трата денег», – заявил он.

Особенно сейчас, когда у Дэйва Мэллори из фирмы «Крэсслер Инджиниеринг» есть прекрасное место для меня. Дэйв был давним другом моего отца. Он был вице-президентом процветающей инженерной компании в Бостоне. Того, чему я научилась за год в академии, было достаточно, чтобы я могла выполнять предложенную работу и сохранить моему отцу деньги.

Если бы он только знал, кого я встречу в «Крэсслер» и как это изменит мою жизнь, он бы с радостью подписал чек, которым должен был оплатить второй год обучения в Бэй Стэйт..

*

Помимо роста (187 сантиметров) у Майкла Коэна была представительная внешность. Когда он вышагивал по офису, в котором располагалась фирма «Крэсслер», это не могло остаться незамеченным сотрудниками, вне зависимости от места, которое они занимали в пантеоне богов и божков корпорации. Первое, что я отметила в Майкле, – его рост, второе – руки.

Они были длинные и изящные, но при этом сильные. Ему было двадцать три, у него была безупречная кожа, сияющие голубые глаза и

низкий голос, который звучал так сексуально, что у меня дрожали колени. Еще у него были светлые вьющиеся волосы, довольно длинные, то есть это считалось длинным в то время. Майкл был «мальчиком на побегушках», но это была самая неподходящая для него должность.

То, что его интеллект и уверенность в себе значительно превосходят его положение в фирме, было очевидно каждому..

Если он не бегал по поручениям наших боссов или не снимал фотокопии, то работал за столом, который стоял рядом с моим. Однажды в понедельник, когда я спросила его, как он провел уик-энд, он ответил:

– Отлично, все выходные трахались.

– Что???

– Да, встали только, чтобы поесть.

Он серьезно. Никто – не единая живая душа – не разговаривал со мной так открыто о сексе. Услышав его ответ, я так и осталась сидеть с широко раскрытыми глазами и упавшей челюстью. Наверное, я выглядела глупо, но это его не обескуражило. Он спросил, как провела выходные я, но я была так потрясена, что не смогла ответить..

Мы с Майклом часто обедали вместе и вскоре вели самые душевные беседы. Он мог задать мне любой вопрос, самый личный, и все равно не казался назойливым. Никогда раньше я не вела таких откровенных разговоров. Мы много говорили о сексе, но кроме этого о кино, политике, книгах, его учебе в колледже, его семье, моей семье, планах на будущее – решительно обо всем на свете.

Но все-таки, какими бы откровенными не были наши разговоры, я не была до конца честна с ним. В начале нашего знакомства я сказала, что я девственница, потому что не хотела, чтобы он составил обо мне превратное мнение..

Майкла отстранили от учебы в Бостонском университете за то, что он писал тесты за других. Его поймали, когда он писал экзамен за студента, который изучал бизнес, и он должен был предстать перед комиссией. Он отстаивал свою невиновность, утверждая, что этот студент – будущая

акула делового мира, ведь он принял правильное решение, когда нанял лучшего из лучших.

Естественно, это не убедило комиссию, и его на год отстранили от учебы..

Все в Майке было необычно. Он поцеловал меня еще до того, как мы сходили на первое свидание. Мы ехали в лифте на первый этаж, чтобы пообедать вместе, и неожиданно он мягко притянул меня к себе. Этот поцелуй был самым чувственным поцелуем из всех, что у меня были. Он был нежным и сексуальным. Майкл не допускал полутонков.

Он все делал страстно, и этот поцелуй не был исключением..

С Майклом я расцвела. Я отрастила волосы, в моем гардеробе появилась новая сексуальная одежда, одобренная Майклом. Он дал мне список книг, и я внезапно обнаружила, что совсем не глупа, что у меня есть литературное чутье, которое не мог пробудить никто из моих учителей. Мы пробовали марихуану и галлюциногенные наркотики.

В сексуальном плане я сделала еще больше открытий. Я впервые попробовала оральный секс и испытала свой первый оргазм во время соития. И не менее важным было то, что я впервые занималась сексом при свете и говорила о том, что мне нравится, а что нет. Это было время открывшихся передо мной возможностей, и мы собирались окунуться в них рука об руку..

Майкл поднимал на смех половину из того, чему меня учили о сексе. «Бред», – смеялся он, когда я рассказывала о запрете на мастурбацию и других католических догматах, которые заменяли нам половое воспитание. «Это просто способ контроля. Они контролируют тебя с помощью стыда и страха», – заявлял он. Он, казалось, даже сердился на меня за то, что я поддаюсь влиянию опасных и ложных сведений.

Может быть, проблема действительно была не во мне, а в морали?.

Впервые в жизни у меня была возможность вести откровенные разговоры о сексе, лишённые какого бы то ни было осуждения. Майкл оценивал секс с точки зрения светского, нерелигиозного человека, и это было новым для меня. Теперь я могла не только подвергнуть сомнению то,

чему меня учили, но и познавать противоположные идеи, которые были созвучны тому, что чувствовала я.

Однажды ночью, когда прошло уже довольно много времени с тех пор, как я призналась во всех своих сексуальных переживаниях, я рассказала Майклу про свою последнюю исповедь..

– Идиотизм, – фыркнул он. – Почему они там все так зациклились на девственности? В этом нет никакой логики.

Я рассказала о своей вере в то, что Бог наблюдает, как я раз за разом умышленно нарушаю правила, и описала свой страх перед тем, что после моей смерти он воздаст мне за все. Майкл высмеял мои страхи. Ведь он, в конце концов, не был католиком. Он был евреем. В то время я понятия не имела, что же это на самом деле означает.

Но я видела, что Бога он не представляет себе в качестве жестокого школьного учителя, как это делала я..

Прошло всего несколько недель с тех пор, как мы с Майклом начали встречаться, но разные адреса у нас были уже только на бумаге. Мне было девятнадцать, я снимала квартиру в Бостоне с двумя другими девушками, но большую часть ночей я проводила у Майкла. Мои родители знали о существовании Майкла, и между нами существовало некое негласное соглашение, которое заставляло их избегать вопросов о том, спим ли мы вместе или нет.

Они не спрашивали, а я не рассказывала..

Однажды рано утром, когда я была у Майкла, зазвонил телефон. Мой будильник должен был прозвенеть только через час, и я решила не отвечать, но когда раздался пятый звонок, стало очевидным, что человек на другом конце провода не собирался сдаваться. Майкл накрыл голову подушкой. Едва проснувшись, я сняла трубку..

– Нам нужно поговорить, – раздался голос моего отца.

– Папа?

– Приезжай домой на выходные.

– Откуда у тебя этот номер?

– Он есть в телефонной книге. Ты должна приехать домой в выходные. Нам нужно поговорить.

У меня упало сердце, когда я поняла, что срок негласного соглашения внезапно истек. Сидя в автобусе по дороге домой, я испытывала те же ощущения, что и каждую субботу по пути в исповедальню. Мне пришлось взять себя в руки, прежде чем я открыла входную дверь.

– Поговорим в гостиной, – произнес отец.

Я понимала, что ничего хорошего этот разговор не предвещает. Его слова привели меня в смятение.

– Ты, очевидно, уже далеко не Дева Мария. Я знаю, чем ты там занимаешься со своим бойфрендом.

У меня застрял комок в горле. Как будто мне дали пощечину. Но худшее было впереди.

– Тебе, видимо, придется выйти за него замуж, потому что ни один приличный человек не примет тебя в свой дом.

Я начала плакать. Я не могла произнести ни слова. В глазах моего отца я была порченным товаром.

В ту ночь мы с Майклом говорили несколько часов подряд. Меня снова с прежней силой охватили стыд и чувство вины. Сначала священник говорит мне, что я из тех, кто портит жизнь юношам, а теперь это... Мне казалось, что осуждения не избежать, даже если до сих пор мне удавалось обманываться на этот счет. Когда я рассказала Майклу о разговоре с отцом, его ответ был предсказуемо обнадеживающим: «Твой отец живет в каменном веке.

Приличным людям все равно, девственница ты или нет»..

Я снова пыталась объяснить, как церковь заставила меня отвернуться от себя, как внушила мне, что я должна испытывать стыд только от того, что хочу узнать больше о сексе. Когда я наконец закончила говорить, то,

что он сказал мне, было так понятно и так просто, что я до сих пор повторяю про себя эти слова: «Если Бог не способен сострадать, то такого Бога не существует».

Хотя я никогда раньше не задумывалась о сострадании, которое испытывает Бог, в тот момент поняла, что если он на это не способен, то и я не в силах в него верить..

Глава 7

Когда наступает подходящее время, чтобы лишиться девственности. Я не могу ответить на этот вопрос. В глазах официальной церкви и моих родителей такое время наступает только после того, как ты произнесла: «Я согласна». В четырнадцать лет, занимаясь сексом с Биллом впервые, я испытывала мучительное чувство вины.

Марку О'Брайену казалось, что стыдно оставаться девственником в тридцать шесть..

Какой возраст подходит для этого лучше всего. Сомневаюсь, что целая армия профессионалов сможет найти ответ на этот вопрос. Но я все-таки убеждена, что один из моих клиентов, который потерял девственность с моей помощью в 2005 году, сделал это на несколько десятилетий позже того возраста, который нам кажется приемлемым для того, чтобы впервые испытать секс..

– Семьдесят? – переспросила я Кэрол, психотерапевта, она иногда направляла пациентов ко мне.

– Семьдесят. Он недавно отпраздновал день рождения, – ответила она.

Кэрол улыбнулась и сделала глоток кофе. Мы сидели в кафе недалеко от ее офиса, и она рассказывала мне о Ларри. К тому времени я уже примерно три десятка лет была суррогатным партнером, и мне далеко не в первый раз приходилось работать с теми, кому за семьдесят. Меня удивил не его возраст, а проблема, с которой он столкнулся: Ларри был семидесятилетним девственником..

– Вот это да! Нужно быть смелым человеком, чтобы решиться исправлять это сейчас, – произнесла я.

– То есть я даю ему твой телефон? – на всякий случай переспросила Кэрол.

Несколько дней спустя Ларри позвонил, и мы назначили дату первого сеанса.

У него была борода с проседью и шапка волос соломенного цвета. Его глаза были такими темными, что зрачок сливался с радужной оболочкой. В свои семьдесят он по-прежнему работал в инженерной фирме, одним из основателей которой был сорок лет назад. У него не сохранилось воспоминаний о том времени, когда он работал меньше пятидесяти часов в неделю..

Был январь, но он пришел без куртки. Когда я спросила, не холодно ли ему, он ответил, что в январе на калифорнийском побережье погода, как на курорте, по сравнению с зимой в Чикаго, где он вырос.

– Эти зимы сделали меня морозоустойчивым, – добавил он.

Я улыбнулась и пригласила его сесть.

Ларри был проницателен и хорошо умел выражать свои мысли. Он много думал над тем, как воспитание повлияло на его дальнейшую судьбу. Он был единственным ребенком в несчастливой семье. Мать пожертвовала ради него практически всем.

– Моя мать все положила к моим ногам, – сказал он, – и требовала того же взамен.

В семье считалось, что самое главное – это успехи в учебе. Она бы никогда этого не признала, но Ларри был уверен – мать ждала, что он будет обеспечивать и поддерживать ее, когда получит образование и найдет хорошо оплачиваемую работу.

С ранних лет он понимал, что она чувствует себя, как в ловушке. Она получила скромное образование, которое раскрывало перед ней не слишком много возможностей, поэтому осталась с его отцом, который кормил всю семью. Она была убеждена, что общение со сверстниками и девушками – это роскошь, которую Ларри сможет позволить себе позже, когда достигнет существенного результата и займет хорошее финансовое положение..

– Легкомыслие – так моя мать называла любой вид деятельности вне

учебы, в том числе и свидания, – рассказывал он. – Она полагала, что стоит мне получить хорошее образование и хорошую работу, и все остальное возникнет само собой. Поэтому мне казалось, что влюбленность, привязанность – это нечто вроде награды за заслуги и не достается просто так..

Откровенность Ларри граничила с настойчивостью, и мне не приходилось прикладывать усилия, чтобы узнать о нем больше, как с большинством других клиентов. Он не только хотел заняться сексом, он хотел рассказать о себе.

Когда Ларри, в конце концов, пришел к выводу, что достигнуто достаточно и теперь он заслуживает близких отношений, ему уже было около тридцати, и застенчивость, недостаток опыта пресекали всякие попытки найти девушку. Он вспомнил одну особенно болезненную историю. Он некоторое время встречался с девушкой по имени Кэтлин.

Она была привлекательна, остроумна, и он уже представлял их совместное будущее..

– Я мечтал, как буду приходить домой, как ее лицо будет озаряться радостью, как она будет... желать меня, – рассказывал он.

Когда Кэтлин заговаривала об отношениях, которые были у нее в прошлом, Ларри старался быстро сменить неловкую тему. Хороший уровень образования предоставлял ему возможность выбирать из множества возможных предметов для обсуждения, и он превращался в «мастера художественного перехода», как он это называл.

Этот навык оказывался полезным каждый раз, когда разговор заходил об отношениях..

Третье свидание стало последним в отношениях Ларри и Кэтлин и в жизни Ларри, к несчастью, тоже. Он вспомнил, что на ней было узкое розовое платье, и он возбудился, как только увидел ее в тот вечер. Он сидел напротив за ужином, чувствуя, как возбуждается все сильнее, и начинал поддаваться панике. Он так сильно нервничал, что пролил бокал вина..

– Я мысленно пытался успокоить себя, сосредоточиться на разговоре,

особенно когда заметил, что она видит мое волнение и тоже начинает беспокоиться.

Во время ужина ему удалось расслабиться, и они почувствовали такую близость, что Кэтлин пригласила его к себе. Они шли рука об руку, и мгновениями Ларри казалось, что именно этой ночью ему откроется мир, куда, по-видимому, уже давно вступили все взрослые люди, кроме него.

– Я постоянно думал о том, что на следующее утро проснусь другим человеком – нормальным человеком, – говорил он.

Предложив ему выпить, Кэтлин отвела его в спальню. Они сели на кровать и начали целоваться или, по крайней мере, попытались. Когда Кэтлин прижалась к нему губами, волнение Ларри превратилось в приступ паники.

– Мне казалось, что грудь мне вскрыли ножом, и я чувствовал, как бьется в судорогах желудок.

Он поднялся, запинаясь, бросил «Спокойной ночи!» изумленной Кэтлин и ушел. Он стрелой пролетел два лестничных пролета, которые вели в ее квартиру. Он мчался по улице, пока не прервалось дыхание.

– Я в буквальном смысле сбежал, – сказал Ларри и уставился на свои ботинки, я слышала, как он тихо повторяет «ну ладно, ладно, ладно», стараясь сдержать слезы.

– Вы очень смелый человек, раз пришли сюда, и не одиноки в своих страхах, – произнесла я.

Несколько секунд он сидел с закрытыми глазами, откинувшись в кресле, а затем сказал мне, что не хочет умереть, не испытав секса.

В ту ночь Ларри сбежал от очень многого, и мое сердце разрывалось при мысли о том, что можно было прожить всю жизнь, не испытав счастья, которое дарит близость, секс, любовь. Возможно, Ларри находился в таком состоянии дольше многих других, но ему мешал все тот же порочный круг, в котором, как в ловушке, находятся многие из нас, не в силах сдвинуться с места.

Он волновался, боялся от недостатка опыта. Это привело к тому, что он начал избегать секса, это лишило его возможности приобрести этот опыт, что в свою очередь провоцировало неуверенность и отвращение к любому виду близости. Печальным результатом стало мучительное ощущение одиночества, с которым Ларри жил почти все свои семьдесят лет..

Мы еще немного поговорили. Я рассказала ему, в чем заключается работа суррогатного партнера, и заверила в том, что страх естественен и мы будем продвигаться вперед в том ритме, который подходит лично ему.

Когда мы прошли в спальню, я закрыла ставни, отдернула бежевое покрывало на кровати. Мы разделись и легли на кровать рядом друг с другом. Я спросила Ларри, удобно ли ему. Он попросил поменяться с ним местами.

Его глаза были широко раскрыты, а лоб покрывала испарина.

– На этой стадии нервничать – это нормально. Поэтому обычно я всегда начинаю с расслабляющих упражнений, – сказала я.

Я попросила Ларри положить руку на живот и дышать глубоко, чтобы видеть, как поднимается и опускается рука с каждым вдохом и выдохом. Я делала то же самое, и пару минут мы лежали рядом, вдыхая и выдыхая.

– Так, теперь давайте сверимся с вашим телом, чтобы определить, в какой части сохранилось напряжение, – затем я попросила Ларри закрыть глаза и мысленно коснуться своей головы. – Представьте себе свою голову. Затем почувствуйте место, где голова соединяется с шеей. Если шея напряжена, немного приоткройте рот, посмотрите, поможет ли это избавиться от напряжения.

Я буду идти вдоль вашего тела, и вы должны вносить поправки, чтобы чувствовать себя свободнее. Почувствуйте свои плечи, плечевые суставы, пространство между плечами. Почувствуйте, как плотно они прилегают к кровати. Проследите место, где плечи соединяются с руками. Мысленно спускайтесь вниз по руке – локти, предплечья, запястья, ладони.

Делайте медленные, глубокие вдохи. Вернитесь к груди, старайтесь почувствовать ее. Теперь живот..

Мы продолжили исследовать его тело. Когда я добралась до ступней, то попросила его пошевелить пальцами ног, а потом расслабить их. Мы с Ларри сделали несколько глубоких вдохов вместе.

– Как вы себя чувствуете? – спросила я.

– Уже лучше. Более подвижным, не таким скованным.

Мы перешли к «ложечке». Ларри лег на бок, и я устроилась сзади.

– Просто делайте обычные, спокойные вдохи, – говорила я.

Я старалась дышать в том же ритме, что и он, и скоро мы дышали в такт друг другу. Обычно во время этого упражнения пациенты чувствуют себя в большей безопасности, более защищенными, и тело Ларри ощутимо расслаблялось с каждым нашим совместным вдохом.

Я задержалась в таком положении на несколько минут дольше, чем обычно. Ларри впервые за десятилетия ощутил чувственное прикосновение. Я знала, что он напуган, и хотела, чтобы он почувствовал человеческое тепло и заботу.

Через несколько минут Ларри перевернулся на живот, и мы приступили к «тактильному контакту». Я начала со ступней. Они были худые, с толстыми ногтями. Я взяла их в ладони и начала описывать круги на подошвах и пятках.

Ноги Ларри были покрыты светло-коричневыми волосами, и, проводя ладонями по ним, я чувствовала, как мышцы расслабляются под моими прикосновениями. Так же быстро исчезало напряжение в ягодицах, на спине и шее. Тело Ларри изнывало без ласки. Добравшись до макушки, я начала путь обратно, к пальцам ног. Его кожа была светлой и, несмотря на возраст, почти гладкой..

Мои руки постепенно двигались вниз, и, добравшись до ступней, я попросила его сделать глубокий вдох. Я осторожно сжала ноги в ладонях и отпустила на выдохе. Потом произнесла:

– Перевернетесь на спину, когда будете готовы.

Ларри испытывал эрекцию и, переворачиваясь, машинально прикрывал пенис рукой.

– Это нормально. Это естественная реакция, – сказала я.

Он медленно убрал руку.

Я начала путь вверх по его телу: провела пальцем по пенису, затем вверх по паховой области и животу. Добравшись до макушки, я снова пошла вниз.

Когда мы закончили с упражнением, я спросила Ларри, как он себя чувствует.

– Как человек, который выпил стакан ледяной воды после путешествия по пустыне, – ответил он.

*

Следующие четыре занятия мы посвятили целому ряду упражнений, которые должны были помочь ему избавиться от волнения, привыкнуть к собственному телу и научиться лучше выражать свои желания с помощью слов и движений. Как в случае с Марком и множеством других моих клиентов, нужно было избавиться не от конкретной физической проблемы, а от сонма эмоциональных комплексов, провоцирующих ее.

Он с удивлением узнал, что многие мужчины, вне зависимости от опыта, иногда чувствуют себя неуверенными и уязвимыми во время секса. Еще больше он был удивлен, когда я сказала, что если тебе за пятьдесят и ты сексуально неудовлетворен – это еще не отклонение..

Я была осторожна и старалась не торопить Ларри. Прикосновения были настолько новым ощущением для него, а стена тревоги и неуверенности, которой он окружил себя за годы воздержания, – такой высокой, что ему требовалось время, чтобы научиться управлять своим телом. Наступали минуты, когда Ларри едва мог поверить в то, что

наконец-то он вступает в какие-то отношения с женщиной.

Неудивительно, что он всегда чувствовал смущение и страх, когда открывал что-то новое в моем теле и в своем собственном. Он постепенно учился чувственным ласкам, больше узнавал о моем теле и приобретал все бóльшую уверенность, которая помогла ему чувствовать себя свободнее, когда пришло время лишиться девственности..

Пятое занятие с Ларри было назначено на двенадцатое февраля, и одной из первых фраз, которую он произнес, войдя в квартиру, была: «Мне кажется, это будет первый День Святого Валентина, когда мне не придется чувствовать себя несчастным». Ларри наконец должен был заняться сексом.

Поговорив немного о том, как он провел время, отделявшее нас от его последнего посещения, мы прошли в спальню и сняли одежду. Мы легли рядом друг с другом и приступили к расслабляющим упражнениям. Я осторожно ласкала его тело и в конце концов надела презерватив на его твердеющий пенис. Я взяла его в рот, и он быстро достиг полной эрекции..

Мы сделали несколько глубоких вдохов, чтобы удержать его на определенной стадии возбуждения. Потом я приподнялась, чтобы оказаться над ним, и ввела его пенис. Я медленно двигалась вперед и назад, и через несколько минут мы изменили положение, чтобы он был сверху. Он начал двигать бедрами и нечаянно выскользнул из меня, я увидела, как лицо его исказила гримаса..

– Все в порядке, – заверила я. – Такое бывает. Он иногда выскальзывает, – я взяла подушку и подложила ее под свои бедра. – Обычно это помогает. А у тебя прекрасно получается. Постарайся только не доставать так сильно, но даже если это происходит – можно легко ввести пенис снова, – я взяла его пенис рукой и снова ввела его в свое влагалище.

– Хорошо, продолжай, двигайся вперед, – сказала я..

Ларри снова был во мне, медленно двигаясь вперед и назад.

– Если это произойдет с будущей партнершей, не бойся, просто попроси ее вставить его обратно или сделай это сам – как тебе проще, –

прошептала я ему на ухо.

Он спросил, может ли поцеловать меня, и когда я ответила, что может, он лег на меня всем телом, помогая локтями, и нежно прижался губами. Он касался моих губ и рта языком. Через несколько минут он приподнялся и снова начал двигаться. Его лоб был покрыт испариной, и несколько капель пота упали мне на лицо.

Он вскрикнул, кончил и опустил голову мне на грудь. Я обвила его руками. Ларри недавно исполнилось семьдесят, он только что потерял девственность..

Я видела, что у него на глаза наворачиваются слезы. Этот момент вознаграждал меня за все неудачи моей карьеры. Я помогла ранимому, умному и доброму человеку восполнить самую естественную человеческую потребность. Жизнь Ларри была полна достижений, но лишена привязанности и физической близости. Вместе нам удалось это исправить, и это один из самых трогательных моментов за всю историю моей работы..

Я хотела, чтобы после первого раза у Ларри сохранилось ощущение заботы и нежности, и предложила еще раз выполнить «ложечку». После четвертого цикла дыхательных упражнений Ларри остановился.

– Это так много для меня значит, – произнес он.

Я нежно прижалась к нему.

– Знаешь, – продолжил он, – однажды до меня дошел слух, что меня считают геем. Я не попытался изменить это мнение о себе, потому что в глазах окружающих быть геем не так странно, как быть девственником.

Потом он тихонько засмеялся и признался, что никому никогда этого не рассказывал.

Мне часто приходилось с таким сталкиваться – клиенты открывают мне секреты, которыми не решались поделиться даже в кабинете психоаналитика. Одно это делает работу суррогатного партнера удивительной, в этом проявляется ее красота. Спальня, где происходит терапия, – это уникальная среда, где уязвимы оба, как клиент, так и

суррогатный партнер.

Нагота – мощное оружие, и даже прежде, чем произойдет какое-либо соприкосновение, настрой меняется, глубже становится ощущение близости, которое помогает говорить свободнее, чем они могут себе представить..

В большинстве своем они начинают делиться воспоминаниями о событиях, которые оказали сильное влияние на их жизнь, но говорить о которых мешали стыд и смущение. Просто отважиться произнести это вслух – уже шаг к освобождению, потому что помогает оценить свой опыт со стороны, а это становится невозможным, если хранить все в тайне..

Глава 8

– Ты дьявол. – кричала моя мать Майклу через всю гостиную. Она стояла, держась за спинку кресла, как будто хотела использовать его как щит. Моя подруга Маршасью, ее молодой человек, Рони, и я застыли на месте. Майкл был как всегда спокоен и невозмутим. Была суббота, теплый июньский день, и мы вчетвером собирались отправиться на пикник в Марблхэд.

Только сейчас мне пришло в голову, что стоило все-таки купить баллончик средства от комаров, а не заходить домой за старым..

– Что ты сделал с моей дочерью? – кричала мама.

– Я ничего с ней не делал, – отвечал Майкл ровным голосом.

– Ты зло, зло во плоти!

– Мам, перестань, – произнесла я сквозь зубы. – Все, пойдем. Сейчас же, – добавила я.

Я направилась к двери, и все трое последовали за мной.

– До скорого, миссис Террио, – сказал Майкл, закрывая за собой дверь.

Мне хотелось его ударить. Не стоило усложнять и без того непростую ситуацию. Я надеялась, что битва с родителями закончилась, что они отказались от своенравной дочери, отступили и предоставили мне вести беспутную жизнь. Если бы.

Дэйв Мэллори, друг моего отца, который посоветовал мою кандидатуру для работы в «Крэсслер Инджиниеринг», рассказал моим родителям, что ему было известно о Майкле. По его словам, Майкл был прямолинеен, жизнелюбив, бунтарь по натуре – именно эти качества мне и нравились в нем. Он сказал, что мне достался человек, у которого нет будущего, что он не способен обеспечить мне достойное существование.

Не самый подходящий зять..

Еще Мэллори рассказал о пари, которое Майкл заключил на работе. Майкл поставил на то, что ему удастся затащить меня в постель. Однажды в пятницу, когда я пришла в офис с большой сумкой, намереваясь остаться у него, он объявил всем, что выигранные деньги заберет в понедельник. Возможно, Дэйв действительно хотел мне помочь.

Поступок Майкла был не очень красивым, и первое, что пришло мне в голову, – он не так уж сильно привязан ко мне, как я думала раньше. Иногда мне казалось, что Дэйв видит соперника в Майкле, ум и чутье которого были всем хорошо известны. Поговаривали даже о том, что фирма собирается финансировать его дальнейшее обучение, потому что он может быть полезен компании.

Какие бы цели ни преследовал Дэйв, ему тем не менее удалось убедить моих родителей, что я делю ложе с самим Сатаной..

Через несколько недель после скандала в нашей гостиной мама и папа предприняли спасательную операцию и, вооружившись заодно и бабушкой, однажды вечером появились в моей квартире. Мы с Майклом целовались на диване, когда раздался звонок в дверь. Они втроем прошли в комнату. Что, черт возьми, они здесь делают?.

Несколько секунд мы все стояли в крошечной гостиной, глядя друг на друга с дурацким видом. Я посмотрела на бабушку. Позже она сказала мне, что приехала, чтобы проследить, как бы дело не закончилось дракой между Майклом и моим отцом.

– Зачем вы здесь? – наконец спросила я.

– Мы здесь, чтобы отвезти тебя домой, – сказал отец.

– Пап, я не поеду домой.

Мой отец повернулся к Майклу, как будто решение должен был принять он, и произнес:

– Мы знаем, что ты задумал. Моя дочь практически живет с тобой. Если ты хочешь, чтобы так продолжалось дальше, ты обязан на ней

жениться.

– Вы же не покупаете ботинки без примерки, правда? – последовал ответ.

Мне показалось, что у отца глаза выскочат из орбит. Он бросился на Майкла, и, вскрикнув «Папа, нет!», – я хотела схватить его за руку, но не успела, и мои пальцы сомкнулись в воздухе. «Робер!» – бабушка произнесла его имя на французский манер. Майкл и папа стояли буквально в миллиметре друг от друга. Майкл был почти в половину младше и возвышался над моим маленьким отцом, как башня.

Он мог задавить его, даже не вспотев..

– Вам не стоит этого делать, – произнес Майкл, не повышая голоса.

– Папа, перестань, – произнесла я, хватая его за локоть.

Мой отец отступил, и я отпустила его руку, только убедившись, что он сохраняет дистанцию.

– Поехали, – гневно выдохнула мама, бросив на меня взгляд.

Если мои родители полагали, что им удастся испугать меня и заставить уйти от Майкла, они ошибались, но это не означает, что разыгравшаяся сцена не привела меня в смятение. Мое сердце билось в бешеном ритме, и я готова была убежать, но тело не повиновалось.

Я, конечно, была рассержена поведением родителей, но слова Майкла задела меня не меньше. Сравнение с парой ботинок показалось не очень лестным. То, что он вел себя дерзко с моими родителями, как бы плохо они о нем ни думали, смущало меня не меньше. Мне нравилось ощущение свободы – сексуальной и любой другой, – которое давала мне жизнь с Майклом, но еще мне хотелось чувствовать, что он дорожит мной больше, чем парой ботинок.

Но я постаралась подавить эти сомнения, потому что для меня Майкл был проводником в большой мир. В нем было все, что не могли дать мне семья, церковь, школьные учителя. В то время у меня был ограниченный набор оценок. Он был их противоположностью, и это могло означать

только, что он хороший, потому что они плохие.

Потребовалось время, чтобы научиться различать оттенки..

В ту ночь мы занимались любовью, и он казался еще более внимательным, чем обычно. О таком любовнике можно было только мечтать, и секс длился часами. Его движения были медленными, чувственными и заставляли меня верить в то, что я самая желанная женщина на земле. Мы размышляли над тем, что нам делать дальше, и в тот вечер впервые заговорили о том, чтобы уехать из Бостона.

Нам казалось, что мои родители оставили попытки вмешаться, мы не знали, что они еще раз попробуют нас разлучить, и на этот раз инициатором будет моя мать..

*

Мои родители никогда не казались мне фанатиками. Сэйлем был многонациональным городом, и папа с мамой легко уживались с людьми другого происхождения или чуждых религиозных взглядов. Их хорошими друзьями были Роза и Артур Соломоны. Они вместе ходили в кино, обедали друг у друга и вчетвером ездили за город.

И неважно, что Соломоны – евреи. Тем не менее это оказалось важным по отношению к Майклу. Дружба дружбой, но когда дело доходит до романтических отношений и брака – будь добра выбирать католика. Я сталкивалась с этим впоследствии – своего рода фарисейство. Мои родители никогда бы не проявили открытую враждебность по отношению к человеку другой расы или вероисповедания, но насчет брака существовали четкие правила..

Мама и папа полагали, что родители Майкла, Сэди и Джулиус, будут точно так же обеспокоены тем, что их сын тесно общается с девушкой другой веры. Они надеялись, что если уж им самим не удалось разлучить нас, то, возможно, это удастся родителям Майкла. Через несколько недель после ужасной сцены в моей квартире моя мать позвонила матери Майкла.

Она поставила на то, что новость произведет эффект разорвавшейся бомбы, и, наверное, была разочарована, когда ей не удалось ошеломить Сэди..

Мы очень подружились с родителями Майкла, которые всегда относились ко мне с теплотой и участием, но у них, как выяснилось, были свои предрассудки. «Для нас облегчением было узнать, что ты белая», – сказала мне позже Сэди. Майклу доводилось встречаться с латиноамериканскими и афроамериканскими девушками, и для его семьи препятствием была раса, а не вероисповедание..

Майкл был одним из самых обаятельных людей, которых я когда-либо встречала. Он всегда был окружен людьми, и к нему тянуло всех – от хипстеров до простых рабочих. Он был наделен сверхъестественным даром угадывать подсознательные мотивы человеческих поступков. Каждый, кто узнавал его ближе, чувствовал, что встретил человека, который его понимает.

Ему нравилось играть роль волшебника, который видит самую суть вещей, некую скрытую истину и, внезапно раскрыв ее, оставляет тебя с открытым ртом..

У Майкла был свой столик в ресторане «Джек и Мэрионс» в Бруклине, пригороде Бостона, за которым он обычно отдыхал со своей свитой, в которую я тоже входила. Мы пили газировку, поглощали огромные сэндвичи с вяленой говядиной и говорили, говорили, говорили... Был 1964 год. Общество претерпевало глубокие изменения, и молодые люди, такие, как мы, подвергали сомнению решительно все.

Майкл был единственным среди нас, кто умел говорить уверенно и убежденно. Мы задавали вопросы, а у него всегда были ответы..

Не раз какой-нибудь из его многочисленных поклонников напоминал, как мне повезло, что я его девушка. Мне повезло. Я никогда толком не понимала, что Майкл, который мог бы заполучить любую, нашел во мне. Я знала, что мне удалось заполучить двух самых популярных мальчиков в школе благодаря своему характеру и умению общаться с людьми.

Но это же – Майкл. Весельчак, который буквально источает ум и харизму. Я знала, что как в физическом, так и в интеллектуальном плане я

ему не пара. Мы жили в городе, полном симпатичных студенток, но у Майкла были свои причины выбрать именно меня. Однажды ночью, когда мы лежали в постели, он открыл мне одну из них: «Ты будешь прекрасной матерью.

Ты можешь любить страстно и яростно. Ты как львица будешь защищать тех, кого любишь»..

Итак, Майкл хочет от меня детей? Наверное, это означает, что я все-таки много для него значу.

*

Тем временем моя мать с неутомимым упорством пыталась разлучить меня с Майклом. Исчерпав все другие варианты, она развернула широкую кампанию и, не переставая, атаковала меня нытьем и уговорами. Она звонила мне несколько раз на дню и осаждала письмами, в которых убеждала приехать домой, вернуться на правильный путь – как будто я вообще когда-либо на него вступала.

Наконец, устав от этого, я согласилась вернуться домой на год. Она знала, что я по-прежнему буду встречаться с Майклом (я ясно дала это понять), но безуспешно надеялась, что, когда я перестану жить с ним, эти отношения сойдут на нет, а я захочу мужа-католика и стабильное благополучие. Я каждый день ездила в Бостон на работу и всю первую неделю возвращалась домой каждый вечер, но когда пошла вторая неделя, я не выдержала и провела ночь у Майкла.

Потом еще одну ночь. Вскоре мы с Майклом решили, что пришло время дать решительный отпор моим родителям и положить конец моему домашнему аресту. Мы сделаем все по правилам и поженимся, и сделаем это не откладывая..

Когда я объявила своим родителям о помолвке, то не была удивлена тем, что они пришли в ярость. Мама завопила, что будет бойкотировать свадьбу, папа мрачно замолчал. Я же начала проводить дома несколько

ночей в неделю. Почему бы и не уступить им в этом, если меньше через месяц я стану женой Майкла и они потеряют всякую власть надо мной?.

Мистер Хаммерман, кантор и сосед родителей Майкла, согласился провести церемонию при одном условии – если я не беременна. Несмотря на то, что несколько раз у нас возникали подобные опасения, этого не случилось, поэтому церемония должна была состояться в гостиной мистера Хаммермана 22 августа 1964 года, девять месяцев спустя после нашей встречи.

В то время брак знаменовал вступление во взрослую жизнь, особенно для девушек. Не имело значения, что я давно уже выросла. Скоро я буду официально признана взрослой, свободной от родительского надзора..

Я чувствовала нетерпение и страх одновременно. В ночь перед свадьбой я сидела в своей комнате в доме родителей и привыкала к мысли, что моя жизнь скоро круто изменится. Я обвела взглядом комнату, которая на самом деле никогда не была моей. Вязаное покрывало на кровати, вышитые васильки на занавесках, туалетный столик с овальным зеркалом и позолоченным набором щеток и расчесок – все это выбирала моя мать.

Это была спальня, о которой она мечтала, будучи маленькой девочкой, и даже когда я выросла, то не могла ничего менять в ней. Почти каждый день она сама заправляла мою кровать и прибирала в комнате. Если ей нужно было достать из моего шкафа белье для стирки или найти на моем столе скотч или пару ножниц, она делала это, совершенно не задумываясь над понятием личного пространства.

Более того, мне никогда не разрешали закрывать дверь спальни, и, хотя мама никогда не объясняла причины, я почти уверена, что это была превентивная мера против самого страшного из зол – мастурбации. Комната считалась моей, но она никогда не принадлежала мне до конца. Она принадлежала моей матери. Я хотела вырваться отсюда.

Я страстно этого желала. Тогда почему мне так больно было видеть этот аляповатый интерьер, которым она так дорожила?.

– Не плачь. Не плачь. Размажешь тушь, – говорила мне на следующее утро Лиза, которую я попросила стать подругой невесты, пока мы ехали в дом родителей Майкла. Я плакала, потому что мне было грустно и я была

возбуждена. Нервы плясали, настроение падало и снова поднималось, я металась между тоской и ликованием..

Когда мы приехали, Майкл был на улице, отдавая последние распоряжения. Лиза несла простое белое платье, которое помогала мне выбирать бабушка, а у меня в руках были вуаль и пара атласных туфель. Когда Сэди и Джулиус вышли встретить нас, они казались серьезнее, чем когда-либо. Сэди вручила Лизе круглое печенье и спросила, не будет ли она так добра погладить скатерть, которую они хотели сегодня постелить на стол.

Потом они отвели меня в гостиную и усадили на диван..

– Шерил, ты знаешь, как хорошо мы к тебе относимся, – начала Сэди.

– Поэтому мы хотим поговорить с тобой, – продолжил за нее Джулиус. – Майкл не сможет тебя обеспечить. Он не способен обеспечить своей семье стабильное существование. И если у вас появятся дети, мы с Сэди не сможем помогать вам деньгами.

Если бы эти слова он произнес по-другому, я бы, наверное, почувствовала себя оскорбленной, но в его словах была такая искренняя забота обо мне, что я не могла предположить никаких иных мотивов – он просто хотел меня защитить.

– Я этого и не прошу, – ответила я, и, наверное, это прозвучало легкомысленно.

– Сколько тебе лет? – спросил Джулиус.

– Девятнадцать. Достаточно, чтобы понимать, чего я хочу, – ответила я.

– Мы надеемся, что это так, – произнесла Сэди.

Несмотря на угрозы, моя мать пришла на церемонию вместе с отцом, братьями, бабушкой и другими родственниками. Нельзя сказать, чтобы на лицах моих родителей светилось счастье, но все портить они тоже не хотели. Свадьба прошла просто и приятно. Церемония была гражданской. После того, как мы обменялись необходимыми репликами, гости, около

двадцати человек, вернулись в дом родителей Майкла и собрались вокруг пышно накрытого стола.

Мы сделали по глотку шампанского, и шафер Майкла, Джером, произнес тост, пожелав нам совместного счастья. Даже мои родители подняли за это бокалы..

*

Мы с Майклом поселились в Бэйкон Хилле, фешенебельном пригороде Бостона. Мы сняли маленькую квартиру с одной спальней в старом кирпичном доме. У нас был балкон с большими дверями от пола до потолка, и в теплые дни мы распахивали их настежь. Мы превратили свою квартиру в место регулярных встреч с нашими друзьями..

Вскоре я ушла из фирмы «Крэсслер», потому что забеременела. Месяц спустя после нашей свадьбы я поняла, что месячные не наступают, обратилась к врачу, прошла тест. Оказалось, что я жду ребенка. Майкл получил хорошо оплачиваемую работу на почте, которая обеспечивала медицинскую страховку, и нам не пришлось платить за услуги врача..

Финансовое положение совершенно не беспокоило меня, я боялась только того, что не смогу стать хорошей матерью. Я, в конце концов, не была девушкой образцового поведения. С самого раннего детства я утвердилась в мысли, что мама не любит меня. Сначала мне было обидно, и я стремилась заслужить ее любовь и одобрение.

Злиться я стала уже позже, а тогда просто не чувствовала к ней никакой привязанности. Может быть, мой ребенок то же самое будет думать и по отношению ко мне. Вдруг я дам ему повод для этого. Что, если я буду неспособна полюбить этого ребенка. Я боялась повторить ошибки своей матери..

По совету Майкла я раз в неделю ходила к психотерапевту. Как оказалось, это очень помогло мне и моей семье. На сеансах терапии я начала работать над злостью, обидой и чувством вины, которые

накапливались с детства. Мне удалось приобрести уверенность и качества, необходимые, чтобы общаться со своим ребенком так, как этого хотела я.

Внутри меня рос ребенок, и я знала, что буду любить его или ее, что стану нежной, заботливой матерью, которой мне так не хватало..

Когда в июне 1965 года я родила нашу прекрасную Джессику, то поняла, что Майкл был прав насчет меня. Еще я поняла, что наши с ней отношения будут совсем не похожи на то, что я переживала со своей матерью.

Майкл был папой, о котором я мечтала для своего ребенка. Он был нежен и заботлив к Джессике. В отличие от многих отцов своего поколения, он с готовностью стал полноправным партнером в ее воспитании. Он менял подгузники, укачивал ее и играл с ней. По вечерам он включал медленную музыку и держал ее на руках, пока она не засыпала.

Еще не научившись ходить, Джессика начала слушать «Битлз», Донована, «Грэйтфул Дэд», Джоан Баэс и других кумиров рок- и фолк-музыки шестидесятых. Ее любимой песней была «Surfer Girl» группы «Бич Бойз», и когда Майкл ставил ее, она начинала улыбаться, что-то лепетать и прикрывать веки..

Когда Джессике было два с половиной года, а я была беременна вторым ребенком, Майкл решил вернуться в колледж. Возможно, забота о ребенке напомнила ему о том, что он хотел стать учителем до того, как поступил в Бостонский университет. Для него эта профессия означала гораздо больше, чем просто учить. Он хотел быть наставником, преподносить детям не факты, а иной, критический способ мышления.

Он хотел вдохновлять их, чтобы они раскрыли свою способность мыслить и творить, хотел показать, что они могут достичь всего, чего захотят..

В 1966 году Майкл поступил в колледж. Его мать работала секретарем в приемной комиссии и помогла заполнить бумаги, чтобы ему засчитали то время, когда он учился в университете. Он ушел с почты и устроился работать в ресторан, где мы часто бывали до того, как поженились. Он обратился к своим родителям за помощью, и, несмотря на предупреждение, которое они мне дали перед свадьбой, они согласились помочь нам

деньгами..

Майкл устроился и на ночную работу в кафе больницы Бэт Израэль. Он уходил в пять вечера и возвращался около часа ночи. Нужно было мыть посуду и варить тонны каши для стационарных больных. Эта работа ему быстро наскучила, поэтому – и это совершенно в духе Майкла – он нашел способ приложить свои интеллектуальные способности.

Он часами играл в покер с докторами и скопил на этом кругленькую сумму. Он снова начал писать контрольные за студентов, амбиции которых заставляли их поступиться своей честностью..

Все это утвердило меня во мнении, которое я составила о Майкле. Он никогда бы не стал «правильным» молодым человеком, который работает в большой компании и ведет образ жизни, одобренный средним классом. Но я верила, что он может добиться успеха, просто успех в его понимании – и, следовательно, в моем – отличался от того, каким его представляли наши родители и общество..

Майкла не привлекала судьба Ворда Кливера, а меня тошнило от Джун [4]. Наше будущее должно было быть восхитительным и принадлежать только нам. Мы хотели сделать его таким, как хотелось нам, а не окружающим. Поэтому я так легко отнеслась к предостережениям Сэди и Джулиуса. Они действительно заботились о нас, но они просто не знали Майкла, как знала его я..

*

Рождение детей не означало, что наше физическое влечение друг к другу ослабло, но с его новым расписанием нам приходилось выкраивать часы для секса. Я старалась укладывать Джессику спать в тот промежуток, когда Майкл приходил домой из колледжа, и мы предавались страсти с неиссякающей энергией здоровых двадцатилетних молодых людей..

Мы жили по этому расписанию до начала июня. Майкл предложил мне уехать с Джессикой в Нью-Хэмпшир на пару недель, где у наших друзей

Рона и Маршасью была ферма. Приближались экзамены, и он утверждал, что хочет без помех заниматься. Я была уже на седьмом месяце беременности. Мне не очень хотелось путешествий, к тому же я была полна подозрений..

Женщины всегда льнули к Майклу. Из-за его нетрадиционных представлений буквально обо всем, я опасалась, что наличие жены не покажется ему поводом отказывать им. Он никогда не ревновал меня к мужчинам, которые флиртовали со мной, и как бы счастлива я ни была, у меня почти всегда оставалось неприятное ощущение, что я всего лишь одна из тех многочисленных девушек, которые кружат вокруг, соперничая за толику его внимания.

Мне нравился его свободный взгляд на жизнь, отличавший его от других, но мне все-таки хотелось, чтобы он был влюблен в меня настолько, чтобы остальные женщины даже не казались ему привлекательными. Дело не в морали. Дело в желании. Я хотела, чтобы его желания совпадали с моими. Быть верным мне не означало отказывать себе в чем-то, просто никто другой был бы ему не нужен.

Я мечтала о жизни одновременно богемной и достаточно традиционной, которая, с одной стороны, поддерживала бы мой имидж бунтарки, а с другой – не давала пищу моей неуверенности в себе. Но уже в свои двадцать три года я подозревала, что жизнь редко бывает такой услужливой..

Когда Майкл настоял на том, чтобы я уехала на две недели, я уступила. Сырым июньским утром я собрала чемодан, загрузила в наш «Фольксваген Жук» небольшой выводок плюшевых зверей и направилась на север.

Мы с Майклом разговаривали всю ночь. Он уверял, что будет скучать по нам, и обещал, что готовится блестяще расправиться с экзаменами. Перспектива ссылки меня совсем не радовала, но я готова была страдать вдали от него пару недель ради его успехов в учебе.

В конце концов прошел последний экзамен, и мы с Джессикой опять совершили наше двухчасовое путешествие обратно в Бостон.

– Папа дома? – спросила Джессика, как только мы повернули на нашу

улицу.

– Дома, милая, – ответила я.

Я припарковалась, освободила Джессику из ее кресла и взяла на руки. Всю дорогу до входной двери она веселилась. Лицо Майкла осветилось улыбкой, стоило ему увидеть нас. Джессика потянулась к нему, он взял ее на руки, прижал к себе и наградил меня крепким поцелуем.

– Я страшно скучал по вам обеим, – сказал он.

– Не так страшно, как мы по тебе. Как экзамен?

– Отлично. Думаю, будут все пятерки.

– Прекрасно! – ответила я и поцеловала его еще раз.

Он вышел, чтобы купить нам на ужин картошки и бургеров. Я распаковывала вещи, вернувшись в свой крошечный уютный дом. Здесь было все, в чем я нуждалась. Но даже Тадж-Махала не хватило бы, чтобы вместить мою любовь к нашей маленькой семье.

Занятий летом не было, и Майкл мог работать в ресторане на полную ставку. Я приняла, как должное, что с оценками у него все прекрасно, и за все лето мне ни разу не пришлось спросить его об этом. Несколько недель спустя я резала на кухне морковь для рагу на ужин. Живот был таким большим, что мне приходилось тянуться руками к столу.

Я была погружена в свои мысли, механически нарезаю морковь кружками и пополам, кружками и пополам. Когда я уже собиралась опустить ее в сковороду на плите, зазвонил телефон. Это была Сэди..

– Я видела оценки Майка, – сказала она.

Благодаря своей работе в колледже Сэди имела доступ к документам. Она говорила напряженным голосом, и я не понимала почему.

– И что же? – спросила я.

– Он исключен из всех семинаров. Неудовлетворительно по всем

предметам.

У меня закружилась голова. Я схватила стул и медленно опустилась на него.

– Что? – с трудом произнесла я, но поняла, что не хочу еще раз это услышать. – Как же это могло случиться?

– Не знаю, Шерил. Я надеялась, что ты сможешь мне объяснить.

Так вот, я не могла этого объяснить, и любое предположение слишком ранило меня, чтобы я могла надолго об этом задумываться. Я чувствовала обиду, страх, злость, и стоило Майклу войти в дом, как я набросилась на него:

– Что, черт возьми, происходит?

– Что случилось? О чем ты?

– Я знаю, Майкл, что ты не сдавал ни один экзамен. Мне сказала твоя мать. Чем ты занимался все эти две недели, пока якобы сдавал экзамены?

Майкл разглядывал свои ботинки.

– Ты был с другой женщиной, пока нас с Джессикой две недели не было в поле зрения?

– Нет, я просто ходил в колледж и сидел в кафе. Я не мог тебе сказать, но мне просто не хотелось больше учиться там.

– Тогда почему мне нужно было уезжать?

Майкл не ответил.

Я схватила лавовую лампу, стоящую на краю стола, и бросила ее об пол. Стекло разбилось, и красная жидкость, как амеба, расплзлась по деревянному полу.

Джессика расплакалась.

– Мама сломала лампу, – хныкала она.

Я взяла ее на руки и начала укачивать.

– Прости, милая. Прости маму.

Только слезы Джессики могли отвлечь меня от ярости.

Ужинали мы в полном молчании. К списку противоречивых эмоций, которыми жонглировали мои гормоны, теперь добавились унижение и чувство вины. Я в ловушке, я знала это. Что мне было делать. Вернуться к родителям с младенцем на руках и вторым в животе. В моих ушах уже на все лады звучало: «Я же тебе говорила!».

И потом, нельзя было отрицать тот факт, что я все еще слишком сильно любила Майкла, чтобы уйти от него. Даже если бы меня и моих детей ждал в Сэйлеме радушный прием, я бы никогда туда не вернулась. Я любила не только Майкла, я любила девушку, в которую он превратил меня. Рядом с ним я чувствовала себя остроумной, смелой и сексуальной.

Майкл слушал меня. Он всегда готов был выслушать, что я думаю. Он понимал меня. Я открылась ему, и он принял меня, когда многие другие от меня отказались. Мне легче было отправиться на Луну, чем уйти от Майкла..

Нельзя было отрицать тот факт, что я все еще слишком сильно любила Майкла, чтобы уйти от него.

*

Когда пришел июль, Майкл объявил, что не собирается возвращаться в колледж осенью. Я чувствовала, как кровь отливает от моего лица, пока он объяснял, что ему кажется скучной программа и хочется попробовать что-то более сложное. Я бы злилась, если бы не была так напугана тем, что могу потерять его, если меня уже будет недостаточно, если он жалеет, что женился на мне.

Поэтому я просто приняла это решение..

Месяц спустя, в августе 1968 года, родился наш сын Эрик. За последние четыре года я покинула родной дом, вышла замуж и родила двоих детей. Моя жизнь сильно изменилась, и вскоре мне предстояло сделать еще один крутой поворот.

Мы с Майклом иногда задумывались над возможностью переехать в Калифорнию. Был конец головокружительных шестидесятых, и мы оба верили, что мир, в котором будут расти наши дети, едва ли будет похож на тот, в котором выросли мы. Мы стремились построить более справедливое, толерантное и свободное общество, и ждать оставалось уже недолго.

Нам казалось, что центр этого нового мира находится в Сан-Франциско. За последние несколько лет туда уехали некоторые из наших друзей, и мы размышляли, не последовать ли нам за ними. Иногда они звонили и протягивали телефонную трубку в окно, чтобы нам был слышен шум города. «Вы просто обязаны приехать в Сан-Франциско.

Здесь прямо на улице траву курят!» В октябре 1968 года мы позвонили друзьям и спросили, сможем ли пожить у них несколько недель, пока не найдем себе жилье..

Я очень хотела, чтобы переезд в Калифорнию заставил Майкла изменить что-нибудь в своей жизни. Я надеялась, что он предпримет какой-нибудь решительный шаг и поймет, что же сделает его счастливым. Я предвкушала новую жизнь. Я была уверена, что перед нами открывается много возможностей. И еще я страшно боялась..

Майкл заработал немного денег, написав экзамен за друга, который поступал на медицинский факультет, и мы опустошили все свои счета. После покупки знаменитого фургона «Фольксваген» у нас осталась тысяча долларов на то, чтобы начать новую жизнь, а по тем временам это была приличная сумма. Спать мы собирались в спальных мешках, а на заднее сиденье затолкали все игрушки Джессики, достаточно чистой бумаги и цветных карандашей и кучу книг, чтобы она не заскучала во время путешествия через всю страну..

Утром накануне отъезда мы побывали у всех друзей, чтобы попрощаться, и в последнюю очередь приехали к моим родителям. Моя мать была в бешенстве. Она приняла наш отъезд как личное оскорбление, и

когда я обняла ее, она как будто окаменела и стояла, не шелохнувшись и плотно прижав к себе руки. У отца в глазах стояли слезы, когда я повернулась к нему, он сказал: «Давай, уезжай.

В следующий раз ты увидишь меня в гробу». Мой отец был здоровым мужчиной сорока шести лет, но в тот момент его слова не казались мне мелодраматическим преувеличением. Питер, мой четырнадцатилетний брат, был мрачен, как на похоронах. «Я еще вернусь, а ты обязательно приедешь меня навестить», – сказала я ему, сдерживая слезы.

Бабушка выглядела грустной, но сказала, что от всей души желает мне счастья. Я обещала, что буду звонить или писать каждую неделю. Я шмыгала носом несколько первых часов нашего путешествия, пока грусть не уступила место предвкушению новой жизни, которая ждала нас на побережье..

*

Большая часть путешествия была страшно интересной. Мы останавливались в кемпингах, в парке Пэйнтед-дезерт или Пэтрифайд-форест, проезжали через Оклахома-Сити или Санта-Фе, где жизнь была так не похожа на то, что я видела в детстве. Мне все казалось экзотикой. Я кормила грудью Эрика, которому исполнилось десять недель, а трехлетняя Джессика с увлечением смотрела, как каждый день за окном появляется новая картинка.

Две недели все шло прекрасно, до того самого дня в конце нашего путешествия, в 150 милях к югу от Сан-Франциско..

День начался как обычно. Мы рано встали, почистили зубы с водой из фляжки и позавтракали сухими хлопьями. Я положила Эрика в кроватку, установленную в машине, а Джессика лежала на спальном мешке на заднем сиденье. С восходом солнца мы выехали на 101-е шоссе. Несколько часов мы ехали на север, и за окном быстро разворачивались новые пейзажи.

В одиннадцать мы поняли, что проголодались, а к полудню просто умирали от голода, поэтому перед тем, как въехать в Холистер, заехали в придорожное кафе. Кроме нас там было человек десять, поэтому обслужили нас быстро. Мы заказали сэндвичи для нас с Майклом, а для Джессики – маленькие блинчики и чашку шоколада.

Мы с Майклом выпили по две чашки кофе и перед уходом попросили наполнить наш термос. Все хорошо подкрепились и были готовы проехать оставшиеся до Сан-Франциско два с половиной часа, не останавливаясь. Мы бы оказались дома еще до ужина..

Когда мы выезжали со стоянки, я отстегнула ремень безопасности, чтобы покормить Эрика. В какой-то момент он перестал сосать, я взглянула вниз и вытерла молочную пену, которая собралась вокруг его рта. Посмотрев в окно, я заметила пикап с дорожным прицепом, он ехал по грунтовой дороге, которая вливалась в шоссе, как рукав реки.

За ним стелился хвост кирпично-красной пыли. Я подумала о том, что как-то очень уж быстро он едет. Пикап был уже так близко, что я могла различить ржавчину на крыле машины. Я увидела, как женщина за рулем повернулась к женщине, сидящей рядом, и ее лицо было почти целиком скрыто длинными распущенными волосами.

Они что, не остановятся?!.

Потом я услышала невыносимый скрежет. Скрежет металла. Звук разбитого стекла, мелкие осколки падают на мостовую. Запах жженой резины и визг неуправляемых колес. Я закричала: «О, Господи!» Машины столкнулись, и всех, кто был внутри, отбросило с нечеловеческой силой, которая многократно возросла за несколько секунд.

Мы застыли вверх ногами, Эрик лежал на мне с открытым ртом, вся моя грудь оказалась залита молоком. Вой клаксона. И затем – мы снова стоим прямо. Из-под капота, как привидение, выползал дым. Майкл выскочил из машины и, не закрыв дверь, бросился к пассажирскому креслу. Он помог выбраться нам с Эриком, а я кричала: «Джесс.

Достань Джесс!» Он рванул заднюю дверь и достал Джессику. Лицо Эрика было синим. Это неправильно. Оно не должно так выглядеть. «Нет, нет, нет!» – кричала я Эрику. Он издал хрип, сделал вдох, синева

постепенно рассеялась, его лицо порозовело, и он заплакал. Я, хромя, бросилась к заднему сиденью и увидела Джессику, протирающую заспанные глаза.

«Что случилось?» – пробормотала она..

Я почувствовала сильную боль в верхней части шеи и плечах. Я не могла стоять на ногах. В нас врезался пикап, наш фургон перевернулся, оказавшись на встречной полосе. Проткнуло все четыре колеса, и резина торчала черными зазубренными языками. Я слышала, что звук сирен становится громче. Наверное, они уже близко....

В больнице мне сделали рентген и сказали, что у меня три компрессионных перелома между лопатками и сильный ушиб в нижней части шеи. Позже я поняла, что Джессику спасли ее мягкие игрушки, которыми мы нагрузили машину. Толчок сбросил ее с сиденья, как тряпичную куклу, но она перекатилась с жирафа на поросенка, с поросенка на слоненка и осталась цела. Мне сказали, что с Эриком все в порядке, но когда ему было около четырех лет, у него оказалась проблема с шейными позвонками, и я думаю, что это последствия той аварии. На Майкле был ремень безопасности, и он отделался синяком на ноге. Врач прописал мне наркотический анальгетик, пропоксифен, и сказал, что, как только будет возможность, нужно показаться ортопеду..

Поскольку наша машина была разбита в лепешку, Бобби, наш друг из Сан-Франциско, приехал за нами в Холистер. Мы впятером забрались в его фургон. Джессика сидела у Майкла на коленях, а Эрика я держала на руках все два с половиной часа пути. Я приняла еще таблетку анальгетика, потому что шея болела при малейшем толчке, даже когда мы трогались с места.

Сейчас я понимаю, что стоило узнать у врача, можно ли кормить грудью, пока я принимаю болеутоляющее. К счастью, оказалось, что можно, но я не задала такого вопроса, потому что тогда мне казалось, что доктора безгрешны и знают все. Мы приехали к Бобби и Пегги около семи вечера, и я с трудом доковыляла до кровати.

Я лежала на спине, прижав затылок к матрасу, без подушки, и меня мучила тревога – как травмы повлияют на мою сексуальную жизнь. Что,

если это так серьезно, что заниматься сексом будет слишком больно или я не смогу двигаться, как раньше. Я растолкала Майкла..

– Мм... что... что такое? Все нормально? – проговорил он.

– Я боюсь. Боюсь того, что не смогу больше заниматься сексом. Давай попробуем. Пожалуйста, давай попробуем.

– Сейчас? Я думал, ты не можешь пошевелиться.

Я повернулась на бок. Шею и спину пронзила такая боль, что мне пришлось закусить губу, чтобы не закричать.

– Давай сзади, пожалуйста, – с трудом произнесла я.

Майкл начал возиться сзади.

– Ооо, ох, – шептала я. В глазах у меня стоял туман.

– Ты в порядке? – спросил Майкл.

– Да, все нормально.

Я развернула бедра и приподняла ногу, чтобы его пенис мой скользнуть в меня сзади.

– Мне кажется, что это наш последний раз, – сказала я.

– Это не последний раз, Шерил.

– Я знаю, но вдруг...

– Шерил, это не последний раз.

На следующий день я едва могла шевелиться, и Майклу приходилось помогать мне держаться на ногах. Пегги нашла ортопеда, который работал в больнице недалеко от их дома и мог принять меня сразу же. Майкл натянул на меня широкое платье и помог забраться в машину.

Врач сказал, что у меня трещины в трех позвонках и перелом в основании шеи. К счастью, не был затронут спинной мозг. Мне казалось,

что мне невероятно повезло, даже несмотря на то, что шесть месяцев мне предстояло носить гипс. Врач вышел на несколько минут и вернулся, держа в руках нечто среднее между корсетом и смирительной рубашкой: это было сделано из холста с железными вставками, чтобы держать спину прямо.

Спереди рубашка застегивалась на липучки, а сзади затягивалась шнуровкой. Обычно ее надевали поверх груди, но я должна была кормить Эрика, и врач надел ее ниже. Я задохнулась от боли, когда он затянул на мне шнуровку..

*

Несмотря на неблагоприятное начало, мы старались изо всех сил, чтобы обустроиться в Калифорнии. Майкл отправился на поиски дома и вскоре снял бунгало на другой стороне залива в Беркли. Джулиус снова прислал нам денег. У нас еще оставалось несколько сотен от той тысячи, которая была раньше, и мы потратили их на «Кадиллак» пятьдесят четвертого года.

Он был желтым внизу и черным сверху, и мы окрестили его «желтой подводной лодкой». После аварии мне не хотелось рисковать. Машина была немного старомодной, зато безопасной. Я чувствовала себя как в бункере на колесах, и меня это вполне устраивало..

Майкл пребывал в нерешительности, а мне состояние здоровья пока не позволяло выйти на работу, поэтому мы существовали на пособие. В промежутках между пособием и нерегулярными вложениями Сэди и Джулиуса нам еле удавалось сводить концы с концами. Через дорогу от нашего нового дома была начальная школа, и я отдала Джессику в детский сад.

Я обставила дом недорогой мебелью, наладила связи с друзьями, которые переехали на запад раньше, и делала все, что от меня зависело, чтобы не падать духом..

Это была ужасная авария, повлекшая за собой тяжелые последствия, но этот опыт имел и положительные стороны. 1970-й год шел своим чередом, и я медленно восстанавливала силы и подвижность. Я занималась йогой, делала упражнения, но по-прежнему двигалась меньше, чем раньше. Я набрала вес. Еще в школе мне казалось, что я толстая, а после аварии я еще больше располнела.

Настала эра Твигги, и, как и в автомобильном дизайне, на смену круглым бокам пришла мода на острые углы. Я никогда не страдала ожирением, но когда пришлось вести малоподвижный образ жизни, я потеряла форму. Расплывшаяся фигура пробудила комплексы по поводу внешности, и иногда я буквально приходила в ужас..

Каждый день я выходила на крыльцо, чтобы дождаться появления Джессики. Она выбегала из школы, махала мне рукой через дорогу и вместе с учителем и одноклассниками смотрела направо, потом налево. Когда все убеждались, что путь свободен, она бросалась ко мне, раскинув руки. Это было лучшее время за целый день, и я часто выходила раньше, чем заканчивались занятия, и ждала ее на ступеньках..

Мое расписание совпадало с расписанием моей соседки. Она была плотной женщиной с тяжелой светлой косой до самого пояса. Обычно она проезжала мимо на велосипеде, когда я сидела на крыльце с книгой. Она крутила педали, и ее широкие бедра ходили вверх и вниз, а массивная грудь, не сдерживаемая, очевидно, лифчиком, колыхалась.

Корзинка ее велосипеда была набита кистями, карандашами и другими принадлежностями для рисования, из чего я сделала вывод, что она учится в художественной школе неподалеку. На вид она была моего возраста, и мы всегда улыбались друг другу..

Однажды, когда она медленно проезжала мимо по улице, я помахала рукой и поздоровалась. Она остановилась, и мы разговорились.

– Вы художница? – спросила я.

– Я учусь в художественной школе и подрабатываю моделью, – ответила она.

Моделью? Модели, которые наводняли страницы модных журналов,

модели, на которых я так мечтала быть похожей, были чудесными созданиями в нарядах от кутюр.

Эта сообразительная, уверенная в себе девушка, должно быть, угадала мои сомнения. Я понадеялась, что не обидела ее.

– Я позирую обнаженной на занятиях живописью и скульптурой и более востребована, чем худые девушки. Им очень нравятся все эти изгибы и складки, – сказала она.

Внезапно я разглядела в ее словах возможности для себя. Если она может быть моделью, то и я могу. Я бы могла заработать немного денег и, возможно, перестать искать недостатки в своем теле.

– Как туда попасть? – спросила я.

– В этой школе все время требуются модели. Прекрасный способ заработать, особенно если не нужна полноценная работа.

Я собрала всю свою смелость в кулак и спросила:

– Как вы думаете, я бы могла этим заниматься?

– Конечно. Они будут рады вам.

Карандашом цвета голубого кобальта она написала номер телефона и протянула мне клочок бумаги.

Почти год я позировала для студентов окрестных художественных школ и для профессиональных художников. Я приняла свое тело таким, каким оно было, а потом начала его любить. Иногда я замечала восторженное выражение на лицах некоторых студентов, и это было удивительно и приятно. Мое тело не изменилось, менялось то, каким я его воспринимала.

Когда я смотрела на их рисунки и наброски, я видела себя глазами художников. Выпуклости, которые раньше казались мне чудовищными, постепенно становились привлекательными..

Пребывание в одной и той же позе подарило мне свободное время для

размышлений, и я начала задумываться об изменчивой природе красоты. Сложно было не начать. Я примирилась с телом, которое долгое время казалось мне моим проклятием.

Впервые за всю мою жизнь я подумала о том, как непрерывно меняется представление о красоте и как изменчив образ идеального тела. В то время пределом мечтаний был истощенный скелет. Несколько десятилетиями ранее на звание идеала претендовала Мэрилин Монро. Я провела небольшое исследование и обнаружила, что секс-символом конца девятнадцатого века была актриса Лилиан Рассел, вес которой иногда достигал отметки в девяносто килограмм..

Это был первый шаг на пути к освобождению от ложного, искусственно сфабрикованного представления о красоте и совершенстве. Постепенно я начинала понимать, что нельзя определить, где начинается идеальная фигура. Но даже если бы это было возможным, то я не нуждаюсь в совершенстве, чтобы любить тело, с которым прожила всю свою жизнь..

Тогда я не могла этого знать, но несколько лет спустя это помогло мне при работе с одной из немногих женщин, которые обращались ко мне за помощью.

Глава 9

Насколько я могла судить, у Мэри Энн была почти идеальная фигура – длинные ноги, тонкая талия и живот, плоский, как противень. Выглядела неуместной только искусственно увеличенная грудь, слишком большая для ее стройного тела. Джоди, психотерапевт Мэри Энн, описала ее как роскошную женщину, страдающую от комплексов по поводу своей фигуры, и, когда она впервые появилась в моем офисе в 1988 году, я согласилась, что Джоди не преувеличивает..

До этого мне нечасто приходилось сталкиваться с клиентами женского пола, потому что женщины гетеросексуальной ориентации, которым требуются услуги суррогатного партнера, как правило, обращаются к мужчинам, ведь большая часть работы направлена на создание здоровых сексуальных отношений. Трудности в постели возникли у Мэри Энн исключительно благодаря комплексам по поводу внешности, и ее психотерапевт надеялась, что я смогу помочь.

Я обрадовалась возможности работать с женщиной, проблема которой знакома стольким из нас. Работа должна была проходить в ином темпе, так как мне необходимо было подстраиваться под нее, но что-то мне подсказывало, что мне обязательно удастся ей помочь..

Когда я слушала рассказ Джоди о Мэри Энн, мне казалось, что она говорит о более юной версии меня самой. Женщина, которая страдает одновременно от неуверенности в себе и незнания собственного тела. Я часто задумывалась о том, как бы мне в юности пригодился объективный, серьезный совет, который я надеялась дать Мэри Энн..

Мэри Энн пришла на наше первое занятие и села на диван напротив меня. Мы немного поговорили о посторонних вещах, прежде чем я затронула вопрос о том, что привело ее сюда.

– Как вы, наверное, знаете, Джоди немного рассказала мне о вашей проблеме. Давайте немного поговорим об этом?

– Хорошо, – согласилась Мэри Энн.

Я сделала небольшую паузу, чтобы посмотреть, не начнет ли она говорить сама. Когда этого не произошло, я сама начала разговор.

– Комплексы по поводу внешности – это довольно частое явление, особенно среди женщин. Я сама столкнулась с такой же проблемой.

– Я не знаю, комплексы ли это или со мной правда что-то не так.

– Насколько я понимаю, вас осматривал врач и не нашел никаких отклонений, поэтому, я думаю, мы уже можем сделать вывод о том, что это не медицинская проблема, а проблема восприятия.

– То есть вам кажется, что это нормально?

– Что нормально?

– Неровная вагина?

Я не удивилась, узнав, что здесь кроется причина ее неуверенности. Видимо, она никогда не видела половых органов другой женщины. Но я по-прежнему хотела понять, что кажется ей отклонением.

– Да, – начала я, – но вы сейчас имеете в виду не вагину, а половые губы, и у многих женщин они разного размера.

Большая часть моей работы с Мэри Энн была построена на восполнении пробелов в ее знаниях, прежде всего по анатомии. Я объяснила, что влагалище находится внутри, и его можно увидеть только с помощью медицинского зеркала. Видимая часть влагалища – это вульва, которая состоит из капюшона клитора, клитора, преддверия влагалища и больших и малых половых губ..

Мэри Энн беспокоило то, что левая часть ее внутренних половых губ была длиннее правой – или так ей казалось. Она никогда не видела свою вульву целиком, но на ощупь чувствовала разницу.

Я собиралась показать Мэри Энн ряд упражнений и книги, которые могут просветить ее на этот счет, но в первую очередь я хотела выяснить,

почему ее так травмировало то, что казалось ей физическим недостатком. Почему для нее так важно было, что у нее не идеальное влагалище?

Когда я задала этот вопрос, она ответила, что это заставляло ее думать, что муж втайне считает ее уродливой, а если она чувствовала себя хоть в чем-нибудь небезупречной, то это резко влияло на ее самооценку. Мэри Энн гордилась своим великолепным телом. В свои тридцать восемь лет она не имела детей. Регулярные занятия теннисом и аэробикой оттачивали изящные изгибы на каждом из ста шестидесяти сантиметров ее тела.

Очевидно, она слишком много требовала от себя, и я надеялась, что наша совместная работа поможет это исправить..

Работа суррогатного партнера принимает самые разные формы. Это всегда сочетание просветительского процесса, исследовательского и чувственного, но пропорции зависят только от клиента и его требований. В случае с Мэри Энн моя задача состояла в том, чтобы продемонстрировать ей, что тело – и влагалище в том числе – бывает разной формы и разного размера и что в ней нет ничего ненормального или странного.

Я стремилась к тому, чтобы она поняла – ее тело отлично вписывается в стандарты, в нем все естественно и прекрасно. Я очень хотела, чтобы она рассталась с представлением о совершенстве, позаимствованном из рекламной картинки, но, по правде сказать, это было уже не в моих силах..

В своей работе я часто обращаюсь к книге Джоани Блэнк под названием «Фемалия». Это удивительная коллекция цветных фотографий влагалищ тридцати двух разных женщин. Различия между ними бросаются в глаза с первого взгляда. Там есть вульвы розового цвета и есть коричневатые. Длинные половые губы и короткие, ровные и неровные..

Я достала с полки книгу и положила ее перед Мэри Энн.

– Готовы? – спросила я.

Я раскрыла первую страницу, и мы изучили все тридцать две фотографии.

– Потрясающе, – говорила Мэри Энн, пока мы листали страницы. Она попросила меня задержаться на фотографии женщины, чьи внутренние

губы свисали двумя широкими полукругами.

– Никогда не думала, что они могут быть такими длинными, – произнесла Мэри Энн.

Мы дошли до изображения вульвы женщины, у которой справа половая губа была на дюйм длиннее, чем слева.

– Это действительно нормально? – спросила Мэри Энн.

– Абсолютно нормально. У многих женщин асимметричные половые губы. Это всего лишь один из множества вариантов женских половых органов, – заверила я ее.

– Правда?

– Правда, и вспомните, что здесь всего лишь небольшая группа женщин, эти фотографии не могут воспроизвести всего многообразия. Это не бóльшая аномалия, чем одна ступня, которая чуть шире другой. Вам бы это не показалось отклонением, так ведь?

Мэри Энн запнулась и опустила глаза.

– Нет, я просто думала, что, может быть, я что-то сделала не так во время мастурбации.

– Нет ничего неправильного. Я вас уверяю. Это всего лишь неповторимая форма ваших гениталий, и наша задача убедить вас в этом.

Она дотронулась до фотографии кончиком пальца, как будто пытаясь убедиться в реальности изображенного на ней.

Мы дошли до конца книги. Даже несмотря на то, что я видела эти фотографии бесчисленное количество раз, меня вновь поражало многообразие и красота женских гениталий. Мэри Энн впервые видела не схему, а правдивое изображение, и для нее это было таким же открытием, как для многих из нас. Я надеялась, что это заставило ее немного пересмотреть свое представление об идеале и расширить понятие о том, что «нормально»..

Когда мы добрались до последних фотографий, я спросила, хочет ли она вернуться к какой-нибудь из них. Она ответила, что хотела бы еще раз взглянуть на фотографию женщины с неровными половыми губами.

– Просто не могу поверить. Интересно, мои такие же неровные? – произнесла она.

– Мы можем легко это выяснить, – ответила я.

Я объяснила, в чем заключается упражнение с зеркалом. Я предложила нам обеим выполнить его и внимательно изучить каждую часть своего тела, с головы до пят, поделившись своими мыслями и ощущениями. Я начну первой, а затем то же самое сделает она.

Упражнение важно по нескольким причинам. Я предлагаю клиентам возможность по-настоящему изучить свое тело, понять его. Некоторые из них впервые видят его целиком. Большая часть нашего представления о себе формируется непроверенной информацией. Если нас один раз убедили в том, что какая-то часть тела уродлива или неправильной формы, слишком большая или слишком маленькая, мы готовы этому верить и дальше, не задумываясь, так ли это на самом деле.

Упражнение помогает клиентам начать формулировать свои мысли по поводу собственного тела и сравнить их с тем, что они видят в зеркале. Каждый выносит что-то свое из этого опыта. Я думала, что Мэри Энн будет особенно полезно посмотреть на себя беспристрастным взглядом после того, как я открыла ей глаза с помощью фотографий из книги «Фемалия»..

Еще я надеялась, что мой пример и взгляд на собственное тело после этого пошатнет ее уверенность в том, что соответствует идеалу, а что нет. Но я постаралась дать понять, что не существует правильной или неправильной оценки. Наша задача – провести честное исследование.

Мы вместе направились в спальню, разделись и выполнили несколько циклов расслабляющих упражнений. Пришло время приступить к изучению наших тел.

Я встала напротив зеркала в полный рост и спросила Мэри Энн, готова ли она начать. Я заметила, что у меня волосы на ногах и немного припухшая грудь, потому что шла третья неделя моего месячного цикла.

Мэри Энн сидела на кровати со скрещенными ногами.

– Последний раз я видела голую женщину в школьной раздевалке, – сказала она.

– Наша культура не предполагает, что мы часто сталкиваемся с обнаженным телом. Это одна из причин того, почему мы цепляемся за искаженные идеи по поводу внешности, – сказала я.

Мэри Энн улыбнулась моему отражению в зеркале, и я улыбнулась в ответ, отметив, как улыбка обозначила складки вокруг моего рта.

– Так, приступим. Как мы и обсуждали, я начну с самого верха и буду идти вниз, – сказала я.

Я пробежала рукой по волосам, которые спускались до плеч.

– Сейчас мне нравятся мои волосы. Когда я была моложе, они мне не нравились, потому что мама всегда говорила мне, что они слишком тонкие. Они мягкие и подчеркивают форму моего лица.

Я приступила к лицу.

– Долгое время я стеснялась своего лба, опять же благодаря моей матери. Она всегда говорила, что он слишком большой, и отпускала мне челку. Когда я стала старше, мне больше начало нравиться мое лицо, даже лоб. На коже с возрастом появляются веснушки, но цвет лица меня в целом устраивает.

Мэри Энн прищурилась, как будто пыталась лучше разглядеть.

– Кожа на шее начинает немного обвисать, и меня беспокоит мешок

под подбородком. Но мне нравится, что у меня длинная шея, особенно мне нравится надевать блузки с V-образным вырезом и цепочкой.

Я раскинула руки.

– Сейчас плечи и руки нравятся мне гораздо больше, я их немного подкачала. Раньше я думала, что у меня слишком пухлые плечи.

Мэри Энн скрестила руки и сжала собственные плечи.

– С грудью все в порядке. Я не очень часто об этом задумываюсь. Мне нравится моя грудь.

На мгновение я себя остановила и подумала о том, как непропорционально выглядит грудь Мэри Энн по сравнению с ее телом. Но наша задача была не в том, чтобы заставить клиента испытать какие-то эмоции – положительные или отрицательные. Это просто исследование. Я отбросила эту мысль.

– Я думаю, они как раз такого размера, какого нужно, – продолжила я. – Розовый цвет сосков напоминает мне цвет на внутренней стороне морской раковины. Они никогда не торчали, и раньше это меня смущало, но сейчас уже нет.

Я спустилась ниже.

– Мне не нравится, что у меня высокая талия. Если говорить об идеале, я бы хотела более плоский живот, но сейчас я уже не так часто об этом задумываюсь. Моя вульва, по-моему, прекрасна. Мне нравится округлость половых губ. Мужчины, с которыми я занималась любовью, говорили мне, что у меня красивая вульва, и я им верю.

Приятно это слышать. В детстве и юности я думала, что мои гениталии отвратительны, особенно из-за запаха. Я не знала, что можно мыть пространство под капюшоном клитора и что у женщины могут быть выделения, и это просто пот, смешанный с мертвыми клетками. Это можно легко смыть. Но тогда я даже представить себе такого не могла.

Мне просто казалось, что мои гениталии отвратительны..

Мэри Энн посмотрела себе между ног, а потом на отражение моего лобка в зеркале.

– Мне нравится, что у меня плечи и бедра одинаковой ширины. Мне кажется, это придает мне уверенный вид. Долгое время мне казалось, что у меня слишком широкие бедра и зад. Мне хотелось, чтобы все не так сильно выдавалось, но сейчас мне нравятся мои формы.

Я могла предположить, что Мэри Энн немного более низкого мнения о моей фигуре, и надеялась, что пример моей любви к себе будет заразительным, хотя это и не основная задача этого упражнения. Задача состояла в том, чтобы у Мэри Энн, как и у любого другого клиента, появилась возможность трезво оценить свое тело и признать, что на наше представление о своей внешности влияет множество факторов.

Но я уже достаточно легко относилась к недостаткам своего тела, и было бы неплохо, если бы часть подобного отношения передалась слишком придирчивой Мэри Энн. Я хотела снять запрет на любовь и уважение к своей внешности, то есть дать Мэри Энн понять, что такого запрета не существует..

– У меня длинные, мускулистые ноги, у них хорошая форма. Мне нравится, что у меня сильные ляжки, но внутренняя часть бедер слишком полная. Мне хотелось бы, чтобы икры были пошире. Они немного непропорциональны по сравнению с ляжками. У меня тонкие лодыжки, и мне это кажется красивым. Мне нравится, как выглядят мои ноги, когда я в юбке и на каблуках.

Мне нравится форма моих ступней и как пальцы на ногах немного изогнуты. В целом, мне кажется, что у меня привлекательное, сильное тело, и я им горжусь. Если бы я могла что-нибудь изменить, то убрала бы пару лишних килограммов, но этого не случится, потому что я ненавижу диеты и обожаю поесть..

Мы с Мэри Энн улыбнулись друг другу, и я села возле нее на кровать.

– Готовы попробовать? – спросила я.

Она кивнула, поднялась с кровати и встала перед зеркалом.

– Прекрасно. Когда сочтете нужным, начните с волос и дальше вниз.

Она взяла руками свои длинные черные волосы.

– Я рада, что мои волосы блестящего, натурального черного цвета, – произнесла она. – Это нравится и мне, и моему мужу.

Она ощупала лицо кончиками пальцев.

– Мне кажется, теперь у меня все прекрасно с лицом. Я прооперировала нос, и он теперь меньше, мне это нравится. В прошлом мне говорили, что у меня красивые, высокие скулы.

Ее нос был теперь в форме идеальной семерки, и это выглядело так искусственно, что я снова удивилась, насколько представление об идеале не соответствует действительности.

– Моя шея все еще сохранила свежесть. Мне бы хотелось, чтобы она была подлиннее. У меня красивые руки, и мне нравится цвет кожи здесь, над грудью.

Мэри Энн приподняла левую грудь правой ладонью.

– Я вставила имплантаты, и теперь у меня очень красивая грудь. Она была слишком маленькой. В детстве я боялась, что она будет плоской, как у моей матери.

Мне захотелось узнать, как выглядела ее грудь до операции и действительно ли она была настолько маленькой. На мой взгляд, сейчас она была слишком большой по сравнению с ее миниатюрным телом.

– У меня красивый плоский живот и тонкая талия.

Она положила на лобок правую ладонь и накрыла ее левой.

– Под таким углом вульва выглядит нормально, но я боюсь увидеть ее вблизи, мне кажется, что будет слишком заметна разница между левой и правой стороной, что это уродливо выглядит.

Я предложила ей сделать глубокий вдох и медленно выдохнуть. Она

закрыла глаза. Когда она закончила, я спросила, готова ли она продолжать, и она снова взглянула на себя в зеркало.

– Мои бедра хорошо сочетаются с талией, потому что я очень много над этим работаю. Я бы хотела попу побольше. Мой муж однажды сказал, что ему не за что ухватиться. Я подумываю об операции. В детстве у меня были длинные худые ноги, похожие на ходули, я хотела, чтобы они были короче. Теперь мне кажется, что у меня ноги, как у танцовщицы.

Я много занимаюсь спортом, и мне нравится, как они смотрятся в узких брюках. У меня тонкие лодыжки и ступни, и мне это тоже нравится..

Она посмотрела на меня в знак того, что закончила. У нее было спокойное выражение лица, и я почувствовала, что она была достаточно честна в оценке своего тела.

– Вы прекрасно справились, Мэри Энн. Я много узнала о том, что вы думаете о своей внешности. Вам это помогло?

– Я поняла, как много мне на самом деле в себе нравится, – сказала она.

Мы еще немного поговорили, и она надела колготки, юбку и блузку, а я – свои джинсы и футболку.

– В следующий раз мы покажем друг другу свои вульвы, – сказала я и объяснила суть упражнения с гениталиями. С Мэри Энн оно будет проходить не так, как с пациентами мужского пола. Например, она не будет касаться моих гениталий, а будет исследовать свои самостоятельно, под моим руководством.

*

Когда Мэри Энн появилась у меня во второй раз, волосы ее были забраны в высокую прическу. На ней был узкий серый свитер, и выглядела она так же великолепно, как и в предыдущий раз. Я надеялась, что на этот

раз, когда она увидит свою вульву, ей станет очевидным, что она так же красива, как и ее тело в целом..

Мы немного поговорили о том, что произошло в промежутке между нашими занятиями. Она сказала, что много думала над фотографиями, которые я ей показывала, и когда я попросила ее поделиться своими мыслями на этот счет, рассказала, что была поражена тем, какое разнообразие форм встречается среди женских гениталий.

Она удивлялась, что дожила почти до сорока лет, не подозревая об этом..

– Мне понятны ваши ощущения. Изображения, к которым мы привыкли, не всегда соответствуют действительности. Большинство людей, вне зависимости от возраста, с изумлением видят эти фотографии.

Мы приступили к расслабляющим упражнениям. Мы разделись, я достала из шкафа ручное зеркало и подушки, мы расставили ноги, и я продемонстрировала Мэри Энн свое влагалище. Я оттянула капюшон клитора и провела пальцем вокруг самого клитора. Здесь скапливаются выделения, смегма. Ее можно легко смыть в душе водой с небольшим количеством мыла, если оттянуть капюшон.

Но нужно следить, чтобы мыло не попало внутрь влагалища. Внутри происходит самоочищение, и не следует разрушать кислотно-щелочной баланс. Это стало настоящим открытием для меня, хотя звучит очень просто. Это помогло мне понять, что мои гениталии не обладают каким-то врожденным уродством, что их можно мыть, как любую другую часть тела, и запах уйдет..

Я попросила Мэри Энн рассказать, что она думает об этом. Она ответила, что у меня очень маленькое влагалище по сравнению с ее.

– У нас разная форма, но оба варианта абсолютно естественны. Я бы даже сказала – красивые.

Когда настала ее очередь, мы поменяли ноги, чтобы ее голени лежали на моих. Я держала зеркало перед ее вульвой, чтобы ей было лучше видно.

– О чем вы думаете, когда так близко видите вульву? – спросила я.

– Левая сторона немного длиннее правой, но это не так бросается в глаза, как на той фотографии.

– Позвольте вами руководить?

– Да, – смущенно ответила Мэри Энн.

Я попросила ее раздвинуть одной рукой большие половые губы, чтобы вторая рука была свободна.

– Указательным пальцем осторожно проведите по вульве. Можете ли вы сказать, что одна сторона чувствительнее другой? – спросила я.

– Левая.

– Это интересно. Это обычное явление для женщин – и для мужчин тоже – что одна сторона реагирует на прикосновение больше, чем другая. Это абсолютно нормально. Возможно, это как-то связано с тем, что левая сторона внутренней губы длиннее, а может быть, и нет.

– Знаете, могу предположить, что у женщин в вашей семье такая же форма половых губ, – добавила я.

– То есть это семейное?

– Возможно.

Шаг за шагом Мэри Энн привыкала к своей вульве и утверждалась в мысли, что неровная форма не означает, что есть какой-то дефект.

Я попросила ее ввести указательный палец до первого сустава во влагалище и коснуться точки G.

– Боюсь, у меня ее нет, – сказала Мэри Энн.

– Не все женщины настолько чувствительны в этой области. Об этом много говорят, поэтому кажется, что это должно быть так, но обратный эффект – это так же естественно. Это ведь не значит, что у всех что-то сломалось. Гениталии выглядят по-разному и по-разному чувствительны, несмотря на то, во что нас хотят заставить поверить..

Мэри Энн ввела во влагалище указательный палец.

– А теперь согните его в сторону лобка и осторожно проведите пальцем, чтобы почувствовать, отзывается ли какая-то зона на прикосновение больше остальных. Если нет – волноваться не стоит. Как я уже сказала, не у всех точка G настолько чувствительна.

Мэри Энн сделала то, что я ее просила, и произнесла:

– Наверное, я именно из таких женщин.

– И это совершенно нормально.

Мы изменили позу и развели наши ноги.

– Интересно, заметил ли мой муж, что у меня неровные губы? – сказала Мэри Энн.

– Как вы думаете, вы могли бы уже поговорить об этом с ним? – спросила я.

– Думаю, теперь могла бы. Раньше я думала, что он уже давно заметил, и не хотела это подчеркивать.

Мэри Энн немного изменила свой угол зрения. Я думаю, что два этих упражнения помогли ей в этом.

В тот день я сказала ей на прощание, что, если у нее остались какие-то вопросы, если она почувствует, что ей нужна моя помощь, она всегда может мне позвонить. Вечером я позвонила Джоди, чтобы рассказать о нашем последнем занятии.

Несколько месяцев спустя мы с Джоди разговаривали по поводу другого клиента. Она рассказала, что Мэри Энн все еще ходит к ней и что потребуется время для того, чтобы она полностью избавилась от комплексов по поводу своей внешности, но она больше не считает, что корень зла в неровной вульве.

Глава 10

У нас с Майклом почти неделю не было секса. Для некоторых пар это оказалось бы незамеченным, но в нашем случае это был тревожный симптом. Мы жили в Калифорнии уже около года, и внезапно наша сексуальная жизнь остановилась. Когда я пыталась поцеловать или обнять его в постели, он говорил, что хочет спать, и поворачивался ко мне спиной.

Майкл, который слишком устал и не может заниматься сексом, это все равно что рыба, которая слишком устала и не может плыть. Я помнила, как после десяти часов работы в больничном кафе он приходил домой и мы часами занимались любовью. Первые две ночи я старалась убедить себя, что он действительно устал.

Наверное, ему нужна передышка. Но когда я получила отпор в пятый раз, то поняла, что причина в другом..

На шестой день моего невольного воздержания я пошла на занятие йогой. Под конец, когда мы лежали в позе трупа – ноги раскинуты, ладони вверх – на плоском резиновом коврике, я начала плакать. Тревога нахлынула на меня, как поток, вышедший из берегов. Шесть дней без секса – это предвещает беду. Неужели это первая стадия полного разрыва.

Способ, который Майкл избрал, чтобы высвободиться из этих отношений?

– Глубокие вдохи. Не забывайте дышать, – изящная преподавательница по йоге ходила между рядами распростертых на полу учеников.

Я не могла дышать, потому что от слез потекли сопли. Я села, потом встала, прошла к двери, возле которой мы оставляли обувь, всунула ноги в туфли и ушла. По дороге домой я решила поговорить с Майклом. Мне необходимо было знать, что происходит. Даже если оправдаются мои худшие опасения, я по крайней мере буду знать, что происходит, не предаваясь тревожным раздумьям, которые не отпускают меня даже во

время йоги..

Когда я пришла домой, Майкл уже уложил детей спать и мыл посуду на кухне. Я подошла к нему и обняла сзади. Он смыл мыльную пену с рук, потом выключил воду и изогнулся, высвобождаясь из моих объятий. Он сделал несколько шагов по кухне с поднятыми руками, пока не взял полотенце.

– Майкл, нам нужно поговорить, – сказала я.

– Хорошо, – ответил он и сел за стол.

Я села напротив.

– Что происходит? Почему мы не занимаемся сексом?

Майкл объяснил, что чувствует слишком большое давление, потому что инициатором секса становлюсь обычно я.

– Когда я захочу, я сам начну, – сказал он.

Его слова обрушились на меня, как гром среди ясного неба. Сначала я почувствовала себя униженной. Неужели он дает мне понять, что не хочет заниматься со мной сексом. Он обвиняет меня в том, что я «озабоченная», как когда-то выразился Джон, мой школьный бойфренд. Я думала, что у нас такая традиция, но вдруг оказывается, что это неправильно – хотеть секса и становиться его инициатором.

Я старалась сохранить хладнокровие, но снова разрыдалась..

– Помнишь, в Бостоне я сказал тебе, что не способен быть моногамным?

Еще бы не помнить! Майкл сказал мне это, когда мы впервые переспали. Но мне всегда хотелось думать, что всепоглощающая сила моей привязанности делает его однолюбом.

– Так вот, не хочу больше быть моногамным. Мне нужен стимул.

Стимул? Мне казалось, что из меня выбили дух. Он показал на выпуск

газеты «Беркли Барб», которая лежала первой в стопке прессы на столе.

– Видела? Там есть объявления для свингеров.

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять – Майкл говорит об «открытом браке». Меня охватили противоречивые чувства. В 1970 году традиционный брак был одним из институтов, подлежащих пересмотру. По правде говоря, мне было бы любопытно попробовать с другими мужчинами. Мне было только двадцать пять.

Я наконец отбросила свои религиозные сомнения и стыд, я жила в сердце сексуальной революции, в Сан-Франциско. Часть меня хотела расстаться с обязательствами, которые накладывает брак, другая часть была в ужасе от перспективы потерять Майкла. Но если я откажусь, не оттолкнет ли это его еще больше. Я поразмыслила и поняла, что сделать брак открытым – единственная возможность сохранить его..

В ту ночь, наблюдая, как грудь Майкла поднимается и опускается в ровном ритме его дыхания, я размышляла над нашей жизнью, над тем, какой я хотела ее видеть и какой она была в действительности. Я вспомнила, как однажды в Бостоне, когда мы почти всю ночь проговорили в нашей квартирке втроем с Майклом и его другом Роном, речь зашла об изменах.

Майкл заявил, что, если бы ему понравилась девушка друга, он бы не считал неправильным переспать с ней за спиной друга. Рон парировал – это предательство по отношению к другу, но Майкл стоял на своем. Если оба хотят этого, то почему они должны себе отказывать. Многие указывало на то, что как бы сильно я не любила его, какими бы удивительными не казались мне наши отношения, Майкл не станет ограничивать себя только мной..

Одним прохладным субботним вечером две недели спустя мы оставили детей у друзей и поехали в Конкорд, небольшой пригород в пятнадцати милях к востоку от Беркли, на нашу первую вечеринку свингеров. Майкл, который редко надевал что-либо кроме джинсов и футболки, был в брюках и рубашке. Он даже зачесал волосы.

Помню, я подумала в тот момент, что мой муж выглядит так, как будто собирается произвести впечатление на девушку на первом свидании..

Дом, где проходила вечеринка, было легко узнать, потому что дорога перед ним была заставлена седанами. Майкл втиснул «желтую подводную лодку» между гигантским «Линкольном» и красным «Шевроле Импала». Пока мы шли к двери, мне очень хотелось взять его за руку, но вместо этого я держала сжатые руки в карманах своей юбки..

Прежде чем позвонить, Майкл одернул рубашку. Через стекло входной двери люди, стоящие в прихожей, казались призраками. Я постаралась оценить, сколько мужчин приходилось на одну женщину, когда хозяйка открыла нам дверь. Ее волосы были убраны в высокую прическу, залитую лаком. На ней была синтетическая кофточка поверх белой блузки, завязанной на шее бантом.

Было заметно, как меняется цвет ее кожи под подбородком, там, где заканчивается толстый слой косметики. Она взяла наши куртки, мою сумку и провела нас в полумрак гостиной. Я быстро оценила всех, кто находился в комнате, и ни один из них не показался мне интересным. Если Майкл ожидал увидеть сказочную пещеру, полную томных красавиц в соблазнительных позах, он сильно просчитался, а я была только рада этому..

Я повернулась к Майклу, чтобы что-то ему сказать, но обнаружила, что он уже вовсю общается. Я пошла сквозь толпу, и мужчины, ни один из которых не показался мне привлекательным, бросали на меня жадные взгляды. Я чувствовала себя свежим куском мяса. Предполагалось, что мы погрузимся в пучину сексуальных приключений, а у меня в голове была только одна мысль – интересно, новичок в тюремной камере чувствует себя так же?.

Я налила себе бокал вина и притворилась, что изучаю коллекцию пластинок. Я перебирала коробки в шкафу рядом с проигрывателем, и несколько раз ко мне приближались осмелевшие мужчины, но делали они это напрасно, так как я была приветлива, как бормашина.

Многие гости уже разделились по парам и занимались сексом на жестком ковре, устилавшем пол в гостиной. Я притворялась, что разглядываю обратную сторону пластинки Нила Даймонда, когда краем глаза заметила, что Майкл разговаривает с девушкой из тех, которые, как я знала, ему нравятся – высокая, стройная, с темными волосами до плеч.

Остроконечный носик и точеные скулы..

– Развлекаетесь?

Я отвела взгляд от Майкла и увидела, что хозяйка дома стоит рядом со мной.

– О да, все прекрасно. Спасибо за приглашение.

– Кажется, ваш муж уже познакомился с Ниной. Вы знали, что она недавно дебютировала в оперном театре?

– Нет, не знала. Чудесно, не правда ли?

– Да уж. У нее прекрасный голос – сопрано.

– Великолепно.

Я одним глотком осушила бокал.

– Кажется, мне нужен еще один, – сказала я и отправилась на другой конец комнаты к бару.

Итак, Майкл склеил примадонну. В тот момент я уже придумала несколько способов, как поднять его голос на пару октав.

Я села на диван, прижимая к груди вино. Я видела, что страсти между Майклом и Ниной накаляются. Он коснулся ее руки. Она улыбнулась и провела ладонью по его волосам. Они поцеловались и через некоторое время уже составляли компанию корчившимся на полу парам. Я говорила себе, что нельзя смотреть, но не могла даже моргнуть.

Больше всего меня задевало то, что Майкл делает с ней то же самое, что делал со мной. Его лицо опустилось между ее ног, и она извивалась от удовольствия. Мне хотелось верить, что это моя привилегия, ведь я все-таки чем-то выделялась среди остальных, если он женился на мне. Никто не заметил, что я за ними наблюдаю.

Около четырех пар были распростерты на полу, и по крайней мере две из них занимались сексом. Остальные непринужденно болтали, как будто

самым обычным делом было переступить через совокупляющихся на полу людей. Все это выглядело ужасно нелепо..

В конце концов, я нашла в себе силы встать с дивана и выйти на крыльцо. Я облокотилась на перила из красного дерева, чувствуя, как прохладный ночной ветер касается разгоряченного лица. Я взглянула на луну и холмы вдалеке. В этом большом мире живет много разных людей. Мне было больно видеть Майкла с кем-то другим, но я напомнила себе, что у меня теперь тоже есть право выйти на поиски..

Я уехала с вечеринки, не заговорив ни с одним мужчиной, и всю дорогу до дома я молчала. Я знала, что условности и правила, к которым меня приучали с детства, мне не подходят. Но неужели не должно быть совсем никаких правил. Неужели за нонконформизмом Майкла скрывается просто любовь к удовольствиям и ему просто удобно быть таким, чтобы потакать своему эгоизму.

И снова мне казалось, что мы идем в разные стороны. Мне было обидно. Я не хотела делить Майкла ни с кем другим, но мне в то же время было любопытно. Я хотела написать свои правила. Но в тот момент я еще не знала, какими они должны быть..

*

Мне всегда хотелось иметь четверых детей, но, учитывая наше финансовое положение, мы с Майклом решили остановиться на двух. Сейчас нам нужно было приложить все усилия, чтобы вырастить двоих прекрасных детей в любви и заботе. «Открытый брак» тоже таил в себе некоторые опасности. Мне совсем не хотелось забеременеть от другого мужчины..

Я пыталась принимать противозачаточные таблетки, но настроение из-за этого стало совершенно неуправляемым: сначала я весела и довольна, а секунду спустя рыдаю от отчаяния. Поэтому я решила пользоваться внутриматочной спиралью, которая называлась «Липп Луп». Это было

безболезненно, и мне не нужно было помнить о том, чтобы принять таблетку, одновременно сражаясь с чудовищными перепадами настроения..

Однажды, спустя три месяца после того, как мне вставили спираль, я обнаружила в душе, что шнурки, привязанные к ней, вытянуты дальше, чем обычно. Пальцем я почувствовала, что из матки торчит что-то размером с зубочистку, с тупым концом. У меня вываливалась спираль. Я потянула за шнурки, и, когда вытащила ее, она снова приняла форму двойной буквы S.

Я вышла из душа и позвонила врачу. Уже через несколько дней я сидела в его кабинете, завернутая в бумажный халат..

– Да, мисс... мисс Коэн, – произнес доктор Саттон, глядя в мою карту.

– Как я уже говорила медсестре, спираль...

– Да, я знаю. Что же вы хотите от меня?

– Я хотела бы, чтобы ее заменили новой.

– Правда? Но не могу обещать, что она снова не выпадет, и если уж вы боитесь принимать таблетки, то, может быть, мы попробуем еще одно средство, которое сэкономит время нам обоим?

Он открыл шкафчик и достал нечто, больше напоминающее медиатор для гитары с щупальцами по краям.

– Это, – объявил он, положив его передо мной, – называется «Далкон Шилд», и он точно не вывалится.

Возможно, доктор Саттон был груб со всеми своими пациентами или в целом нисколько не уважал женщин, а может быть, был от природы высокомерным и бесчувственным. Но я до сих пор уверена, что он питал ко мне особую неприязнь из-за того, что мы жили на пособие. Могу предположить, что его состоятельные пациенты встречали совершенно другой прием..

– Ну, хорошо, да... наверное, – произнесла я неуверенно.

Доктор Саттон сказал мне сесть на стол для осмотра. Он с помощью расширителя открыл мое влагалище и вставил «Далкон Шилд» в матку. Я задохнулась от боли. Он стянул перчатки и со словами «Можете одеваться!» вышел из кабинета.

Новая спираль мешала. Я думала, что просто нужно привыкнуть, но и через неделю, и через две мне по-прежнему было неудобно. Я иногда забывала про «Липп Луп», но «Далкон Шилд» ни на минуту не давал забыть о себе. Примерно через месяц я снова записалась на прием к доктору Саттону и получила в ответ: «Ну так вы этого и хотели, разве нет.

Вы же не собираетесь принимать таблетки». Я боялась задавать вопросы, хотя понимала, что что-то не так..

С новой спиралью не удавалось получать такое же удовольствие от секса – ни с Майклом, ни с моим новым любовником Джеффом, с которым я познакомилась через друзей. Джефф был умным, артистичным и смелым. Он не был красив в обычном понимании этого слова, но благодаря его жизнелюбию и энергии это не имело значения.

Он ездил на новеньком блестящем красном «Мустанге» и возил меня в Марин Каунти или дальше, в Санта-Крус, где нам удавалось найти уединенное место, чтобы заниматься любовью..

Около трех месяцев прошло с тех пор, как я начала пользоваться «Далкон Шилд». Как-то в воскресенье вечером Джефф заехал за мной, и мы поехали на пляж. Последние несколько дней я чувствовала сильную боль внизу живота, и это было не похоже даже на обычный дискомфорт, который мне доставляла новая спираль.

Я надеялась, что боль пройдет, и старалась не обращать на нее внимания отчасти потому, что уже привыкла к неприятным ощущениям. Я откинулась назад, положила ноги на приборную доску и взяла Джеффа за руку. Мы смотрели, как солнце опускается в океан, потом целовались. Я сказала, что мне нужно в туалет. Я обошла машину и присела, чтобы меня не видели немногочисленные люди на парковке.

Несколько жалких капель доставили мне жгучую боль, подо мной растеклась лужица мочи величиной с монетку. Внезапно меня пронзила жуткая боль, самая сильная из всех, что я когда-либо испытывала. Хуже,

чем при родах, хуже, чем после аварии. Мне казалось, что у меня во влагалище ковыряют ножом. Я не могла встать и потеряла сознание на несколько секунд.

Когда я пришла в себя, мне удалось ухватиться за бампер и добраться до водительского кресла..

– Отвези меня домой. Пожалуйста. Что-то ужасное происходит, – задыхаясь, проговорила я.

– Господи Боже, что с тобой? – закричал Джефф.

– Домой. Домой, – умоляла я.

Он уложил меня на заднее сиденье «Мустанга» и выехал на дорогу. Я снова потеряла сознание. Джефф потряс меня за руку, и я увидела, как он снова отвернулся.

В следующее мгновение, когда я очнулась, Майкл уже вытаскивал меня из машины Джеффа, чтобы перенести в свою. Я не приходила в себя до самой больницы. Майкл с помощью медсестры усадил меня в кресло. Меня отвезли в приемную, где дежурил в ту ночь доктор Саттон, которого я меньше всего хотела видеть в тот момент.

Боль была такой сильной, что я с трудом могла вздохнуть..

– Ложитесь и раздвиньте ноги. Мне нужно осмотреть вас, – сказал доктор Саттон.

Он взял несколько мазков, засунул внутрь пальцы и начал щупать. В течение этого грубого осмотра боль была просто невыносимой. Все это время он разговаривал с медсестрой, стоявшей рядом.

– Отнесите в лабораторию и позвоните доктору Айви, – произнес он, не доставая пальцев.

Потом, не сказав мне ни слова, выдернул «Далкон Шилд». Я закричала так громко, что в комнату вбежал Майкл. Я не представляла, как долго еще смогу выносить боль.

Меня положили в больницу, и на следующее утро я узнала, что у меня инфекционный перитонит – воспаление шейки матки и органов малого таза. Одним словом, я была в ужасном состоянии. Позже оказалось, что фаллопиевы трубы повреждены, и я никогда не смогу больше иметь детей. Я выяснила, что подобные заболевания не редки среди тех, кто пользовался печально известной спиралью «Далкон Шилд».

В двадцать шесть лет я больше не могла иметь детей. Даже несмотря на то, что мы с Майклом договорились остановиться на двух, в глубине души я надеялась, что со временем мы можем пересмотреть свое решение..

К тому времени я жила в Калифорнии уже два года и за это время пережила аварию, а теперь и это испытание. Я размышляла, случится ли наконец что-то хорошее. Может быть, мне не следовало уезжать из Бостона. Ссоры с родителями, суровые зимы и все, чем я была недовольна раньше, казалось теперь незначительным..

Но пути назад уже не было, и на самом деле не все шло так плохо в Сан-Франциско. Я познакомилась с прекрасными людьми – с юношами и девушками со всех концов страны, которые, подобно мне, подвергали сомнению все, чему их учили, и пробовали изменить привычный образ жизни, мировоззрение.

По прошествии лет я убедилась в том, что приняла правильное решение. Начинать было, конечно, непросто, но Калифорния раскрыла передо мной спектр возможностей, дала мне опыт, которого я никогда бы не получила в Массачусетсе. В 1973 году, когда прошло уже пять лет с тех пор, как я приехала сюда через всю страну, моя подруга Элисон пригласила меня на мероприятие, которое лишний раз напомнило мне, как далеко остался Сэйлем, и открыло мне глаза на профессию, о которой я не могла и подумать еще несколько лет назад..

Элисон пригласила меня на семинар, посвященный сексу, который проходил в церкви (в церкви!) в Беркли. Его вели три женщины, которые недавно основали одну из первых горячих линий в Сан-Франциско, где можно было получить объективную, основанную на медицинских фактах информацию о сексе – SFSI (San Francisco Sex Information), или «Сфисси».

Их слоганом была фраза: «Невежество не обеспечит тебе вечного

блаженства»..

Мы с Элисон поужинали в маленьком кафе в нескольких кварталах от церкви. Как обычно, мы заговорились и вышли оттуда лишь за десять минут до начала семинара. Но беспокоиться не стоило – пройти нужно было совсем немного. Когда мы подошли к церкви, пришлось встать в огромную очередь, которая заворачивала за угол здания.

Мы начали беспокоиться, удастся ли нам попасть, и по мере продвижения очереди беспокойство росло – церковь была слишком маленькой, чтобы вместить всех. Когда мы подошли ближе к дверям, я заглянула внутрь и увидела море голов. Церковь была забита до отказа, многие стояли вдоль стен, и, как только мы переступили порог, одной из организаторов пришлось извиниться перед теми, кто пришел позже нас, потому что в церкви буквально не осталось свободного места..

Семинар начался с фильма, который мне никогда не забыть. Камера снимала женщину, которая мастурбирует и достигает оргазма. Всех поразило не то, что она делает, а сама женщина – ничем не примечательная внешность, неидеальное тело, которым она, казалось, была вполне довольна. Женщиной была Ширли Льюис..

Когда фильм закончился и включили свет, в церкви наступила абсолютная тишина, которую, казалось, можно было пощупать. Несколько секунд спустя Элисон повернулась ко мне и спросила: «Ты так делаешь?» Я кивнула в знак согласия, и заговорщическим шепотом она произнесла: «Я тоже». То есть другим женщинам тоже нравится секс.

Мы разбились на группы, чтобы обсудить увиденное, и я обнаружила, что совсем не одинока в своих чувствах. Женщины не только стыдятся, они тоже запутались. И их злит оценка официальной церкви, семьи, общества. В первый раз за всю свою жизнь я открыто говорила в присутствии такого количества людей о мастурбации и сексе.

Времена менялись на глазах..

На следующее утро, когда я рассказала Майклу о мероприятии, произошло два события, которые я считаю счастливой случайностью. Оказалось, что Майкл, который ходил на занятия в ныне закрытом «Центре взаимоотношений», знал Ширли. Она вела семинар, на который он

записался. Майкл рассказал ей о том, какое впечатление на меня произвел фильм, и выяснил, что она была суррогатным партнером.

Еще неделю спустя моя подруга Элизабет дала мне экземпляр «Суррогатной жены» Валери Скотт, которая была суррогатным партнером и прошла подготовку у Мастерса и Джонсон[5]. Накопилось слишком много совпадений, и я начала задумываться над тем, каково это – быть суррогатным партнером..

Я уже не была одна в своих взглядах. Многие боролись с теми же комплексами по поводу собственной сексуальности, и, возможно, я могла бы им помочь. Мне больше не приходилось извиняться за то, что я женщина и мне нравится секс. Возможно, он нравится мне больше, чем остальным, но теперь меня это не беспокоило так, как раньше.

Может быть, мне даже удастся обратить свое либидо на пользу тем, кто несчастен, и таким образом сделать этот мир счастливее..

Я связалась с Ширли, чтобы узнать больше о работе суррогатного партнера. Нет, они не просто приходят и начинают заниматься сексом с клиентом. Есть определенный порядок действий, и процесс занимает от шести до восьми сеансов. Все зависит от потребностей клиента. Существует ряд упражнений, разработанных для того, чтобы справляться с самыми распространенными проблемами в этой области.

Суррогатные партнеры тесно сотрудничают с психотерапевтами, которые направляют клиентов к ним. Они работают как с парами, так и с одинокими людьми. Среди проблем, с которыми приходится сталкиваться, – преждевременная эякуляция, задержанная эякуляция, импотенция, недостаток желания, отсутствие сексуального опыта, комплексы по поводу внешности, тревога, инвалидность или несколько подобных проблем одновременно.

Проницательность и способность сопереживать – необходимые качества для суррогатного партнера, потому что приходится обращаться к глубоко личным и болезненным для клиента вопросам. Человек, который собирается стать суррогатным партнером, должен прежде всего справиться со своими собственными комплексами..

Эта профессия появилась, когда Мастерс и Джонсон в шестидесятых

годах опубликовали результаты своего революционного исследования человеческой сексуальности. Виллиам Мастерс и его жена Вирджиния Джонсон обратились к сексуальной реакции человека и причинам, вызывающим сексуальную дисфункцию. Их книги «Сексуальная реакция человека» и «Сексуальная несостоятельность человека» стали бестселлерами.

Они сделали первые шаги к тому, чтобы снять покров тайны с вопросов сексуальности. В исследовательском центре в Сент-Луисе они провели тренинг с первыми суррогатными партнерами и создали методику, которую мы используем в своей работе до сих пор..

Изначально Мастерс и Джонсон работали с супружескими парами, которые сталкивались с разного рода проблемами. Позже они начали помогать и одиноким мужчинам, так появилась идея суррогатного партнерства. Другие исследователи, тоже муж и жена, Виллиам Хартман и Мэрилин Фитиан, разработали дополнительные упражнения и написали несколько очень разумных книг, в их числе «Лечение сексуальной дисфункции».

Они работали с суррогатными партнерами в Калифорнии, которых тренировали Кэролайн и Эмерсон Симондс, два очень профессиональных сексолога. В Центре социальной и сенсорной адаптации в Южной Калифорнии Барбара Робертс, получившая мастерскую степень по специальности «Социальная работа», вела занятия для суррогатных партнеров и психотерапевтов и открытые семинары для широкой публики.

Ширли рассказала мне о двух психотерапевтах, которые успешно работали с суррогатными партнерами, и через несколько дней я встретила с одним из них в Беркли..

К тому времени мой брак был «открытым» уже пять лет, и мне нравилась постоянная смена сексуальных партнеров. Майкл и я пришли к соглашению: эти отношения не должны затрагивать время, которое мы проводим с детьми. На свидания отводилась одна ночь в неделю, и один из нас должен был оставаться дома с Джессикой и Эриком.

Если кто-нибудь возвращался домой поздно, отоспаться на следующий день он не мог. На следующее утро мы просыпались вместе, чтобы

приготовить завтрак и отвести детей в школу. Когда я обсудила с Майклом перспективу работы в качестве суррогатного партнера, он поддержал меня, и я думаю, что это не было проявлением всегда тревожившего меня недостатка ревности.

Я убеждена, что он понимал значение этой работы и хотел, чтобы я получила профессию, которую выбрала сама. Если у Майкла и были когда-нибудь традиционные взгляды на секс, он уже так давно отделался от них, что ему бы даже не пришло в голову увидеть что-то предосудительное в суррогатной терапии. Он знал, что большая часть укоренившихся представлений требует пересмотра, и если моя работа сыграет в этом небольшую роль, тем лучше..

*

Том встретил меня широкой улыбкой. Он был одним из немногих психотерапевтов на побережье, которые готовили суррогатных партнеров, и направлял к ним клиентов. Этот процесс находился в самом начале развития, и обучение шло полным ходом. Мы говорили около двух часов, и Том задавал мне вопросы о моем детстве, семье, отношении к сексу.

Вскоре между нами установилось взаимопонимание. Я думаю, Тому сразу же стало очевидным, что моя сексуальная эволюция давно прошла ту стадию, когда я могла бы осудить кого-нибудь за наличие сексуальной проблемы. Это стало первым этапом нашей совместной работы. Затем Том сказал кое-что, заставившее меня задуматься..

– Разденься, пожалуйста, чтобы я видел, как ты будешь выглядеть при работе с клиентом.

Он что, флиртует со мной? К тому же я не побрила подмышки в тот день и боялась, что он заметит это. Но наша встреча шла прекрасно, и мне нравился Том, поэтому я решила рискнуть. Я стянула свободное платье через голову и сняла белье.

– Мне кажется, что все хорошо, – сказал Том.

Я с облегчением увидела, что флиртовать он не собирается, но это все равно казалось мне неуместным. Я хотела стать суррогатным партнером, а не топ-моделью. Неужели действительно нужно было оценить мое тело, прежде чем приступить к подготовке. Том больше к этому не возвращался, поэтому если это была проверка, то я ее прошла..

Кроме этого, я пошла волонтером на горячую линию «Сфисси». Для звонков по поводу секса был установлен номер «800». Впервые в истории Соединенных Штатов человек мог поднять трубку, анонимно задать вопрос и получить достоверную информацию и направление к квалифицированному эксперту. На моем первом интервью с сотрудником горячей линии мне задали несколько вопросов и предложили несколько вымышленных вариантов диалога.

Например, меня спросили, как я стану реагировать, если мне задаст вопрос человек, который боится, что слишком часто мастурбирует. «Я спрошу его, что он понимает под словами «слишком часто». Если он мастурбирует, потому что боится отношений или если это затрагивает его обычные дневные обязанности, скажем, мешает ходить на работу, я посоветую ему обратиться к психотерапевту.

Если это просто доставляет ему удовольствие и снимает стресс, то я скажу, что это совершенно естественно», – отвечала я..

Подготовка к волонтерской работе увеличила мой багаж знаний для работы суррогатного партнера. На одном из этапов подготовки мы смотрели фильмы о людях, практикующих разные виды секса, и обсуждали свои впечатления. Нас просили говорить откровенно и без предубеждения оценивать ответы друг друга и то, как эти ответы нас характеризует.

Фильмы рассказывали о гетеросексуальных и гомосексуальных отношениях как мужчин, так и женщин. На одной из записей пожилая пара – и под словом «пожилая» я имею в виду возраст моих бабушки и дедушки – страстно занималась сексом. К моему удивлению, я возбудилась, когда смотрела фильм о гомосексуалистах.

После записи, на которой мужчина и женщина занимались анальным сексом, я почувствовала одновременно интерес и отвращение. Запреты могут быть соблазнительными..

В ходе обсуждения с такими же практикантами, как я, и сотрудниками «Сфисси» я поняла, что важнее моей физиологической реакции на увиденное является необходимость отбросить всякое предубеждение по отношению к тому, что я видела на экране, а следовательно, к тем людям, которые обратятся ко мне за помощью.

Важно не то, насколько широк спектр моих сексуальных предпочтений, а способность соперживать и быть объективной..

Главным этапом моей подготовки был двухнедельный семинар в отделе здравоохранения в Беркли, который я посещала вместе с Томом. Если Том и сделал неверный шаг во время нашей первой встречи, попросив раздеться, то сейчас он полностью восстановил свою репутацию, проявив готовность щедро делиться своим опытом и своим временем.

Семинар вела супружеская пара – психотерапевты, прошедшие подготовку у Мастерса и Джонсон. Они объясняли принцип и способ осуществления так называемой совместной терапии. Сейчас по этой модели работают лишь немногие специалисты, потому что это не так прибыльно, но тогда это был новый увлекательный метод работы с супружеской парой.

В терапии всегда участвовало два психотерапевта – муж и жена – чтобы каждый из клиентов знал, что у него есть союзник. На семинаре нам преподали ускоренный курс анатомии, и я узнала, как в действительности сложно устроены мужские и женские гениталии. Они показали нам схему недифференцированных гениталий зародыша, которую я до сих пор показываю своим клиентам.

На схеме видно, как зародыш приобретает половые признаки, и заметно сходство соединительных тканей мужских и женских гениталий. Большая часть того, что узнали мы с Томом, помогло мне в дальнейшей работе..

Все это не оставило камня на камне от моих представлений о человеческой сексуальности. Я поняла, как много еще сохраняла заблуждений и ложных идей. Я встретила людей с разным сексуальным опытом и смогла преодолеть всякое предубеждение. Например, мне всегда казались отвратительными те, кто практикуют садизм и мазохизм.

К моему огромному удивлению, оказалось, что они принимают серьезные меры, чтобы во время сексуальных игр не нанести партнеру настоящего физического увечья. Кроме того – и это звучало иронией для меня – я выяснила, что совершенно естественной реакцией может быть отказ. Люди не обязаны заниматься тем, что им не нравится, даже если они претендуют на открытое отношение к сексу и готовы пойти на эксперимент.

Сейчас мои слова, может быть, покажутся очевидными, но для человека, который вырос в пятидесятые, новость о том, что у любого, даже у женщины, есть право выбирать вид секса вне зависимости от обстоятельств, могла на многое открыть глаза..

Совершенно необходимый навык, который я приобрела, – умение слушать. Это было непросто, ведь я страстно люблю говорить. Мне пришлось учиться не перебивать собеседника, а давать людям возможность говорить о том, о чем им нужно поговорить. Я повысила свой профессиональный уровень, но еще я выиграла как мать, как жена, как друг..

Я стала частью сообщества прекрасных, умных, чутких людей, которые вместе задавали вопросы, делились опытом и искренне стремились больше узнать о половой сфере. Я вступила на долгий карьерный путь, приобрела хороших друзей и, честно говоря, отлично повеселилась.

Единственное, что мы не обсудили, – это безопасный секс и использование презервативов. Благодаря моему чудовищному опыту с «Далкон Шилдс» риск забеременеть был очень невелик. В эпоху, когда о СПИДе знали еще очень мало, самой большой опасностью был герпес. Большинство венерических заболеваний можно было вылечить приличной дозой антибиотиков.

Мне было это известно не с занятий по подготовке – около пяти лет назад меня косвенно коснулась проблема венерических заболеваний. Через неделю после вечеринки свингеров в Конкорде нам позвонила хозяйка: у примадонны была гонорея..

Глава 11

В 1979 году Canon AE-1 был фотоаппаратом, который хотел бы иметь каждый. Мой клиент по имени Боб протянул его мне вместе с набором аксессуаров, которые не уместились у меня в руках. Он весил раз в пять больше, чем мой «Инстаматик», а числа, которыми был испещрен объектив, казались мне секретным кодом..

– Я не могу его принять, – сказала я.

Еще несколько минут назад Боб сидел рядом со мной в ванной, пока я принимала душ, и мы болтали. Когда я закрыла глаза, чтобы смыть шампунь, в комнате стало тихо. Я открыла глаза и обнаружила, что Боб исчез. Я намотала на голову полотенце, надела халат и вышла из ванной.

– Боб? – позвала я.

Он появился из-за угла с фотоаппаратом в руках.

– Это слишком щедро, – сказала я.

Боб смахнул слезы.

– Я правда хочу, чтобы он был у тебя. Ты изменила мою жизнь, Шерил, и я хочу отблагодарить тебя. Пожалуйста, позволь мне это сделать.

Я знаю, почему он подарил мне фотоаппарат. На одном из наших первых занятий Боб рассказал, что любит фотографировать и оборудовал в чулане своего дома комнату для проявки. Я посетовала, как много прекрасных моментов в жизни моих детей я не смогла запечатлеть, потому что у меня не было хорошего фотоаппарата под рукой или я не умела пользоваться тем, что был..

– Боб, это очень приятно, правда, но я даже не представляю, как он работает.

– Я тебя научу, – тихо ответил он. – Я могу приехать как-нибудь в твой

выходной и показать. Это несложно. Мы ходим в парк, снимаем на улице.

– Ну ладно, можно. Приезжай, – ответила я.

Вот так я назначила свидание с одним из моих клиентов. Это был последний из восьми сеансов, и в течение нескольких недель наша привязанность развивалась одновременно с рабочим процессом.

Боб приходил ко мне после работы и почти всегда оказывался последним клиентом за день. Мы начинали около четырех, и после сеанса он обычно оставался, мы разговаривали, пока я принимала душ и красилась в ванной моего офиса. Потом он провожал меня до машины.

Когда Боб впервые пришел ко мне, ему было тридцать лет, на четыре года меньше, чем мне. У него было открытое лицо и волнистые волосы до плеч. В нем была грубоватая привлекательность. Возможно, из-за задумчивого выражения его глаз или по тому, как он заколебался, прежде чем войти, я в первую очередь подумала, что он, должно быть, чувствителен..

Когда на первом сеансе я поняла, что Боб нервничает, то завела разговор на какую-то отвлеченную тему. Мы говорили, и я видела, что его тревога уходит. Плечи опустились, спина, которую он держал прямо, как бильярдный кий, расслабилась настолько, что он позволил себе откинуться на спинку кресла. Я попросила его немного рассказать о своем сексуальном опыте..

Застенчивость, которая бросилась мне в глаза, преследовала его всю сознательную жизнь. Отчасти поэтому в школе у него не было девушки. Второй причиной были отметины от угревой сыпи на лице, и это провоцировало еще большее смущение. Иногда ему казалось, что он единственный мальчик в школе, который боится знакомиться с девочками.

Ему многие из них казались привлекательными, и несколько раз он вынужден был с тоской наблюдать, как один из его друзей становился бойфрендом девушки, которая ему нравилась..

В конце 1968 года, когда Бобу исполнилось двадцать, его забрали в армию и год спустя отправили во Вьетнам. Он был приписан к 101-й

воздушно-десантной дивизии как специалист по сборке парашютов. В октябре 1970 года ему дали отпуск, и он поехал в Бангкок, где проституция была легализована и контролировалась государством.

Всю дорогу до Таиланда он провел в компании шумных похотливых молодых солдат. Боб сидел, тихо радуясь, что скоро он сможет сделать то, что давно уже стоило сделать, – лишиться девственности. Его попеременно охватывали недобрые предчувствия, радостное предвкушение, головокружительный восторг перед предстоящим обрядом инициации..

По приезде в Бангкок он поселился в отеле, распаковал вещи и сразу же отправился в сумрак душной азиатской ночи. Он взял такси, и водитель отвез его по проторенному пути в один из «массажных кабинетов». Он открыл дверь убогого домика, и его провели по тускло освещенному коридору в просторную комнату, где собралась толпа защитников родины.

С широкими ухмылками на лицах они разглядывали через зеркальное стекло едва одетых женщин, расположившихся на обитых плюшем скамьях. Женщины читали или разговаривали друг с другом, и на каждой был номер. «Пятнадцать, двадцать, восемь, семнадцать...» – солдаты делали выбор, громко выкрикивая цифру. Все это казалось ему чудовищным и странным и ранило его чувствительную душу, возвращенную в ценностях американского среднего класса.

Когда подошла его очередь, Боб тихо назвал номер симпатичной девушки, которая выглядела достаточно зрелой, и заплатил за нее двадцать пять долларов за сутки..

Он поймал такси и отвез девушку в отель. Ее звали Чам Ни Ин. Когда они поднялись к нему в комнату, она начала раздеваться медленными уверенными движениями, а он пытался заполнить неловкую паузу светской беседой. Он тоже разделся, и они легли в постель. Чам Ни Ин была красива экзотической красотой. Всю дорогу он представлял, как займется с ней любовью.

Они целовались – сначала мягко, потом страстно, языком исследуя рот друг друга. Он взял ладонями ее маленькую грудь, потом пробежал пальцами по гладкой спине, животу, пока не добрался до вульвы. Он коснулся ее клитора, она обвила своими длинными пальцами его пенис,

который, как в смятении обнаружил Боб, спал крепким сном.

Что происходит. У него не было проблем с эрекцией, он мастурбировал, как любой здоровый двадцатилетний мужчина. Почему же сейчас, рядом с обнаженной женщиной, которая уже готова приступить, его пенис по-прежнему слаб?.

Он достал англо-тайский разговорник и яростно начал его листать. Он хотел сказать Чам Ни Ин, что ему нужно дать пару минут. Он кое-как выговорил несколько слов своей озадаченной даме. Он понимал, что, наверное, это выглядело довольно забавно, но тогда ему было не до смеха, он был смущен и унижен. Он снова обвил руками Чам Ни Ин и попытался еще несколько раз, но каждая попытка заканчивалась провалом..

Оказалось, что Чам Ни Ин немного говорит по-английски. Боб выяснил это, когда они проговорили большую часть ночи. Ей было двадцать пять лет, она осталась одна с восьмилетней дочкой, когда ушла от мужа, который ее бил. Теперь она вынуждена была содержать себя, дочь и всю остальную семью, зарабатывая единственно возможным для нее способом.

Боб начал чувствовать искреннюю симпатию к ней..

То, что он так и не смог лишиться девственности, было неприятно, но он постарался не терять надежды. В конце концов, он находился в незнакомой стране с совершенно чуждой культурой и языком. Он был с проституткой, которой его неудача, скорее всего, только доставила облегчение. Он передохнет и попробует еще раз..

Следующим вечером Боб вернулся в публичный дом. Он снова встретил там группу солдат, некоторые из которых были ему уже знакомы, но, в отличие от них, он пришел не за другой женщиной. Он заплатил за целую неделю и уехал с Чам Ни Ин. Ему нравилось гулять с ней, она показывала ему полный загадок город.

Они были в Королевском дворце, Храме лежащего Будды, занимались серфингом на великолепных пляжах. Каждую ночь, когда они возвращались в отель, он безуспешно пытался добиться эрекции и заняться с ней сексом. Неделя подошла к концу, и он вернулся во Вьетнам девственником.

– Мне всегда хотелось узнать, что стало с Чам Ни Ин, – сказал Боб.

– Ты пытался найти еще кого-то, прежде чем вернулся домой?

– Нет, я был слишком напуган. Я еще раз ездил в отпуск, в Австралию, но на этот раз старался держаться от проституток подальше, наверное, единственный из всей нашей компании.

Через два года, когда были выполнены все обязательства перед дядюшкой Сэмом, он со ста пятьюдесятью другими шумно выражающими свой восторг солдатами летел домой – в большой мир. За четырнадцать часов полета ему было о чем подумать.

– Я решил начать все с чистого листа, забыть о Бангкоке и постараться найти женщину, которую смогу полюбить. Я надеялся, что секс приложится. Мне казалось, что нужно только влюбиться, чтобы все заработало как следует. Нужно расслабиться, и все произойдет само собой.

Он вернулся из Вьетнама повзрослевшим, уверенным в себе. Он показал себя в трудных ситуациях и надеялся, что сможет справиться и с личной жизнью. Все вокруг встречались с кем-то. «Если они смогли, смогу и я», – говорил он себе. Ему было всего лишь двадцать три. Наверное, многие из его друзей начали раньше, но он был все еще достаточно молод, и в его девственности не было ничего необычного..

Боб и Джейн познакомились на работе. У нее была точеная фигура и миловидное лицо, обрамленное черными кудрявыми волосами. Она была тихой и приветливой и сразу ему понравилась. Несколько дней неловкого флирта – и Бобу удалось найти подходящий момент, чтобы сказать, что у него есть два билета на комика Джорда Карлина, и спросить, не хочет ли она пойти с ним.

С удивлением и радостью он обнаружил, что его чувства взаимны..

– Я был на седьмом небе от счастья. Я наконец узнал на практике, что такое восторг первой любви, – сказал он.

Тем летом Джейн уволилась и отправилась работать на небольшой курорт рядом с парком Йосемити. Она просила Боба приехать навестить ее как можно скорее. Две недели спустя он уже ехал по 120-му шоссе,

предвкушая долгий уикенд с Джейн. Он еще никогда в жизни не был так счастлив.

Они с Джейн ходили по пустынным горам Высокой Сьерры. По ночам они забирались в его фургон и предавались страстным приятным играм. Они удовлетворяли друг друга языком и руками, но когда пришло время секса, что-то пошло не так. Его снова охватил ужас. Он опять не мог достичь эрекции. Милая Джейн пыталась его утешить.

Она уверяла, что это случайность и скоро им удастся заняться сексом, который будет так же хорош, как и прелюдия..

– Мне хотелось ей верить, но в тот момент я был в отчаянии. Я больше не мог свалить все на незнакомую обстановку, – говорил Боб.

Он еще несколько раз пробовал заняться сексом с Джейн, но все шло по отработанной схеме: чувство близости росло вместе с возбуждением, но вскоре его охватывала паника, скованность и воспоминания о предыдущих неудачных попытках, в итоге ничего не получалось. Какой бы привлекательной ни казалась ему Джейн, как бы он ни стремился к близости с ней, ему не удавалось достичь эрекции..

– Я старался убедить Джейн, что дело не в ней, но она, по-моему, все равно думала, что просто не нравится мне.

Джейн не знала, что делать в такой ситуации, она никогда раньше с этим не сталкивалась. После нескольких неудачных уикендов в Йосемити она потеряла интерес и начала его избегать. На письма больше не приходило ответа.

Боб был совершенно уничтожен и погрузился в депрессию, которая длилась несколько лет. Он винил во всем себя. Он был глубоко одинок и не видел выхода. Он казался себе своим собственным тюремщиком, у которого нет ключа.

– Ты обращался к специалистам во время депрессии? – спросила я.

– Я несколько месяцев ходил к психотерапевту, но это не помогло. Но на последнем сеансе он дал мне телефон института половой сферы в Калифорнийском университете. Он сказал, что они могут направить меня к

психотерапевтам, которые работают с суррогатными партнерами. Это было пять лет назад. Все это время я не мог заставить себя позвонить им..

– Почему же ты в конце концов решился?

– Я знаю, что мне нужно что-то менять. Я не могу больше так жить. Я устал от одиночества, от презрения к самому себе. Мне уже нечего терять.

Случай Боба – хрестоматийный, это страх публичных выступлений. Он не мог выйти из порочного круга и признавал это. Моя работа заключалась в том, чтобы разорвать круг.

За время нашей совместной работы мы выполняли необходимые упражнения. Очень важным был тактильный контакт, потому что он перестал сосредотачиваться только на своем пенисе и научился воспринимать реакции всего тела. Я хотела помочь ему испытывать удовольствие от тактильных ощущений и подчинять пенис собственным желаниям.

Упражнение с гениталиями продемонстрировало, как легко он реагирует на прикосновения и как много у него чувствительных точек. Я прививала ему навыки общения и показывала тактильные приемы..

Постепенно Боб преодолел свой «страх сцены» и научился достигать и поддерживать эрекцию. На шестом сеансе мы с Бобом занимались сексом, и он наконец лишился девственности. Это был огромный шаг вперед, но оставалась небольшая проблема – задержанная эякуляция. С этим часто сталкиваются мужчины, страдающие от застенчивости.

Боб не мог кончить, находясь внутри меня или когда я стимулировала его руками или ртом. Он мог довести себя до оргазма только мастурбируя после того, как кончала я..

Во время последнего занятия я попросила Боба вернуться к упражнениям. Я сказала ему – и я не лукавила – что, как мне кажется, со временем он сможет достигать эякуляции во время полового акта. Потом я отправилась в ванную принять душ, и он пошел за мной. Боб позвонил мне на следующий день и сказал, что заберет меня в среду, чтобы с фотоаппаратом отправиться на пикник в ботанический сад Калифорнийского университета.

Боб уже не был моим клиентом, и мне легче было дать себе разрешение на свидание с ним. Во время наших занятий сложно было сочетать рабочий процесс с тем, который разворачивался на личностном уровне..

Как и психотерапевты, суррогатные партнеры должны избегать проявления личной привязанности к клиенту. Но я не могла отрицать, что между мной и Бобом установилась прочная связь. Он был скромным, умным, глубоким. Я могла говорить с ним так, как говорила с Майклом, но на этот раз мне не приходилось бороться с его сомнением или собственным непреодолимым страхом, что меня ему недостаточно.

Я не видела, кому могут помешать наши отношения..

Когда наступила среда, я с фотоаппаратом в сумке уже дожидалась Боба. Майкл, редко бравшийся за постоянную работу, лежал на диване с книгой и, когда Боб позвонил в дверь, пошел открывать. Я вышла из спальни и увидела, что они беседуют.

– Прекрасный день для ботанического сада, – сказал Майкл.

– Да, мне кажется, нам удастся сделать пару удачных кадров. Хорошее освещение.

– Вижу, вы уже познакомились, – произнесла я.

– Ну, вам пора, – сказал Майкл и протянул руку Бобу.

В одном из разговоров, которые мы вели после наших занятий, я рассказала Бобу про наш «открытый брак» и добавила, что недавно рассталась со своим последним любовником. Учитывая специфику моей работы, он, наверное, подозревал, что я вряд ли веду жизнь образцовой домохозяйки, но чем больше я узнавала Боба, тем больше я хотела, чтобы он знал о нашем с Майклом соглашении.

Если нашим отношениям суждено было перерасти в роман, он должен был знать, что не сможет стать единственным мужчиной в моей жизни – по крайней мере, в обозримом будущем. Я еще не готова была признаться в этом самой себе, но жизнь отдельно от Майкла уже представлялась мне если не желанной, то возможной..

Реакция Боба соответствовала моим ожиданиям. Ему было любопытно, он был свободен от всякого предубеждения и готов был это принять. У него была подкупающая черта – он был откровенен, даже наивен, но при этом мудр. Отчасти я полюбила его именно за это.

Это было интересно – одновременно жить с Майклом и встречаться с Бобом. Мне всегда нравились крупные мужчины, Майкл был из таких. Боб, напротив, более компактный и жилистый. Характер у них тоже был совершенно разный. Майкл всегда был уверен в своей правоте, он любил жизнь и хотел, чтобы она поставляла ему удовольствия на его условиях.

Он не мог не высказать своего мнения по любому вопросу. «Господи, Майкл, ты же не Нагорную проповедь читаешь!» – думала иногда я, глядя, как он разглагольствует обо всем на свете. Он, несомненно, был умен, но иногда, увлекшись собой, превращался в напыщенного педанта, и некоторых это раздражало. Боб был не так уверен в себе, и в компании ему было неуютно, но он лучше чувствовал собеседника.

В нем была открытость и честность – то, чего так недоставало Майклу. В общении с ним участвовали двое. В физическом смысле мы подходили друг другу идеально. Секс был приятнее и нежнее, чем с кем бы то ни было, даже с Майклом. Проблема задержанной эякуляции сохранялась, но его страхи остались, без сомнения, в прошлом.

Мы оба надеялись, что рано или поздно он сможет достичь оргазма, находясь во мне. Для Боба это было особенно важно, потому что ему казалось, что это последнее препятствие, которое нужно преодолеть на пути к близости, о которой он мечтал всю свою сознательную жизнь..

Мы с Бобом ехали по холмам Беркли, и воздух летнего дня становился теплее. Боб оставил машину прямо возле ворот, и мы надели на себя ремни фотоаппаратов. Мы направились по основной дорожке, по обеим сторонам которой расстился ковер красных рододендронов, желтых анютиных глазок и белых пионов, усеянных алыми крапинками.

День был ясный, и даже такой неопытный фотограф, как я, чувствовал, что краски вокруг соперничают за его внимание..

Для человека, который не знал даже основных функций в фотоаппарате, я довольно быстро начала разбираться в основных понятиях

и терминах – скорость затвора, апертура, длина выдержки и глубина резкости. Боб испытывал видимое удовольствие от нашей прогулки, и я была благодарна за нежность и терпение, с которыми он снимал для меня покров тайны с моего нового фотоаппарата..

Из всех пробных кадров, которые я сделала в тот день, у меня есть два любимых: на одном из них Боб ходит на руках по узкой тропинке, на другом – стоит, улыбаясь мне, на мосту. Первый демонстрирует его жизнерадостность, второй – доброту.

Тогда я этого не понимала, но я уже вступила в новую фазу своей жизни, находясь одновременно по обе стороны стены, разделяющей два совершенно разных мира. Эти отношения посеяли в моей душе сомнения, раскрыли перспективу новых удивительных ощущений. Я как будто мчалась с горы, не в силах разобраться в противоречивых эмоциях: мне нравилось проводить время с Бобом, и я все еще хотела сохранить наш с Майклом брак..

Мы с Бобом привыкли встречаться раз в неделю. Мы ходили в театр, кино, музеи. Было несколько дополнительных уроков фотографии и долгие прогулки. Нам всегда было весело, но, я думаю, больше всего мне нравилось просто проводить с ним время, заниматься любовью, разговаривать. Иногда Боб смотрел на меня с такой страстной привязанностью в глазах, что мне хотелось плакать.

Может быть, любовь все-таки проще и приятнее, чем я себе это представляла..

У Боба был абонемент в нескольких театрах Сан-Франциско, и через пять месяцев после нашего первого свидания мы собирались пойти на пьесу «Она любит меня» – романтический мюзикл об отношениях двух коллег, которые не выносят друг друга, но влюбляются, обмениваясь анонимными письмами. Поздним утром в прохладный декабрьский день, когда мы должны были смотреть пьесу, я приехала к Бобу домой.

Мы провели день в безделье, предаваясь любви и долгим разговорам..

Мы увлеклись, и то, что пьеса начнется уже через полтора часа, стало полной неожиданностью. Часы прошли незаметно, мы потеряли голову, занимаясь великолепным страстным сексом, от которого я получила

бесчисленное число оргазмов. Мы хотели поужинать перед спектаклем, но Боб не хотел останавливаться. Нам нужно было принять душ и одеться, а ужин можно было отложить..

Я ожидала чего-то восхитительного, но было все еще лучше – в тот день мы достигли вершины. Мы не могли разомкнуть бурных объятий, с ног до головы покрылись потом и наконец кончили одновременно. Впервые Бобу удалось кончить во время полового акта. Превращение совершилось. Боб преодолел не только проблему с эрекцией, но и справился с задержанной эякуляцией..

Его первый оргазм внутри партнера произошел, как и у тысячи других мужчин, неожиданно для него, когда он был свободен от беспокойства и тревоги и был с человеком, которого любил и которому доверял.

Держась за руки и обмениваясь нежными взглядами, мы смотрели в тот вечер пьесу, герои которой, Георг и Амалия, неожиданно для себя влюбились друг в друга. Музыка была прекрасной, диалоги остроумными, а игра актеров замечательной. Начинать отношения с бывшим клиентом было рискованным шагом, но наши пути пересеклись в нужный момент, и риск оправдал себя полностью..

Глава 12

В начале 1980 года мы с Майклом были ближе к моногамной схеме отношений, чем когда-либо. Несколько первых лет после нашего соглашения были временем экспериментов для нас обоих, но в конце концов, отказавшись от необязательных и мимолетных увлечений, мы пришли к стабильным, надежным отношениям вне нашего брака.

Я была с Бобом, а Майкл в 1976 году встретил девушку в «Сфисси»..

Мэг была не похожа на тех, кто обычно нравился Майклу. Он предпочитал женщин рубенсовского типа, страстный темперамент которых соответствовал чувственным формам. Он любил пышных, открытых и жизнелюбивых. Мэг была невысокой и миниатюрной. У нее были коротко стриженные светлые волосы и имидж юного сорванца.

Она обожала велосипед, любила бегать, а тело ее было подтянутым и слегка округлым, как туго набитая ткань. Она была тихой и задумчивой. Когда я впервые увидела ее, мне казалось, что она станет очередным недолговечным увлечением Майкла..

Я уже смирилась с нашим соглашением. Временами мне даже казалось, что такая жизнь поддерживает полное согласие в наших отношениях. Мы могли наслаждаться обществом других любовников, не нарушая при этом обязательств по отношению к нашим детям и созданной нами семье. Я думала, что мне удалось утереть всем нос, доказать, что мои родители ошибались вместе со всем своим поколением.

«Вот видите, – хотелось сказать мне, – я нарушила все правила и совершенно счастлива!» У меня была любимая работа, преданные друзья и брак, который, несмотря на всю свою эксцентричность, продлился дольше, чем многие предполагали. В целом я даже могла гордиться тем, как мы с Майклом устроили свою жизнь, отбросив отжившие условности и сохранив все самое главное..

Что еще важнее – мои дети были здоровы и счастливы. Майкл

по-прежнему был любящим отцом, которому удавалось поддерживать прекрасные отношения как с Джессикой, так и с Эриком. Не многие дети могли с такой откровенностью делиться с отцом мыслями, чувствами, тревогой и мечтами. Майкл прекрасно слушал – по-настоящему умел выслушать – детей, внимательно и с должным уважением.

Я не могу пожелать всем женщинам такого мужа, как Майкл, но я могла бы пожелать всем детям такого отца..

Тем не менее я испытывала смешанные чувства по поводу наших договоренностей. Мне никогда не нравилось делить Майкла с другими женщинами, и я чувствовала укол ревности каждый раз, когда он уходил на свидание с Мэг. В то же время мои собственные отношения так обогатили мою жизнь, что я чувствовала что-то вроде благодарности к Майклу за то, что он предоставил мне достаточную свободу, чтобы не чувствовать вины и необходимости лгать..

Единственной опасностью было то, что один из наших партнеров мог рано или поздно захотеть большего, чем могла дать им супружеская пара с двумя детьми. Привязанность нужно было контролировать и соизмерять таким образом, чтобы она вписывалась в созданный нами образец. В центре были Майкл, я, дети. Наши дополнительные отношения вращались вокруг нас по орбите, и все это имело смысл, пока всех, кто оставался на периферии, эта схема устраивала..

Холодным осенним днем 1978 года я обнаружила, что Мэг это больше не устраивает. Она попросила нас с Майклом приехать к ней в Беркли в субботу утром. Обычно я не выходила из дома так рано по выходным, но у нас с детьми было много запланировано в тот день, и я надеялась поскорее разделаться с этой встречей.

Как только я вошла в ее крошечную квартирку с одной спальней, то сразу почувствовала запах свежих вафель и кофе. При других обстоятельствах у меня появился бы зверский аппетит, но когда Мэг поставила передо мной тарелку и чашку, я уже знала, что поесть не удастся..

У Мэг были красные круги вокруг глаз, казалось, что она не спала всю ночь.

– Как ты, Мэг? – спросила я.

– Нормально.

По привычке я уже собиралась произнести «Все хорошо, спасибо», но запнулась, когда поняла, что она не задала ответного вопроса.

Мы сидели у нее в гостиной, и только Майкл мог начать есть.

– Я знаю, это неловко, но мне нужно было... нужно...

Она разрыдалась. Майкл положил вилку и протянул ей салфетку.

– Что же вы делаете?! – произнесла она прерывающимся от рыданий голосом.

– О чем ты? – спросила я.

– Ты хоть знаешь, что мне пришлось сделать, Шерил?

Я беспомощно смотрела на нее. Я не имела ни малейшего представления, о чем она говорит.

– Мне пришлось сделать аборт. Я забеременела от Майкла, и мне пришлось сделать аборт.

Забеременела от Майкла. Я думала, он принимает необходимые меры. Он выбрал меня в качестве жены, потому что знал, что я стану хорошей матерью, он всегда твердил, что единственное, ради чего стоит жениться, – это дети. «Детям нужны оба родителя, которые любят друг друга», – слышала я от него бесчисленное количество раз.

Конечно, он понимал, что не сможет быть хорошим отцом в двух семьях одновременно. Он что – совершил ошибку?.

Майкл закрыл лицо руками.

– Мэг, прости, что тебе пришлось это сделать...

– Вы понимаете, что играете людьми?

Мне было очень жаль Мэг, но я чувствовала раздражение. Она была взрослым человеком и согласилась на отношения с Майклом, зная, что он женатый человек с двумя детьми. Да, это «открытый брак», но это все-таки брак. У него есть ответственность передо мной и детьми, и думать он должен в первую очередь о нас.

Ей никто не лгал. Никто не заманивал ее ложными обещаниями, не пытался надуть. И потом – кто, по ее мнению, будет содержать этого ребенка. У Майкла не было работы. Я обеспечивала семью. Она жила на скромный заработок учительницы. Да и, наконец, почему они не предохранялись?.

– Понимаешь? Ты хоть понимаешь? – повторяла Мэг.

– Секундочку. Сколько тебе лет? – пыталась парировать я. – Ты взрослая женщина. Ты знала, на что идешь. Мне жаль, что тебе пришлось страдать, Мэг, но Майкл с самого начала был честен с тобой.

Мэг продолжала плакать. Я ковыряла вилкой в тарелке, Майкл смотрел в пол, как будто пытаюсь разгадать код, зашифрованный в узоре ковра.

– Это просто неправильно, – всхлипывала она.

Майкл поднялся и положил руку ей на плечо. Она обняла его, и он начал укачивать ее в своих объятиях, бросая на меня виноватые взгляды. Во мне снова вскипало раздражение, и я с удовольствием оставила Майкла одного, собрав посуду и удалившись на кухню. Я помыла и высушила наши тарелки вместе с несколькими другими, стоявшими в раковине, и, когда вернулась в гостиную, Мэг успокоилась настолько, чтобы наш уход не выглядел грубостью..

– Что, к чертям, происходит? – я потребовала объяснений, едва мы оказались в машине. – Как она забеременела? Вы что, не предохранялись?

– Она принимала таблетки, но ты же знаешь, они не дают стопроцентной гарантии. Нам просто не повезло. Что мне еще сделать? – говорил Майкл.

– Я скажу, что тебе сделать. Надевать презерватив. Сделать

вазэктомии. Заставить ее вставить диафрагму. Не надеяться на таблетки. Всегда нужна стопроцентная гарантия, Майкл.

– Знаю, знаю. Мы что-нибудь придумаем. Это больше не повторится, обещаю.

Я ему поверила. Отношения вне брака – пожалуйста, но две семьи – это уже слишком. Мы оба это понимали.

*

С тех пор я не видела Мэг почти год, до октября 1979 года. К тому времени мои отношения с Бобом стали очень прочными, и я надеялась, что после того неприятного завтрака у Мэг и Майклу стала очевидна необходимость соблюдать определенные правила. В день, когда она зашла к нам, я разговаривала по телефону со своим братом, который по-прежнему жил в Новой Англии.

Раздался звонок в дверь, я положила трубку на стол и, открыв дверь, обнаружила, что на нашем крыльце стоит Мэг. Мы секунду смотрели друг на друга с легким оттенком удивления. Наконец я поздоровалась. Она сказала, что пришла забрать проигрыватель, который лежал у нас в подвале. К моему облегчению, я услышала, как открылась дверь ванной и Майкл выручил нас из этой неловкой ситуации..

Я снова взяла телефон и еще около часа разговаривала с братом. Повесив трубку, я выглянула в окно и увидела, как Мэг открывает дверь машины, а Майкл кладет проигрыватель на заднее сиденье. «Что-то в ней изменилось», – подумала я. Потом я поняла, что на ней штаны-комбинезон. Это было странно, учитывая, что Мэг всегда носила спортивную одежду, и я скорее ожидала увидеть ее в леггинсах и длинной футболке..

Странно, но какая мне, в сущности, разница? У меня были заботы поважнее, чем отслеживать, как меняются модные тенденции в гардеробе Мэг.

В 1980 году моей дочери было четырнадцать, а сыну одиннадцать. Они оба находились в опасном подростковом возрасте, и я была намерена в течение всего этого времени дарить им ласку и сочувствие, которых не получила от своих собственных родителей. Я старалась быть спокойной, восприимчивой, отзывчивой, то есть полной противоположностью своей матери.

Я хотела, чтобы мои дети могли обратиться ко мне с любым вопросом, не боясь моего гнева..

Я все еще злилась на своих родителей, но старалась сгладить острые углы как ради меня самой, так и ради моих детей. Мама и папа любили своих внуков, а я хотела, чтобы дети были окружены любящими взрослыми. Я заплатила большую цену за неприязнь к ним и постепенно старалась избавляться от этого чувства с помощью терапии и жизненного опыта.

Я приезжала в Сэйлем по меньшей мере два раза в год. Лед между родителями и Майклом немного растаял, но чаще всего я ехала в Массачусетс одна, без него. В начале 1980 года я решила, что навещу родителей в мае..

Я окончательно определилась с датами поездки, и почти сразу же мне позвонила моя подруга Брендан, юрист с успешной практикой в Сан-Франциско. Она вынуждена была отменить уикенд, запланированный на начало мая, в великолепном отеле в Йосемити, включая ужин в ресторане. Она интересовалась, согласимся ли мы с Майклом провести этот уикенд вместо нее?.

Отель в Авани – это чудо архитектурного искусства. Он сочетает в себе черты классических и современных стилей, а из ресторана открывается великолепный вид на горы парка Йосемити. Мы с Майклом никогда бы не смогли себе этого позволить, но благодаря Брендан у нас появилась возможность совершить роскошную поездку.

Майкл ждал этого с тем же нетерпением, что и я..

Каждый раз я ждала путешествия домой с легким чувством тревоги, но теперь я могла бы за неделю до этого отдохнуть и восстановить силы в одном из самых спокойных и красивых мест планеты. Я решила, что

сделаю себе подарок и куплю новое платье, чтобы появиться в нем на ужине в Авани. Давно уже в моей жизни не было безумства, которое я могла бы разделить только с собой.

В отличие от остальной моей одежды, которую я по большей части приобретала в секонд-хендах, это платье я надену первая..

Одним февральским утром я встала в воскресенье пораньше и отправилась в Сан-Франциско. Я провела в магазинах весь день в поисках платья для своего путешествия. Конечно, было еще рано, до поездки оставалась еще пара месяцев, но я торопилась расстаться с деньгами. В конце концов я остановилась на зеленом шелковом платье без рукавов, с ремнем на талии и бисерной вышивкой на груди.

Я примерила его и рассмотрела себя в зеркале под всеми возможными углами. Идеально. Я буду такой же изысканной, как и все эти дамы в изысканном Авани. Пришлось расстаться с двумя сотнями долларов, которые я собирала последние несколько месяцев, но мне нечасто выпадала возможность совершить такую поездку, и я собиралась получить от этого как можно больше..

Я несколько месяцев жила в предвкушении поездки. Я лавировала между делами и обязанностями в лихорадочном темпе работающей мамы и постоянно напоминала себе, что с каждым шагом приближаюсь к своему роскошному уикенду. Иногда после трудного дня я доставала из шкафа новое платье, надевала его и говорила себе, что скоро смогу отдохнуть от трудов.

С таким же нетерпением я ждала, когда мы останемся наедине с Майклом. Нам редко удавалось быть вдвоем, без детей, но эти минуты напоминали нам, почему мы влюбились друг в друга. В последнее время мне начало казаться, что мы отдаляемся друг от друга, и я надеялась, что поездка восстановит чувство близости между нами..

Я составила свое расписание таким образом, чтобы четверг перед выходными в Йосемити был свободен. Мне нужно было выкупить в туристической фирме билеты для путешествия домой на восток, и я хотела собрать вещи без помех. Я стояла посреди спальни, глядя на открытый чемодан, и размышляла, как сложить платье так, чтобы оно не смялось.

Я решила не рисковать и положить его прямо с вешалкой на заднее сиденье машины. Мне нужно было только завернуть его в оберточную бумагу, которая валялась где-то в комнате, и платье было бы доставлено в Авани в его первоначальном виде..

В то время наша с Майклом кровать представляла собой конструкцию из множества выдвижных ящиков. Майкл сделал ее почти сразу же, как только мы переехали в этот дом. Сначала она мне не нравилась, но потом я вынуждена была признать, что в этом чулане, который мы, сильно преувеличивая, называли спальней, совместить кровать и шкаф было правильным решением.

Я поискала в ящиках со своей стороны кровати, но бумаги там не было. Я направилась к ящикам Майкла. «Что за неряха!» – думала я, разгребая конфетные обертки, газеты и использованные салфетки. На тумбочке рядом с лампой стояла недопитая банка «Доктора Пеппера». Я давно оставила всякие попытки привести эту половину комнаты в порядок.

Я открыла верхний ящик и под стопкой футболок и свитеров на дне ящика обнаружила письма..

Их было около двадцати пяти, писем Мэг к Майклу, все со штемпелем городка на северо-западе. Я достала их и положила на кровать. Я расположила их в хронологическом порядке. У меня быстро стучало сердце и дрожали руки. Я хотела убежать оттуда. Мне нужно было прочитать эти письма, но еще мне нужно было идти забирать билеты.

Мне казалось, что я заключена в своем собственном теле, как в тюремной камере. «Нужно забрать билеты», – подумала я. Я быстро приняла решение. Я взяла старую сумку, сложила письма, чтобы не нарушить их порядок, и засунула их в сумку..

Я проехала несколько кварталов и поставила машину на парковку рядом с туристическим агентством. Открыла сумку и нащупала письма. Все мое тело как будто обмякло, а челюсть болела – я слишком сильно сжимала зубы. Одно за другим я читала письма, описывающие процесс развития беременности Мэг. Она писала, как радовались родители, что у них скоро будет внук; пересказывала слова врача и давала ребенку разные имена; говорила Майклу, как она скучает по нему и по

головокружительному сексу, который подарил ей ребенка, которого она так хотела.

«Врач сказал, что это может случиться совсем скоро», – гласило одно из последних писем..

С трудом можно описать бурю эмоций, которые охватывали меня, пока я читала. Но самыми главными были – тревога, ярость и отчаяние. Эта было крушение, по силе сопоставимое с тем, что мы пережили по пути в Калифорнию несколько лет назад. Чувства удивительной яркости, которые я не могла отбросить от себя так же, как не могла отмахнуться от последствий аварии..

Я сидела в машине около часа, стараясь взять себя в руки и пойти за билетами. Я достала кошелек и пересчитала деньги. Я сделала это дважды, просто чтобы оттянуть тот момент, когда мне придется с кем-то заговорить. Я положила деньги обратно в кошелек и вышла из машины. Я шла к дверям, когда увидела высокого человека, который почти бежал мне навстречу.

Наверное, я тогда обронила деньги, а человек подобрал их и ушел. Не знаю, что произошло в действительности, но почти сразу я обнаружила, что мне не хватает четырехсот долларов..

Когда я добралась до дома, я была рада двум обстоятельствам: что не попала в аварию и что дома никого не было. Я легла на кровать и разрыдалась. Это было предательство, которого я не испытывала никогда раньше. Я плакала по многим причинам. Я чувствовала гнев, унижение и обиду. Боль становилась невыносимой от того, что Майкл одним движением перечеркнул единственное, что придавало смысл нашему браку.

Дети у него теперь были не только от меня. Очевидно, Мэг должна была стать такой же хорошей матерью, как и я, и единственное преимущество, на которое я претендовала, у меня отняли. Неужели весь этот брак – просто насмешка. Я вспомнила тот осенний день, когда видела Мэг в комбинезоне. Она была беременна, поэтому на ней были эти штаны, – я внезапно осознала это с чудовищной ясностью..

Я еще не до конца понимала, что мне делать с открывшимся мне

знанием, но сидеть и молчать я не собиралась. Я была слишком потрясена, чтобы притворяться, что ничего не знаю. Как начать этот разговор, я не представляла. Как бы я ни старалась сохранить спокойствие, мне это, скорее всего, не удастся.

Мне нужно было взять себя в руки. Скоро придут дети и, наверное, Майкл. Я вытерла слезы и высморкалась, понадеявшись, что это немного успокоит меня. Я собрала письма, разложила по конвертам и снова сунула в ящик, не переставая всхлипывать.

Я услышала звук отворяющейся двери и поняла, что Джессика и Эрик вернулись из школы.

– Эй? – позвал Эрик.

Я бросилась в ванную, сделала глубокий вдох и крикнула: «Я в ванной». Я очень старалась, но мне, видимо, не удалось скрыть слезы, потому что Эрик спросил, в порядке ли я.

– Да, в порядке, я просто поспала немного. Хочу принять душ.

Я включила воду, сняла одежду и второй раз за день залезла в душ. Это был единственный способ выиграть время и привести себя в порядок, чтобы дети не заметили моих слез.

Майкл не появился и после ужина. Я легла в кровать и попыталась читать, но проплакала почти целый вечер. Около десяти я услышала, как он открывает входную дверь. Я выключила свет, отвернулась к стене и притворилась, что сплю.

Я слышала, как он возится на кухне, включает телевизор. Вскоре он пришел в спальню. «Даже не подозревает, что я все знаю», – подумала я. Я смотрела, как его тень снимает джинсы, надевает пижаму. Я чувствовала себя вуайеристом, который наблюдает за незнакомцем.

На следующее утро мы с Майклом погрузили вещи в машину, поцеловали на прощание Джессику и Эрика и начали наше трехчасовое путешествие в Авани. Майкл сидел за рулем. Он свернул на шоссе и присоединился к потоку машин.

– Я скоро уезжаю в Сэйлем, – сказала я.

– Ага, – ответил Майкл.

– Я полечу через всю страну. Долгое путешествие. Все что угодно может произойти. Кто знает, вдруг самолет упадет? Ты ничего не хочешь мне рассказать на всякий случай?

– Что? Ты о чем?

– Ну, знаешь. Если бы я вдруг умерла сейчас, ты ничего не хотел бы мне рассказать?

– Нет. Конечно, нет.

Через два часа мы остановились пообедать, потом снова сели в машину, включили музыку, и я раздумывала, как буду выпытывать у Майкла его секрет.

Мы приехали в Авани около четырех, уставшие и голодные. Наверху мы немного отдохнули. Потом я приняла душ, сделала прическу, надела свое новое платье и накрасилась. Я посмотрела на себя в зеркало и подумала о том, как много узнала с тех пор, как купила это красивое платье из зеленого шелка. Сейчас мне казалось, что глупо было его покупать.

Это был поступок человека, который весело суетится и бегает туда-сюда, не замечая, что над его головой сгущаются тучи. Когда я вышла из ванной, Майкл улыбнулся: «Ты такая красивая». Я выдавила из себя ответную улыбку и взяла сумочку..

Майкл надел пиджак, и мы спустились в ресторан. Ресторан в отеле Авани великолепен – высокие потолки и огромные окна с видом на чудесный пейзаж. «Наверное, в других обстоятельствах мне бы это понравилось», – сказала я себе. Мы заказали ужин и бутылку вина. Вскоре я выпила достаточно, чтобы снова попытаться разговорить Майкла..

– Ты уверен, что тебе нечего мне сказать? Представь, что это твоя последняя возможность признаться.

– Что ты имеешь в виду? Что с тобой такое?

– Я просто хочу сказать, что нам нужно быть абсолютно честными друг с другом, потому что никогда не знаешь, что может случиться в следующую минуту.

Мне потребовалась вся моя выдержка, чтобы не выложить ему все. Я была так зла, что мне хотелось вскочить и закричать: «Я скажу тебе, что со мной такое!»

– Мне нечего тебе рассказывать, – Майкл стоял на своем.

На следующее утро я решила, что перестану пытаться вытянуть из Майкла правду. Он не собирался признаваться, поэтому если я хотела объяснений, то должна была начать сама. Дохлый номер – добиваться от него правды. Я никак не могла успокоиться, и мне было нелегко сдерживать себя.

Мы почти весь день провели в горах. Мне требовалось почти физическое усилие, чтобы не поддаться злости и волнению. Майкл в последние годы набрал вес и так тяжело дышал, что не был способен беседовать, взбираясь по крутым тропам. Это было большим облегчением. Я не думаю, что могла бы в тот момент непринужденно болтать.

Вернувшись с прогулки, мы с Майклом поднялись в комнату, чтобы немного отдохнуть..

Мы снова поужинали в ресторане, и, несмотря на несколько бокалов вина, я не поддавалась искушению снова попробовать добыть из него информацию. Мы отправились наверх и страстно занялись любовью. Я хотела напомнить ему о том, что бы он потерял, если бы я не стала его женой. Необходимость держать себя в руках все это время очень утомила меня.

Майкл не знал этого, но я таким образом хотела выразить то, что чувствую, не прибегая к объяснениям. Когда мы закончили, Майкл уснул в моих объятиях. Я лежала без сна несколько часов, пока меня тоже не сморил сон..

Я проснулась на следующее утро, едва только первые солнечные лучи окрасили небо тускло-розовым. Я подняла глаза, и на мгновение мне стало жаль, что я узнала секрет Майкла. Каким бы чудесным мог быть это

уикенд, если бы я не выяснила все днем раньше. Что мне делать. Я не стану хранить этот секрет, от удара судьбы не уклониться.

Я оперлась на локоть и посмотрела на Майкла. Его грудь поднималась и опускалась, он еле слышно храпел. Я наблюдала за ним несколько минут, пока он не открыл глаза..

– Что такое? Что происходит? Что ты делаешь? – спросил он.

– Я знаю, Майкл. Я знаю про ребенка.

Он не мог закрыть рот.

– Какого ребенка?

– Ты знаешь, какого ребенка, Майкл. Я знаю, что Мэг бере...

У меня сорвался голос, и ручьем потекли слезы.

– Я не знаю, что делать, – всхлипывала я.

Майкл не произносил ни слова.

– Как ты думаешь, что я должна теперь чувствовать, Майкл?

– Я думал, ты не будешь против, – ответил он.

Что? Думал, что буду не против? Это было последнее, что я ожидала услышать. Это не просто неправильный ответ – он звучал нелепо. Как он мог подумать, что я буду «не против»? Мне казалось, что вот-вот зазвучит страшная музыка. Мир перевернулся с ног на голову.

– Да кто ты такой? Кто я по-твоему? Я думала, что ты знаешь меня лучше всех на свете, а ты, оказывается, вообще меня не знаешь.

– Я думал, ты не будешь принимать это близко к сердцу.

– Что? – вскричала я. – Да с чего ты это взял? А что потом? Когда ты собирался мне рассказать?

– Ну, я хотел подождать, пока ребенок не вырастет.

– Это что – шутка?

Майкл не смотрел на меня.

– Нет, правда, ты сдурел? Мы были бы вместе все эти годы, а потом в один прекрасный день я открываю дверь, а на пороге непонятный подросток, который оказывается твоим ребенком. И что дальше? Ты меня представишь, и мы сделаем вид, что ничего не произошло?

– Шерил, это ничего не значит. Ты моя жена, а не Мэг. Ребенок родился несколько недель назад, а меня там даже не было. Я был с тобой.

Наверное, это должно было меня успокоить? Это какой-то извращенный способ сказать мне, что я ему не безразлична?

– Если это ничего не значит, то почему ты не рассказывал мне?

Майкл тяжело вздохнул и закрыл лицо руками.

– Какая разница? Ведь жена ты, а не Мэг.

Мне казалось, что меня сейчас стошнит. Я встала, подошла к окну. Отдернула занавеску и посмотрела на открывающийся пейзаж. То, что я раньше считала красивым, сейчас казалось мне беспорядочным лабиринтом нелепых поступков, который заглатывает людей и таит в себе бесчисленные опасности.

– У нее родился ребенок. Кто это, Майкл? У тебя еще один сын или еще одна дочь? – спросила я, по-прежнему глядя в окно.

– Девочка. Она родила девочку.

Я повернулась и посмотрела на него.

– Как ты мог это допустить? После того случая ты пообещал, что будешь осторожен.

– Мэг очень хотела иметь ребенка, а она стареет. Она сказала, что я ее должник после аборта, но, Шерил, от меня ничего не потребуется. Я не буду присутствовать в их жизни.

– Ее должник? Ты не сказал ей, что она с ума сошла? И ты согласишься на то, чтобы не иметь ничего общего с этим ребенком?

Я, безусловно, приняла это очень близко к сердцу.

– Она дома, с матерью. У нее большая семья, они ей помогут. Они были рады, узнав, что она беременна. О ребенке будет кому позаботиться.

Не знаю, как я устояла на ногах. Человек, которого я считала идеальным отцом, который так много рассуждал, как детям нужно внимание и забота обоих родителей, говорил мне, что он не собирается ничего делать ради своего ребенка.

– Нет, Майкл. Если мы останемся вместе, ты не бросишь ребенка. Ты будешь проводить с ней время. Ты будешь навещать ее два или три раза в год. Как ты представляешь себе это – она не будет даже знать, кто ее отец. И еще кое-что: хватит. Хватит трахаться с другими женщинами. Не сейчас, когда ты сделал себе еще одну семью..

– Ладно, ладно, я как-нибудь справлюсь, – говорил Майкл.

Он слишком легко принял это. Как будто от него не требовалось никаких усилий, чтобы осуществить мое требование.

– У тебя нет выбора.

Я говорила так, как будто мои желания имели для него хоть какое-нибудь значение. Идиотизм этой ситуации состоял в том, что я все еще любила Майкла. Я выросла и могла представить себе жизнь без него, но этого было недостаточно, чтобы заставить меня этого хотеть. Майкл был подлецом по многим причинам. Это становилось очевидным с каждым его следующим поступком, но вот уже год это подтверждало и кое-что еще: я сравнивала его с Бобом..

Боб оставался верным, надежным – прекрасным. Я встретила с ним после поездки в Авани и рассказала про новую семью Майкла. Он утешал меня, пока я плавала в море слез. Боб думал только обо мне. Он не пытался обвинять Майкла или обращать ситуацию в свою пользу. Наверное, другой мужчина увидел бы в этом шанс навести меня на мысль бросить мужа, которому, даже учитывая наше соглашение, вполне подходило

определение «дамский угодник».

Но не Боб. Он просто не способен был быть приспособленцем, особенно со мной. Если бы я решила развестись, он бы меня поддержал, но и в противном случае он был бы на моей стороне. Он просто любил меня и хотел, чтобы я была счастлива. Когда я рассказала ему ошеломляющие новости, он уложил меня в постель и гладил по голове, пока я плакала.

Я страшно жалела себя, но когда подняла глаза и увидела взволнованное лицо Боба, не могла не подумать о том, как мне все-таки повезло..

Глава 13

Через несколько лет после того, как Майкл перевернул с ног на голову мою личную жизнь, мне пришлось столкнуться на профессиональном поприще с человеком, который всерьез напугал меня.

Бредли направила ко мне Памела, психотерапевт, с которой мне и раньше доводилось работать.

Он был необычным клиентом. Причины его патологии лежали гораздо глубже, и проблема была значительно серьезнее, чем у любого другого клиента. Бредли недавно вышел из тюрьмы, где сидел пять лет за домогательство по отношению к семилетней девочке. Прежде чем начать работу с ним, я долго обсуждала с Памелой, какие последствия это может за собой повлечь.

Памела работала совместно с одной из своих коллег, которая занималась лечением педофилии. Они разрабатывали теорию, согласно которой люди, подобные Бредли, могут с помощью суррогатной терапии и других методов лечения перенести свои сексуальные потребности на взрослых женщин. Бредли был не первым клиентом, на котором они проверяли правильность этого подхода.

У некоторых из них они заметили признаки улучшения, которые, как надеялась Памела, лягут в основу новейших методов лечения и помогут сделать мир безопаснее для детей..

Было непросто согласиться работать с Бредли. С одной стороны, я признавала, что Памела права, стараясь восстановить человека, который вышел из тюрьмы, как полноправного члена общества вне зависимости от того, исправился он или нет. С другой стороны, я понимала, что буду уязвима, работая с человеком, совершившим одно из самых ужасных преступлений на свете.

Как мать я чувствовала тошноту при мысли о том, что он сделал, но так же как мать я решила, что если моя скромная роль поможет обеспечить

безопасность детей, то я должна это сделать. Я согласилась принять Бредли. Возможно, это прозвучит как наивный идеализм, но я думала, что если мои навыки могут помочь таким специалистам, как Памела, в разработке способа лечения этого опасного заболевания, то я должна взять на себя эту ответственность..

Нельзя недооценивать значение симпатии к клиенту. Я щедро пользуюсь этим оружием во время работы. В противном случае я не думаю, что мне удалось бы достичь какого-либо результата. В случае с Бредли мне пришлось сделать сознательное усилие над собой, чтобы начать ему сопереживать. Это, безусловно, не означает, что я хоть сколько-нибудь примирилась с тем, что он сделал.

Мне пришлось бороться с собой, чтобы подавить страх и встретить его так же приветливо, как я встретила бы любого другого клиента. Это было трудно, но я смогла это сделать. Если я соглашаюсь работать с кем-либо, это значит, что я должна сделать все от меня зависящее, чтобы разрешить его проблему, а это возможно, только если ты сопереживаешь, а не осуждаешь..

Когда мы с Бредли договаривались о встрече по телефону, мне не показалось, что он защищается или сопротивляется. Он просто плыл по течению и выполнял то, что ему предписали.

В течение нескольких дней, предшествующих нашему занятию с Бредли, я прикладывала все усилия, чтобы унять страх и волнение. Мне приходилось часто напоминать себе о конечных целях этой работы. В день перед сеансом мы с Памелой еще раз обсудили, как особенности проблемы Бредли отразятся на рабочем процессе.

Мы решили, что, учитывая интенсивность терапии, которую он проходит с Памелой, я не буду на первом сеансе подробно останавливаться на его детстве и раннем сексуальном опыте, как это обычно происходит с другими клиентами..

Как многие другие педофилы, в детстве он подвергся сексуальному насилию со стороны одного из родственников. Памела работала с ним уже около трех месяцев. Он согласился пройти курс терапии, не скрывался от надзирателя, и не было никаких признаков того, что он снова совершит

преступление. Он жил рядом со своей сестрой, и у него была постоянная работа – техник в лаборатории.

Он, кажется, не делал ничего плохого, но Памела говорила, что не видит ни угрызений совести, ни какой-то значительной перемены. Можно ли было повлиять и изменить такого человека, как Бредли. Или корни его патологии таились слишком глубоко, чтобы до них могла добраться суррогатная терапия или какой-либо другой из доступных нам способов лечения подобных заболеваний?.

Я назначила первый сеанс на утро, надеясь тем самым сократить количество часов, предшествующих нашей встрече, которые я неизбежно должна была провести в тревоге. Я встала рано и сделала несколько циклов бесценных дыхательных и расслабляющих упражнений, которым научилась на курсах подготовки. К назначенному часу мне удалось подавить мрачные предчувствия, и, чтобы помочь ему, я готова была сделать для него все, что только смогу..

Тем не менее, когда я открыла дверь и увидела этого худощавого темноволосого человека, у меня по спине пробежали мурашки. Он был странный. Я почувствовала дрожь в пальцах, дыхание участилось. Мне казалось, что грудь и плечи перетягивают шнуром. Я сразу же начала говорить, чтобы заглушить страх. «Спасибо, что пришли», – сказала я.

Бредли кивнул и вошел в квартиру. У него был красноватый цвет лица и сальные черные волосы – немые и, кажется, недавно окрашенные..

Я задала несколько бесполезных вопросов. Он немного рассказал о своем скудном сексуальном опыте с женщинами, который включал в себя проблемы с эрекцией и неспособность поддерживать отношения дольше нескольких недель. Последний раз у него была девушка восемь лет назад, когда ему было двадцать два года.

Я рассказала, как будет проходить наша работа, и объяснила, что она предполагает постепенное нарастание близости и постоянный отчет о собственных ощущениях..

Пришло время пройти в спальню. Я почувствовала, как мой желудок сжался в комок, и мне пришлось сделать глубокий вдох прежде, чем я смогла показать Бредли дорогу. Когда мы разделись, я заметила, что кожа

у него сиреневатого оттенка. «Я не хочу, чтобы он лежал на моих простынях», – подумала я, хотя понимала, что это именно то, что он собирался сделать.

Когда мы легли рядом друг с другом, я начала показывать расслабляющие упражнения, которые нужны были как ему, так и мне. Я попросила его закрыть глаза и сделать несколько глубоких вдохов. Он не обращал на мои слова никакого внимания, рассуждая о том, как он добирался сюда, о тюремной еде, предстоящей рыбалке, своем неприятном начальнике и еще многих вещах, никак не относящихся к делу.

Каждый раз, когда я просила его сосредоточиться на своем теле и глубоко вдыхать, он замолкал, но через несколько секунд снова начинал говорить..

Было трудно заставить себя лежать рядом с ним, и в первый и последний раз за всю мою практику я решила пропустить упражнение «ложечка». Я просто не смогла бы прижаться к нему. Мы начали «тактильный контакт». Я опустилась на пол и начала с его ступней. У него были слишком длинные ногти на ногах, а под ногтями – полукружия въевшейся грязи.

У меня в голове звучал голос – беги отсюда. Если бы я только могла это сделать. К тому времени я перенесла свой офис к себе домой, и убежать означало оставить Бредли одного в своем доме. Я продолжила ощупывать его тело. У него была холодная, влажная кожа, а под коленями – сосудистые звездочки. От него пахло потом и плохим табаком..

В течение всего упражнения Бредли не переставал разглагольствовать и внезапно начал произносить вещи, от которых у меня застыла кровь в жилах. Он рассказывал о Джине – девочке, которой помогался. Она была семилетней дочерью его бывшего работодателя.

– Бредли, нам важно сосредоточиться на твоём теле. Просто следите за моими руками и рассказывайте о своих ощущениях.

– Джина предала меня, – говорил он, не обращая внимания на мою просьбу, – а Тереза никогда этого не сделает.

– Тереза? – переспросила я.

– Моя соседка со светлыми кудряшками, – ответил он.

Мои руки лежали на его жилистых бедрах.

– Тереза приходит после школы, чтобы посмотреть, как я надеваю мои специальные шорты, в которых ей меня видно.

Я отняла руки и опустилась на пол.

– Ей нравится смотреть, как он становится больше и больше, – продолжал он. – Она хихикает, когда из шорт выливается. Вчера я впервые коснулся ее волос. Совсем скоро настанет время пригласить ее к себе, но не сейчас.

Я вспомнила слова Памелы – ничто не указывает на то, что он снова намерен совершить преступление. Почему он мне это рассказывает. Он разве не понимает, что я обязана сообщить властям. Он разве не понимает, что я это сделаю. Меня охватила паника. Что, если он нападет на меня. Если придется спасти свою жизнь, я со всей сил ударю коленом в мошонку.

Будет ли этого достаточно. Что, если он сильнее меня. Быстрее. В доме никого, моих криков никто не услышит. Что, если он прыгнет и схватит меня за горло. Мои страхи, наверное, были преждевременными, потому что Бредли не проявлял никаких признаков волнения. Если быть точной, он был спокоен, как будто диктовал свой домашний адрес..

Я медленно поднялась, начала одеваться и попросила Бредли сделать то же самое. Я сказала, что наше первое занятие подошло к концу.

– Бредли, – сказала я, – было приятно с тобой познакомиться. Не уверена, что наша совместная работа поможет тебе с решением твоей проблемы, поэтому прежде, чем назначить следующий сеанс, мне нужно поговорить с Памелой.

Он застегнул штаны, надел свою джинсовую куртку и направился к выходу. Я смотрела, как он садится в машину и отъезжает от моего дома. Я дважды ошиблась, набирая номер Памелы, и, когда наконец она ответила, мой голос звучал непривычно глухо.

– Шерил? – переспросила Памела.

– Да. Это я. Извини. Я только что закончила сеанс с Бредли. Его нужно остановить.

Я пересказала Памеле то, что он говорил мне, и спросила, кому из нас нужно позвонить в полицию. Памела быстро повесила трубку и сделала необходимый звонок.

Случай с Бредли был, без сомнения, самым страшным испытанием за всю историю моей практики. После жуткого сеанса мне пришлось взять несколько дней передышки. Мне лишний раз напомнили, как я уязвима во время своей работы. Я так привыкла думать о своих клиентах как о тех, кто рискует и набирается храбрости, чтобы что-то изменить, что редко задумывалась о том, какой физический ущерб может быть причинен мне..

Однажды утром на той же неделе, когда я пила кофе у себя на кухне, я решила просмотреть записи о предыдущих клиентах, которыми были забиты шкафы в гостиной. Я открыла верхний ящик и, перетащив на диван столько папок, сколько могла унести, принялась их листать. В этих папках было множество историй о победах, о добрых, достойных людях, которые пришли ко мне в поисках близости, любви, взаимопонимания со своим настоящим или будущим партнером.

Это мои клиенты. Именно это мне было нужно, чтобы увидеть положительную сторону своей встречи с Бредли. Этот случай снова напомнил мне, почему я посвятила себя этой работе..

Глава 14

«Чем твоя работа отличается от проституции?» – этот вопрос стоит в самом начале списка самых часто задаваемых мне вопросов. Иногда его задают смущенно, иногда выдают за предмет научного интереса. В самом начале своей карьеры я все время пыталась придумать убедительный ответ. Я прекрасно понимала разницу, но не знала, насколько стоит углубляться в подробности того, что я делаю, и почему моя профессия так важна..

Стивен Браун, тоже суррогатный партнер, с которым я познакомилась в начале семидесятых, придумал прекрасную аналогию, которой я пользуюсь до сих пор. Когда ты обращаешься к услугам проститутки, ты как будто приходишь в ресторан: выбираешь, ешь и уходишь, и владелец ресторана надеется, что ты еще вернешься и приведешь друзей.

Обратиться к суррогатному партнеру – это как записаться на кулинарные курсы. Ты узнаешь интересные рецепты, приобретаешь новые навыки, развиваешь вкус, а затем выходишь в большой мир, обогащенный новым знанием. Если все идет хорошо, ты снова и снова готовишь избранным сотрапезникам великолепный ужин. «Это очень точно.

Я скорее Джулия Чайлд, чем Ксавьера Холландер», – ответила я Стивену[6]..

Стивен был одним из немногих мужчин среди суррогатных партнеров и работал преимущественно с гомосексуалистами. Он понравился мне сразу же, стоило нам познакомиться. С его темными волосами, обрамлявшими худое лицо, и высокой стройной фигурой у него не должно было быть недостатка в сексуальных партнерах.

Мы со Стивеном сплетничали о наших любовниках и рассказывали друг другу о собственных подвигах. Мы обсуждали нашу работу, и это помогало нам обоим. Вряд ли можно делиться историями с работы с мамами из школьного родительского комитета, когда ты суррогатный партнер, поэтому я была рада найти поверенного своих тайн, который разделял мою любовь к своей профессии и мог оценить трудности и

успехи.

Мы могли положиться друг на друга с той уверенностью, которую дает настоящая дружба. Иногда он отчасти в шутку, отчасти всерьез говорил, что нам нужно пожениться, но у меня уже было два мужа..

Тридцать первого октября 1981 года мы с Бобом поехали в Рино, недалеко от Лас-Вегаса, и поженились. Церемония проходила в здании городской мэрии, вела ее мировой судья. Она прочла свадебное благословение североамериканских индейцев, которое, казалось, было написано специально для нас.

– Вы не будете знать дождя, потому что каждый из вас будет укрывать другого. Вы не будете знать холода, потому что каждый из вас будет согревать другого, – так оно начиналось. Это как раз и была та обоюдная забота, на которой строились наши отношения. – Относитесь друг к другу с уважением и напоминайте себе, благодаря чему вы вместе.

Главное – это нежность, мягкость и доброта, которой заслуживает ваш союз, – продолжала судья..

Я несколько не сомневалась, что в этих словах уместается все наше совместное будущее. Когда она закончила читать молитву, мы с Бобом обменялись кольцами и вышли из часовни на звонкий осенний воздух.

Мы поселились в отеле «Харрас» и занимались там самым прекрасным в нашей жизни сексом. Теперь мы были мужем и женой, и обоюдная страсть стала прославлением нашего союза, который стал еще крепче. Мы провели наш медовый месяц в кровати. Я испытывала такое счастье, которого, казалось, никогда больше не смогу испытать после событий последних лет.

Я все еще могла любить и быть любимой. Боб и наши с ним отношения были нерушимы, а теперь мы зафиксировали это – или, скажем, отчасти. Наш брак не был законным, потому что я все еще была замужем за Майклом..

Мне было все равно. Мы с Бобом не могли иметь детей, потому что я была бесплодна, а он сделал вазэктомию. Поэтому когда он спросил, не выйду ли я за него замуж, просто для нас двоих, я согласилась, потому что

полностью доверяла ему и любила всем сердцем. Церемония не была официальной, но для нас это был залог преданности друг другу.

Боб сказал, что я – любовь всей его жизни, и видеть меня несколько раз в неделю всегда было для него важнее, чем жить с кем-то другим круглые сутки..

Когда Майкл узнал, как я провела Хэллоуин, он пришел в ярость, но для меня это мало что значило. Я пережила свою порцию унижения, когда он завел себе внебрачную семью, поэтому, если ему не нравилось, что у меня есть второй муж, это были его проблемы, а не мои.

– Тебе придется смириться с этим, Майкл, так же, как я смирилась с тем, что у тебя теперь есть вторая семья, с Мэг, – заявила ему я.

В припадке гнева Майкл позвонил своему другу-юристу. Он, очевидно, надеялся, что тот подтвердит, что я рискнула финансовой будущностью нашей семьи.

– Что, если он начнет судиться с нами? Он же все у нас отберет, – ревел Майкл.

Он не понимал, в какие юридические тонкости пришлось бы углубиться Бобу, чтобы это осуществить, а я не считала нужным ему объяснять. Боб никогда бы не стал делать ничего подобного, и даже если бы у него было такое намерение, ни я, ни Майкл не смогли бы сформулировать, какие правовые основания он на это имел.

Мы оба знали, что он просто стремился пробудить во мне страх, раскаяние, чувство вины, и еще было очевидно, что это не сработает. Его пустые угрозы не напугали меня, и он быстро отказался от них..

Привязанность Боба ко мне становилась только сильнее. В 1983 году Майкл попытался еще раз подорвать фундамент наших отношений. Мэг снова была беременна. Раньше я восхищалась тем, что Боб не позволил себе осуждения по отношению к Майклу, теперь я удивлялась, как он может до сих пор не начать осуждать меня.

Я бы полностью разделила его точку зрения, если бы он захотел узнать, что со мной не так. Почему я продолжала жить с человеком,

который вытирал ноги об мои чувства. У любви своя логика. Боб знал это, и я думаю, он знал, что помочь мог, только продолжая любить меня, ни в чем не сомневаясь. Я даже не представляла, что на свете бывает привязанность настолько бескорыстная.

Без него я бы давно пришла к выводу о том, что по природе своей не создана для любви, что не достаточно хороша, чтобы кто-то посвятил мне жизнь. Боб доказал мне обратное. Но я все равно продолжала жить с Майклом и возвращаться к нему почти каждую ночь..

Я не была готова оставить Майкла. Моя любовь к нему лежала в самом основании моей сущности. Я не могла выбирать, как не могла подняться в воздух, преодолев притяжение. Я даже не могла до конца объяснить ни себе, ни окружающим, почему я его люблю, и это меня пугало. Я предупреждала его, что он разрушит мою любовь, если не перестанет наносить мне обиды.

Любовь не уходила, но она стала не зависящей от меня силой, которую я начинала отрицать. Иногда, оставаясь одна, я пыталась представить чувство, которое испытывала к нему в самом начале нашего романа, но, несмотря на все усилия, пути назад я не видела. Я видела только, что у воображения есть пределы..

*

В начале восьмидесятых смятение царило не только в моей личной жизни. Сообщество суррогатных партнеров было охвачено страхом, который подогревали средства массовой информации, – появление новой страшной болезни. Никто не знал точно, как она возникает, и ни малейшего представления не имел о том, как ее лечить.

Сначала она распространялась в основном среди мужчин-гомосексуалистов, потом была зафиксирована и среди гетеросексуалов. Сначала Стивен узнал о болезни одного своего знакомого, затем двух, пятерых, семерых. Страх распространился среди его друзей,

которые часто ходили в общественные купальни в Сан-Франциско.

Люди вполголоса обсуждали заболевание, которое, казалось, распространяется, как эпидемия. Изнурительный недуг, сопровождавшийся целым рядом страшных заболеваний – инфекции, лимфомы, саркома Капоши, молочница, пневмония. Стивен знал людей, которые на глазах превращались в скелет, когда болезнь безжалостно пожирала их тела и жизни.

СПИД выступил на сцену..

Суррогатные партнеры и люди, чья профессия была связана с сексом, были охвачены еще большим ужасом, чем широкая публика. В 1983 году новостные программы объявили, что СПИД зафиксирован среди гетеросексуальных женщин. Люди строили догадки о том, как распространяется заболевание. Можно ли заразиться через поцелуй.

Через сигарету. Может быть, болезнь распространяется по воздуху. Как и любой другой суррогатный партнер, я постаралась отделить достоверную и правдивую информацию от множившихся слухов и гипотез. Я сомневалась, смогу ли продолжать работу, и задумывалась о том, чтобы оставить практику. Может быть, пришло время найти другую работу.

Я проходила курсы массажа. Наверное, я смогу заниматься этим, но что, если мой клиент вспотеет. Можно ли заразиться от этого. Чтобы моя тревога не переросла в панику, нужно было срочно добыть информацию..

В 1983 году Центр по контролю и профилактике заболеваний сообщил в числе прочего, что«...по всей видимости, возбудители болезни распространяются через половой контакт, грязные шприцы или, что менее вероятно, через подкожные прививки инфицированной крови или препаратов крови». Они также сказали, что не найдено доказательств того, что заболевание распространяется воздушно-капельным путем или через обычное прикосновение.

Картина немного прояснилась. Я могла не беспокоиться, что я или мои дети заразимся СПИДом через рукопожатие или кашель. Но необходимость обезопасить себя сохранялась. Суррогатные партнеры начали оставлять практику, и я приняла решение – я не последую их примеру. Я любила свою профессию. Это была работа всей моей жизни, и я

не собиралась от нее отказываться.

Я стремилась узнать о СПИДе как можно больше и подстроиться под обстоятельства, чтобы сделать себя менее уязвимой..

В 1984 году Стивен, еще несколько суррогатных партнеров с побережья и я набились в маленький фургон и отправились в Палм Спрингс на конференцию Организации по научному исследованию сексуальности, или «Эс в квадрате» (Society for the Scientific Study of Sexuality), где должно было состояться обсуждение проблемы СПИДа и его распространения.

Мы и раньше бывали на этих конференциях, и, несмотря на то, что обсуждались серьезные проблемы, всегда был повод повеселиться. Для нас, старых друзей, людей с похожим образом мыслей, это была отличная возможность собраться вместе. Днем мы расширяли свои знания, обменивались записями и мнениями по поводу актуальных вопросов нашего поля деятельности, а ночи отводили веселью.

Мы вместе ужинали, пили, шутили и общались, зачастую засиживаясь до самого утра..

Наступление новой эпохи нигде не ощущалось с такой силой, как в тот год на конференции. Даже аквамариновая обстановка солнечного отеля в Южной Калифорнии и его изогнутые стены не могли скрасить господствующего настроения. Люди рыдали, вспоминая друзей и коллег, жизни которых унесла болезнь, нависшая над нами мрачной угрозой.

Все были охвачены тревогой – суррогатные партнеры, преподаватели, психотерапевты, врачи. Многие пытались оправиться от потерь, и все терялись в сомнениях – что посоветовать людям, которые обращаются к ним за помощью. Конференции прошлых лет теперь казались нам шумными студенческими вечеринками. Это собрание больше было похоже на поминки..

Тогда я впервые услышала термин «безопасный секс», который вскоре заменили на осторожное – «более безопасный секс». Наше сообщество предавалось скорби, но нужно было приспособливаться к обстоятельствам, меняющимся с головокружительной скоростью. Мы вступали в новую эру, и прежний страх перед беременностью и излечимыми венерическими

заболеваниями превращался в ничто по сравнению с тем, с чем приходилось бороться теперь.

Советы о мерах предохранения превратились в обязательные правила. Презервативы – это закон. Мы учились использовать зубные инфекционные барьеры и пластиковые пленки, делающие безопасным оральный контакт. Если хочешь быть в безопасности, попрощайся с анонимным незащищенным сексом. Новая эпоха навязывала жесткие правила.

Наше мышление было по-прежнему прогрессивным, но методы должны были стать более умеренными..

Вернувшись в Сан-Франциско, я записалась на курсы в Институте углубленного изучения сексуальности человека, где показывали, как сделать латекс эротичным. Мы учились превращать презервативы, зубные защитные прокладки и другие приспособления в сексуальные игрушки. Мы получали информацию, которая могла спасти нам жизнь, и новые доказательства того, что половое воспитание – это весело.

Мы учились надевать презерватив ртом и разрабатывали увлекательные способы заниматься сексом без проникновения. Я узнала, как эротично проверить, на месте ли презерватив, в самом разгаре страстного акта. С тех пор в моем офисе всегда есть запас презервативов. Использовать их необходимо – и даже интересно.

Теперь я прививала не только навыки, но и меры безопасности..

Глава 15

Как и многие другие, я покатывалась со смеху над серией «Сайнфелда», в которой Джерри показывает Джорджу свои приемы соблазнения. Мне это должно было показаться особенно забавным, потому что иногда окружающие думают, что я показываю разные хитрости, которые должны доставить удовольствие женщинам (или мужчинам).

Я ничего не показываю, и таких хитростей не существует. Движение, которое кого-нибудь, может быть, сводит с ума, другому покажется таким же соблазнительным, как потянуться за пультом от телевизора..

Главная хитрость, которую я раскрываю на своих занятиях и которая не раз доказывала свою эффективность, – это общение. Иногда это означает рассказать о проблеме, причины которой кроются очень глубоко в подсознании, а чаще всего необходимо просто объяснить, что доставляет тебе удовольствие, а что нет. Нам бывает непросто сообщить партнеру, что нам не нравятся его действия, и предложить альтернативу.

Нам кажется, что это заденет его, ранит его чувства, и поэтому так велик соблазн избежать обсуждения, которое поставит нас в неловкую ситуацию. Нам хочется думать, что достаточно только не говорить о проблеме – и она исчезнет. Но мы все знаем, что это никогда не срабатывает. Мы прячем проблему в подсознании, где она как открытая рана гноится и мутирует в комплексы, которые вряд ли казались бы нам такими серьезными, если бы мы вовремя вытащили их на поверхность..

Открытое и честное обсуждение того, что нам нравится в постели, а что нет, это первый шаг на пути к увлекательной сексуальной жизни. Мой опыт со многими клиентами доказывает это, но, пожалуй, самым ярким примером может стать Кевин, который обратился ко мне в середине восьмидесятых годов.

Кевину казалось, что у него импотенция. У него была девушка, Дайана, которую он любил, но тем не менее регулярно не мог добиться эрекции. Дайана начала беспокоиться, что он не находит ее

привлекательной или просто устал от нее, и это привело его к психотерапевту. Он не понимал, почему ему не удавалось возбудиться при виде самой привлекательной девушки из всех, что он знал.

Он боялся, что с ним что-то не в порядке, что он просто плохой любовник, которому Дайана вскоре предпочтет кого-нибудь получше..

На первом же сеансе стало очевидным, что Кевин готов меняться. Он был серьезно настроен, хотел понять, в чем же заключается проблема, и сделать все возможное, чтобы ее решить. Он был недоволен собой, и это мешало рационально подходить к вопросу. Он знал, что самоуничтожение не поможет, но не мог избавиться от неприятного чувства..

Я попросила Кевина рассказать, почему он ко мне обратился.

– Я не понимаю, я пытался подойти к этому со всех возможных точек зрения, – говорил он.

На нем были очки в тонкой оправе и штаны цвета хаки. Он снял очки и положил их на колено.

– Мне нравится моя девушка, она меня возбуждает, но все равно – как только мы начинаем заниматься сексом, эрекция пропадает.

В отличие от многих других клиентов, Кевин говорил о сексе без малейшего оттенка смущения. Некоторым бывает сложно произнести слова вроде «эрекция», но он произносил их таким же ровным тоном.

Я спросила, случалось ли что-нибудь подобное в прошлом.

– Никогда. И потом, Дайана первая девушка, в которую я действительно влюблен, – сказал он.

– Эрекция исчезает полностью или частично?

– Полностью. Как будто я вообще никогда не возбуждался.

Я спросила Кевина, есть ли какая-то повторяющаяся схема, когда они с Дайаной занимаются сексом; есть ли какие-нибудь предварительные ласки или они сразу начинают; какими приемами они пользуются и кто

обычно становится инициатором.

– Когда мы только начали встречаться, я в большинстве случаев делал первый шаг, но потом я начал бояться провала, и все инициировала она, а теперь она тоже боится. Когда мы занимались, ну то есть пытались заниматься сексом, мы начинали с прелюдии, и нам обоим это нравилось. Французский поцелуй, прикосновения.

Потом она делает оральный секс или я. И тут возникает проблема..

– Вам обоим нравится оральный секс?

– Да, мне нравится делать его и нравится, когда мне делают, и у нее то же самое.

Я удивилась, что настроение меняется именно в тот момент. Наверное, следует внимательно присмотреться к тому, как Кевин будет реагировать на прикосновения ртом во время упражнения с гениталиями. Возможно, это подскажет нам обоим, откуда берется его проблема.

– Кевин, ты не виноват, никто не виноват. Мы будем делать упражнения и постараемся лучше понять, что вызывает затруднения, но уже сейчас очень поможет, если ты постараешься не винить себя ни в чем. Начнем с того, что ты будешь терпелив к самому себе и признаешь, что это не какая-то оплошность с твоей стороны.

Договорились?.

– Ладно, договорились, – с некоторой неохотой ответил Кевин.

Я объяснила, в чем суть «тактильного контакта», и спросила, готов ли он приступить.

Он поднялся. Он был невысок, около ста пятидесяти шести сантиметров, и держал себя в форме, но чуть-чуть полноват – над ремнем брюк нависла небольшая складка.

В спальне я сняла с себя блузку, брюки, белье и пригласила Кевина раздеться и лечь в кровать.

Мы начали с положения «ложечки» и ритмичного дыхания. Я попросила его лечь на бок, согнуть ноги и легла рядом, обхватив его рукой за пояс.

– Дыши как обычно, а я буду подстраиваться под тебя.

Он начал делать ровные спокойные вдохи. Я подражала его дыханию, и вскоре мы усвоили синхронный ритм вдохов и выдохов. Его живот расширялся и сжимался под моей рукой.

– Все отлично, Кевин, – произнесла я.

Вдох и выдох, вдох и выдох, так продолжалось несколько минут, когда я почувствовала, что его дыхание участилось и кожа потеплела.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я Кевина, и он ответил, что все в порядке.

Я медленно поднялась и встала возле кровати. Я заметила, что Кевин возбуждился.

– Эрекция на этом этапе упражнения означает, что ты расслаблен, и это лучшее, что могло сейчас произойти. Если ты готов, можешь перевернуться на живот и лечь на середину кровати. Главное – убедиться, что тебе удобно лежать, – сказала я.

Кевин медленно перевернулся и руками поправил свой отвердевший пенис.

Я опустилась на пол и взяла в руки его ступни. Когда я немного надавила пальцами, он захихикал.

– Тебе здесь щекотно? – спросила я.

– Извини.

– Все нормально, ничего страшного в этом нет. Как бы ты ни отреагировал – все это правильно. Я немного сильнее надавлю, чтобы не было щекотно, но это в любом случае естественная реакция.

Я нажала большими пальцами на его ступни и начала описывать круги.

Тело Кевина почти сразу же отзывалось на мои прикосновения. Когда я вела руками вверх по ногам, напряжение уходило под моими пальцами, а дыхание выравнивалось.

Я медленно положила ладони на ягодицы, которые были немного напряжены. Я попросила Кевина вдохнуть и сосредоточиться на моих руках. Он сделал глубокий вдох, и мышцы расслабились, когда он выдохнул.

Я продолжала идти вверх, пока не добралась до макушки.

Его глаза были закрыты, дыхание стало глубоким, и мне показалось, что он уснул.

– Кевин? – мягко спросила я.

Он вздрогнул.

– Как ты себя чувствуешь?

– Я немного задремал, это так расслабляет.

– Хорошо. Я рада, что ты расслабился. Я снова буду двигаться вниз.

Я медленно проделала весь путь от головы до пальцев ног.

Тогда я попросила его сделать глубокий вдох, когда он будет готов перевернуться на спину.

Его пенис стоял прямо, и эрекция сохранялась, когда мои руки касались его тела.

Тот факт, что у Кевина не возникало никаких проблем с эрекцией, пока он был со мной, заставил меня проявить более пристальный интерес к его отношениям с Дайаной. На следующих сеансах всплыли некоторые подробности. Эрекция возникала почти сразу, как только мы раздевались. Его пенис мог немного расслабиться, но возбуждение сохранялось всегда..

На четвертом сеансе мы перешли к упражнению с гениталиями, и все это время пенис Кевина был твердым. Он давал мне отчет о своих ощущениях после того, как я стимулировала его пенис руками и языком, и внезапно тайна того, почему ему удается поддерживать эрекцию со мной, но не с Дайаной, рассеялась. Это лишний раз напомнило мне о необходимости общаться с партнером..

Я задавала Кевину обычные вопросы о том, что понравилось ему больше всего.

– Ртом, абсолютно точно. Я и забыл, как сильно мне это нравится.

Меня удивил его ответ, ведь, насколько я помнила, у них с Дайаной был оральный секс, и именно тогда он обычно терял эрекцию.

– Дайане не нравится оральный секс? – предположила я.

– Нравится, но мне больно.

– Когда тебе больно?

– Ее зубы задевают пенис.

– Ты говорил ей об этом?

– Нет, не смог бы.

– Почему?

– Не хочу обидеть ее.

– Кевин, для этого не обязательно обижать. Ведь ты же хотел бы, чтобы она сообщила тебе, если что-то пойдет не так?

– Да, но... Что, если она подумает, что я ее критикую?

– Я, конечно, не могу предсказать, как она отреагирует, но существуют способы сказать так, чтобы это не выглядело как личное оскорбление.

Я спросила Кевина, как Дайана относится к откровенным беседам о сексе.

– Нормально. Она очень хочет понять, что у нас происходит не так. Она много шутит про это и не стесняется ничего. Она была рада, когда я сказал, что собираюсь пройти терапию, потому что ей хочется снова заниматься сексом.

– Значит, есть, от чего отталкиваться.

Я села рядом с Кевином на кровати и поделилась с ним коммуникативными приемами, которые мне кажутся самыми эффективными.

– Начни с того, что ты ее любишь, она кажется тебе привлекательной, и ты хочешь, чтобы секс удовлетворял вас обоих, и поэтому начал этот разговор. Если она поймет, чего ты добиваешься, то, скорее всего, захочет тебе в этом помочь.

Кевин внимательно слушал.

– Используй местоимение «я». Никаких обвинений, никакой ругани. Ты должен сказать что-то вроде: «Мне очень нравится оральный секс с тобой, но когда ты касаешься зубами, мне больно, и из-за этого я теряю эрекцию».

– Вдруг она смутится?

– Напомни, что ты тоже захочешь знать, если будешь делать что-то, что не нравится ей. Предоставь ей те же возможности, что она предоставляет тебе.

– Может быть, я тоже делаю что-то не так? – произнес Кевин.

– Единственный способ выяснить это – поговорить откровенно. Дай ей

понять, что ты открыт для общения. Твои предпочтения могут измениться так же, как и ее. Вы должны научиться говорить друг с другом, если хотите состариться вместе.

Впервые за все это время Кевин вспыхнул и отвел глаза.

– О чем ты думаешь?

– Это глупость.

Когда я спросила, почему ему так кажется, он ответил, что, оказывается, решение проблемы лежало на поверхности все это время.

– Может быть, оно кажется простым, но немногие из нас знают, как говорить о сексе.

– Просто... просто я думал почему-то, что лучше это не обсуждать.

– Тебе просто нужно было напомнить себе, что у вас есть на это полное право. Никакого волшебства. Это просто прием, которому нужно научиться. Ты попробуешь сегодня поговорить с Дайаной?

– Не знаю. Кажется, что это легко, но меня пугает одна мысль о том, чтобы сказать ей это.

Кевин и я проиграли несколько сценариев того, как может развиваться этот разговор. Он был готов учиться и быстро привыкал говорить о том, что его беспокоит, не прибегая к осуждению.

У нас с Кевином оставалось в запасе еще два сеанса. На последнем он сказал, что наконец нашел в себе силы поговорить с Дайаной.

– Она была так рада, когда я все ей сказал. Она хотела бы даже, чтобы это произошло раньше, – очень довольный, говорил он.

Впервые за несколько месяцев у них был секс.

Я была рада тому, что Кевин теперь мог заниматься сексом со своей девушкой, но еще большую радость у меня вызывал тот факт, что он нашел в себе силы откровенно заговорить с ней о сексе, положив начало долгой и

успешной сексуальной жизни. Он раскрыл секрет, известный всем хорошим любовникам.

Глава 16

Началась обратная реакция. В 1986 году второй срок Рональда Рейгана был в самом разгаре, и правые тенденции были еще ощутимее. Результаты, которых удалось добиться с помощью сексуальной революции и других социальных явлений, были под угрозой из-за консервативных политических сил и религиозных объединений.

Казалось, что время идет вспять и мы снова возвращаемся к прошлой эпохе, когда во всем винили распущенность, а разговоры о сексе всячески подавлялись..

Что касается СПИДа, то Рейган безмолвствовал до 1987 года, когда погибли уже тысячи человек. Правые активисты и организация «Моральное большинство» использовали страшное заболевание как политическое орудие, направленное на гомосексуалистов, которые всегда ставились козлами отпущения. Рупорами народного мнения стали церковные кафедры и государственные телеканалы, к которым имели доступ правительственные чиновники.

Оттуда изливались бесконечные потоки убийственной критики в адрес жертв заболевания. «Несчастливые гомосексуалисты – они объявили войну законам природы, и вот природа требует страшного воздаяния», – заявил Патрик Бьюкенен, отвечающий при Рейгане за связи с общественностью, в «Нью-Йорк Пост» в 1986 году.

Пришло время обвинить во всем репродуктивные права, сексуальные меньшинства и женщин; началось отступление..

Возможно, это наивное суждение, но иногда мне казалось, что, если бы они прекратили на время свои злобные нападки и просто выслушали одного из тысячи жертв заболевания, которых они поливали грязью, им стало бы очевидно, что они обращаются к живым людям, а не сонму безликих бесов. Если бы они, например, узнали моего прекрасного друга, Стивена Брауна, они наверняка изменили бы точку зрения..

В начале восьмидесятых мы со Стивеном стали постоянными сотрудниками отделения подготовки Центра по предоставлению сексуальной информации Сан-Франциско. Дважды в год мы проводили занятия с новой командой волонтеров, благодаря которым организация процветала.

Зимой 1986 года мы готовили группу из пятидесяти человек. В первый день Стивен, я и еще несколько учителей попеременно работали с волонтерами, задавая вопросы и предлагая несколько разных вариантов развития диалога, с которыми они могут столкнуться, отвечая на звонки. Когда пришло время сделать перерыв на обед, на город неожиданно обрушился дождь, ни у меня, ни у Стивена не оказалось с собой зонта.

Мы накрылись куртками и пошли в китайский ресторан в паре кварталов от здания Центра. На полпути мы пустились бегом, а когда распахнули двери ресторана и в лицо нам ударил теплый воздух, хохотали вдвоем, как школьники..

Мы сели на красные виниловые диваны, и официантка поставила между нами дымящийся чайник чая. Стивен налил нам по чашке. Я сомкнула пальцы на кружке, чтобы согреть руки. Из кухни доносилось шипение масла на сковороде и аппетитный запах перца и чеснока. Я поняла, что страшно хочу есть. Мы сделали заказ и пили чай в ожидании обеда..

– Хорошая группа в этом году, – сказала я.

– Да, с каждым годом приходят все более подготовленные люди.

– Помнишь, когда мы только начинали в семидесятых? Как мало мы знали о некоторых вещах.

Стивен не ответил. Он кончиками пальцев покрутил чашку, повертел в руках вилку. Потом взглянул мне в глаза.

– Шерил, мне нужно кое-что тебе сказать.

Он внезапно стал совершенно серьезен, и я испугалась.

– Я сдал анализы, – сказал он.

«Только не это!» – пронеслось у меня в голове.

Нам принесли яичный рулет. Мы взглянули в тарелки и снова друг на друга.

– Я ВИЧ-инфицирован.

– О, Стивен... – произнесла я и ощутила пустоту в животе.

Сколько ему осталось жить? Зловещая мысль. Он сказал, что ВИЧ-инфицирован, я же слышала, что он скоро умрет. Я представила, как желтеет и искажается его красивое лицо.

– Стивен, я...

– Шерил, все в порядке. По правде сказать, я не удивился, когда узнал.

У Стивена было много партнеров. Возможно, мне тоже не стоило удивляться, но я просто сидела напротив него и не могла произнести ни слова.

– Я пытаюсь выяснить, что еще можно сделать, чтобы болезнь не развивалась. Я буду бороться, пока смогу, и я не одинок, – сказал он.

Я сжала его руку.

– Нет, не одинок. Совсем не одинок.

Когда в тот день мы вернулись в Центр, я поразились тому, как он вновь, не колеблясь, погрузился в работу. Он задорно шутил, вел занятие как всегда живо и динамично, и я бы ни за что не подумала, что что-то не так. Стивен стоял перед лицом безжалостной болезни, но он готов был встретить ее с присутствием духа, и именно за это я и столько других людей были влюблены в него..

Верный своему слову, Стивен старался как можно лучше изучить проблему ВИЧ и СПИДа. Он занимался этим сам и просвещал друзей, объясняя, какие меры следует принимать после того, как диагноз известен. До результатов анализа он был завсегдаем купален, куда гомосексуалисты приходили за случайным сексом. Не так много людей все

еще отваживались на это, и, кроме того, появились волонтеры, которые следили, чтобы секс был безопасным.

Стивен записался в команду добровольцев, которая патрулировала купальни Сатро. Он принимал лекарства, старался вести здоровый образ жизни и сохранять позитивный настрой. Он по-прежнему был суррогатным партнером, и был достаточно порядочен, чтобы прямо рассказывать клиентам о своем заболевании и принимать необходимые меры безопасности..

*

У меня часто появлялось ощущение, что я вынуждена беспомощно наблюдать, как с трудом отвоеванные в шестидесятых и семидесятых позиции становятся объектом осуждения в новую эпоху. Единственное, что я могла сделать, это рассказывать – публично. Я должна была хотя бы попытаться объяснить свою точку зрения, чтобы перекрыть пронзительные голоса вернувшихся из небытия пуритан и ханжей, специально обученных потрясать указующим перстом.

В прошлом я уже давала интервью местным телеканалам и печатным изданиям. Я хотела, чтобы люди поняли, в чем заключается работа суррогатного партнера, и стремилась внести свой скромный вклад в процесс, который срывал с вопросов пола покров тайны и делал их предметом открытого обсуждения. В восьмидесятых это приобрело новое значение..

Мы со Стивеном уже не в первый раз совершали публичные выступления. «Шоу Стивена и Шерил» – так мы себя называли, впервые появившись вместе в середине восьмидесятых в программе местного телеканала «Люди говорят». Обычно продюсеры, связываясь с одним из нас, спрашивали, можем ли мы представить их другим суррогатным партнерам.

Некоторые из них серьезно относились к нашей работе, другие

стремились только к тому, чтобы сделать материал достаточно скандальным. Мы каждый раз рисковали, и я не знала, как научиться делать надежные ставки. Стоило ли смириться с неудачными попытками ради конечного результата – открытой честной беседы.

Или же мои выступления способствовали созданию еще одного вредного мифа?.

«Шоу Стивена и Шерил» увидела вся страна, когда в 1989 году нас пригласили на интервью «Шоу Ларри Кинга», которое шло в прямом эфире. Это была одна из немногих программ на национальном телевидении, которая затронула тему суррогатной терапии, и я нервничала. Ларри Кинг был легендарным телеведущим, и я боялась, что мои родители увидят шоу.

Они с трудом представляли себе, чем я зарабатываю на жизнь, и не имели ни малейшего желания выяснять подробности. Они знали, что это связано с сексом, а это ничего хорошего не предвещало..

Продюсеры назначили съемки в Лос-Анджелесе, поэтому нам не пришлось лететь в Вашингтон, где располагалась штаб-квартира программы. В отличие от других шоу, в которых я участвовала, мне не нужно было приходить в полной боевой готовности. Как только мы со Стивеном приехали в студию, нас отправили к гримерам.

Когда они поработали над нами, мне казалось, что с таким слоем косметики я буду похожа на клоуна..

– Не волнуйся, на экране будешь выглядеть отлично, – заверила меня гример.

Я еще раз взглянула в зеркало и от всей души понадеялась, что она права. Мне казалось, что у меня на лице маска. Ассистент отвел меня на площадку, где меня уже ждал Стивен. Он узнал свой диагноз почти два года назад, но по-прежнему прекрасно выглядел. Доктора удивлялись тому, как хорошо он справляется, а я испытывала только бесконечную признательность судьбе..

– Слушай, последний раз в этом кресле сидел Брюс Уиллис, – игриво сообщил мне Стивен.

– Неужели?! А кто сидел здесь? – спросила я одного из ассистентов, показывая на мое кресло.

– Жа Жа Габор, – ответил он.

– Вот это да! Последний раз здесь сидела задница Жа Жа. Как тебе такая новость? – сказала я Стивену.

– Брюс и Жа Жа, Стивен и Шерил. Это судьба, – произнес он.

Мы смеялись, пока звукооператор не надел на нас микрофоны.

На нас были направлены три камеры, и продюсер объяснил, что красная лампочка показывает, какая из них в данный момент записывает, и именно туда нам нужно будет смотреть во время шоу. Я сделала несколько глубоких вдохов и сказала себе, что нужно быть спокойной и уверенной. На экране появилось лицо Ларри, и через несколько минут мы были в прямом эфире.

Кинг задавал разумные вопросы и давал нам время на полноценный ответ. Только один из тех, кто звонил в студию, был настроен враждебно. Когда все закончилось, мы со Стивеном вышли с ощущением того, что нам была предоставлена прекрасная возможность объяснить, чем мы занимаемся и почему это так важно..

Когда я приехала домой, я посмотрела запись шоу, которую сделал Майкл. Гример был прав – на экране я действительно хорошо выглядела.

Несколько дней спустя я позвонила домой, чтобы проверить, видели ли программу родители. «Случилось именно то, чего я боялась. Друг моего отца узнал меня и позвонил папе. «Боб, – сказал он, – это не твоя дочь на «Шоу Ларри Кинга?» «Началось», – подумала я, когда отец сказал, что смотрел интервью. К моему удивлению он произнес:..

– Так вот чем ты занимаешься.

– Да, пап. Я даю людям достоверную информацию о сексе и помогаю им решить проблемы, связанные с этим, – ответила я.

Неожиданно спокойную реакцию отца я могла объяснить несколькими

причинами. Конечно, он стал гораздо мягче с годами, но я чувствовала, что сыграло роль и что-то другое. Я думаю, он пришел к выводу, что хочет поддерживать со мной контакт, а это означало, что ему придется принять меня такой, какая я есть.

Отец, с которым я выросла, был бы в ужасе от моего разоблачения на национальном телевидении. Я не хотела заставлять его признаваться в этом, но, возможно, он даже увидел ценность моей профессии. Когда Кинг спросил меня, как моя работа помогает людям, то я ответила, что мало кто из нас получал в детстве достоверную информацию о сексе, наше представление об этом формировалось разговорами друзей, фильмами, книгами или порнографией – а это очень ненадежные источники.

Неудивительно, что люди смущены таким количеством ложных сведений. Я объяснила, что одна из моих задач – рассказывать людям о сексе, чтобы они не строили иллюзий в отношении себя или своего партнера. Поколению моего отца, который вырос в тридцатые годы, и мне – выросшей в пятидесятые – не хватало полового воспитания.

Мы оба выросли в эпоху, когда разговоры о сексе были под запретом. Я пытаюсь делиться своими знаниями, чтобы более поздние поколения не вступили во взрослую жизнь, находясь в информационном вакууме. Возможно, моему отцу даже показалось, что моя работа не бесполезна. Как бы то ни было, он закончил наш разговор словами: «В следующий раз, когда будешь выступать по телевизору, дай нам знать»..

*

Моя мать не подавала вида, пока я четыре месяца спустя не приехала в очередной раз домой. Несколькими годами ранее папа с мамой переехали из Массачусетса в Нью-Хэмпшир. Я приехала ранним летом. Стояла такая жара, что я проводила почти все время в доме, где, наоборот, был полярный холод из-за кондиционера, втиснутого в окно гостиной.

Я надеялась, что моя мать рано или поздно заговорит о шоу, но к

концу третьего дня поняла, что если я надеюсь на какое-то обсуждение, то начать должна первой. Я гордилась тем, как мне удалось подать себя на интервью, и мне казалось, что нам со Стивеном удалось дать правдивое описание нашей работы. Вечером, когда она смотрела по телевизору новости, я села рядом с ней на диван.

Я спросила, смотрела ли она с папой Ларри Кинга, хотя была уверена, что смотрела. Она кивнула и немного выпрямила спину. У меня мелькнула мысль на этом все и закончить, но я продолжала. Я собиралась объяснить маме, в чем смысл моей работы. Если я была готова признать и защищать мою профессию перед всей Америкой, то могла сделать это и для своей матери..

– Я рада, что ты видела программу, – сказала я, надеясь, возможно, и без всякого на то основания, что наш разговор пройдет мирно.

Мама не ответила.

– Я думаю, мне хорошо удалось объяснить, в чем суть моей работы.

Я хотела, чтобы мама согласилась или не согласилась, или предложила мне заткнуться, или просто хоть что-то произнесла. Вместо этого она посмотрела на меня с непроницаемым лицом.

– Я хочу помочь людям не стесняться и не стыдиться своей сексуальности. Наша культура не позволяет откровенно это обсуждать. Мы едва можем говорить на подобные темы, родители не знают, как начинать разговор об этом со своими детьми. Нет ничего лучше, чем помогать людям чувствовать себя свободнее и давать им информацию, которой не было у меня в детстве..

Я прервала себя, потому что не хотела, чтобы это выглядело как упрек в ее адрес. Я устала ссориться со своей мамой.

– О таких вещах не нужно говорить. Все происходит само собой, – произнесла она.

Наконец-то она что-то сказала. Она была не права, но она вступила в диалог и, по крайней мере, обратила внимание на мои слова.

– Нет, мам, не происходит. У нас слишком сложно устроен мозг, чтобы это происходило само собой. Мы растем в культурной среде, которая отрицает проявления сексуальности. Мы не подходим к сексу с позиции образованного человека и отовсюду получаем противоречивые сведения. Секс, возможно, и естественная вещь, но сам собой он не происходит..

Я взглянула на нее, стараясь оценить, какой эффект произвели на нее мои слова, но на ее лице не отражалось никаких эмоций. Мы несколько секунд молча смотрели друг на друга. Я чувствовала ее холодность, но приходилось признать, что она по крайней мере не кричит и не обвиняет меня в возмутительном поведении..

– Помнишь, я сказала Ларри Кингу, что работаю с инвалидами? Так вот, эта часть моей работы приносит мне наибольшее удовлетворение, и я успешно помогаю им только благодаря тебе.

– Мне?

– Да, тебе. Помнишь нашу соседку Грету?

Грета была умственно отсталой девушкой, к которой моя мать всегда проявляла уважение. Однажды я пришла домой и обнаружила, что Грета сидит на нашем заднем крыльце вся в слезах. По ее ногам двумя красными ленточками струилась кровь. Мама взяла Грету за руку, отвела в ванную и дала пластырь. Она усадила ее за наш кухонный стол, сделала чашку чая и все это время говорила с ней убедительным, но совсем не покровительственным тоном.

На автобусной станции работал мальчик с обезображенным лицом. Мама всегда здоровалась и улыбалась ему, как улыбнулась бы любому другому..

– То, как ты вела себя с этими людьми, научило меня к каждому относиться с уважением. Еще это научило меня видеть внутреннюю, а не внешнюю сторону вещей. Я часто об этом думаю, когда работаю с инвалидами.

Мы с мамой посмотрели друг на друга. Я не собиралась больше ничего говорить. Придется ей прервать паузу.

– Не знаю, в кого ты такая. Ты не похожа ни на кого из нашей семьи, – сказала она.

Сейчас она, по крайней мере, признала, что я другая. Раньше она назвала бы меня словом похуже. Наверное, это нельзя было назвать трогательной сценой, но нам удалось сдвинуться с мертвой точки.

*

Я все еще не разбиралась в том, какой вид публичного выступления лучше избрать, а чего лучше избегать. Это было начало эры «телевизионного мусора», и несколько дневных ток-шоу гарцевали перед публикой, шокируя и щекоча нервы. Годом раньше в битву за право называться самым скандальным шоу дня вступил Джеральдо Ривера со своим «Джеральдо».

Я несколько раз видела его по телевизору и знала, что он беззастенчиво гоняется за сенсациями. Это и было причиной моих сомнений, когда мне оттуда позвонили через несколько месяцев после моего появления в «Шоу Ларри Кинга»..

Марти Клейн, терапевт из Сан-Франциско, с которым мы вместе работали в Центре по предоставлению сексуальной информации и других организациях, только что выпустил книгу «Твои сексуальные тайны: когда скрывать, когда и как рассказывать», и Джеральдо собирал связанный с этим материал. Много лет назад я поведала Майклу то, что, как я думала, мне удавалось хранить в секрете: я иногда мастурбировала, чтобы достичь оргазма, если не получала его во время секса с ним.

Мне казалось, что, начиная только когда он уснет, я таким образом оберегаю его чувство собственного достоинства. Когда я призналась в этом, он несколько не был взволнован. Он признался, что это не такой уж страшный секрет, потому что он не всегда спал в этот момент. Я рассказала об этом Марти, и когда продюсер «Джеральдо» спросил, знает ли он семейную пару, у которой есть секрет, он отправил его ко мне..

Я знала, что вряд ли дождусь глубокого исследования темы или серьезной дискуссии, но по крайней мере это была возможность открыто говорить о сексе на уровне всей страны. Я подумала о Брайане, моем клиенте, которого бросила жена, узнав о том, что он мастурбирует. Если бы мы могли открыто говорить об этом и других связанных с сексом вопросах, возможно, это решило бы проблему таких людей, как Брайан, а тем более его жены.

Поэтому, несмотря на то, что я подозревала, что никто не будет щадить мои чувства, мы с Майклом поехали в Нью-Йорк на съемки программы. Вспомнив о просьбе отца, я сообщила родителям, что у меня снова будут брать интервью на телевидении..

Помимо Марти Клейна, Майкла и меня на съемки пригласили девушку по вызову, которая работала преимущественно с людьми, страдающими инфантилизмом, ее клиента, который скрывал эту особенность, и женщину, тайную эксгибиционистку.

Ни для кого не стало сюрпризом, что на шоу нас показывали на потеху публике, как сорище фриков, ярмарочных уродцев. Инфантилизм – плохо изученная особенность, людей, обладающих ей, возбуждает, когда с ними обращаются, как с маленькими детьми. Человек с этой особенностью рассказывал перед камерой, какое удовольствие он получает, когда его кормят из бутылочки и надевают памперсы.

Эксгибиционистка поведала, что ей нравится заниматься сексом в телефонных будках и других публичных местах. Я на их фоне должна была казаться страшной занудой. Они обитали на периферии человеческих сексуальных потребностей, я же была просто Шерил Коэн, «тайная онанистка» – так гласила подпись рядом с моим лицом.

Долгое время собственное пристрастие к мастурбации вызывало у меня стыд и чувство вины, и, наконец, десятилетия спустя я предстала перед публикой как тайная онанистка. Надо признать, мне это казалось забавным. Что сказали бы монахини из школы Девы Марии. Что сказали бы священники. Что скажет моя семья.

Ответ на последний вопрос я получила совсем скоро..

– Сожги это! – так отреагировала моя любимая бабушка, когда моя

двоюродная сестра Джин показала ей видеокассету с записью шоу.

Я говорила с сестрой по телефону через неделю после выхода шоу, и мы вместе смеялись над ответом бабушки Фурнье, но тон разговора стал гораздо серьезнее, когда речь зашла о моих родителях. Они никому не сказали ни слова, посмотрев шоу, и никто не решался спросить их мнения. Через несколько месяцев я должна была навестить их.

Они либо начнут разговор сами, либо будут хранить молчание, и я не знала, чего боюсь больше..

Очень небольшая часть моих многочисленных друзей и знакомых была возмущена шоу. Они жалели только о том, что возможность откровенно говорить на национальном телевидении на запрещенные темы свелась к соревнованию в вуайеризме. Я решила, что буду избегать участия в мероприятиях, организаторы которых не предпринимают хотя бы формальных попыток начать серьезное обсуждение..

Когда я разговаривала с матерью по телефону, то слышала раздражение в ее голосе. Если, как я думала, мы немного продвинулись вперед после моего интервью у Ларри Кинга, то теперь, казалось, что мы сделали гигантский прыжок назад.

В виде исключения Майкл решил сопровождать меня в поездке домой на восток. По мере приближения даты отъезда возникала необходимость покупать вещи, которые могли нам потребоваться, и в один из предшествующих поездке дней мы сели в машину и поехали по магазинам. Когда мы остановились на светофоре, с моей стороны подъехала полицейская машина, и водитель просигналил нам..

– Что им нужно? Я же ничего не сделала, – сказала я Майклу.

Полицейский, сидевший за рулем, знаком попросил меня опустить стекло. Я крутила ручку и чувствовала, как у меня сжимается желудок. В машине их было двое, оба улыбались.

– Ребята, это не вы выступали на «Джеральдо»? – спросил один из них. – Отличная работа, – произнесли оба, поднимая пальцы вверх.

Мы с Майклом вздохнули с облегчением. Такое могло произойти

только в Беркли. Как же мне нравилось жить в штате, где полицейские рукоплещут тому, что ты раскрыл все тайны своей сексуальной жизни на национальном телевидении, и лишь немногие не смогут оценить значение твоей работы, даже если участие в телешоу не совсем способствует ее успеху..

Стоило нам с Майклом приехать в дом моих родителей, как я вынуждена была напомнить себе, как не похож старый добрый Беркли на весь остальной мир. Моя мать была холодна, как лед. Она даже не смогла выдавить из себя улыбку, когда мы переступили через порог. Очень жаль. Она старела. Вокруг рта и на лбу появились тонкие морщины.

Удастся ли нам примириться друг с другом до того, как станет слишком поздно. К счастью, мы с Майклом приехали поздно вечером и могли, извинившись, сразу отправиться спать..

За завтраком я старалась направить разговор на темы, которые, как я знала, доставят удовольствие родителям. Я рассказывала про успехи Джессики и Эрика. Майкл предпочитал говорить о погоде. Мы быстро проглотили яйца и тосты и предпочли заняться своими делами – вышли на прогулку полюбоваться великолепной осенью Новой Англии.

Желтые, оранжевые, красные клены и дубы, казалось, были охвачены пламенем. Мы гуляли по центру города, держась за руки..

– Было весело, – с иронической улыбкой произнес Майкл.

– Знаю. Это все из-за шоу. Из-за «Джеральдо», я уверена, – сказала я.

Прошло уже четыре или пять месяцев с тех пор, как вышло шоу, а моя мама все еще злилась.

– Когда вернемся, я все-таки поговорю с ней об этом. Меня бесит, что я должна ходить на цыпочках. Если она начнет кричать – нужно через это пройти.

– Ладно, но мне лучше не вмешиваться, – ответил Майкл.

– Конечно, не надо.

В звенящем осеннем воздухе стоял запах костра. Пахло уютно и по-домашнему. Я могла только надеяться, что дома меня тоже ждут уют и покой.

Мы вошли в дом, и я услышала, что работает телевизор. Я вошла в гостиную, мама сидела на диване. Отца не было, наверное, бегал по поручениям. Майкл поцеловал меня и ушел на кухню.

Я приглушила звук и села рядом с ней на диване, обитом коричневой тканью.

– Мама, я знаю, что ты видела шоу и теперь злишься, – начала я.

Она бросила на меня взгляд.

– Я пошла на это, потому что хочу, чтобы люди перестали стыдиться того, чего не нужно стыдиться.

На ее щеках выступил румянец.

– Мне стыдно. Меня тошнит от того, как ты себя ведешь! – выкрикнула она.

Теперь злилась я, не только на нее, но и на себя. Моей матери опять удалось вывести меня из равновесия, и я была недовольна собой за то, что позволила ей меня разозлить.

– А что здесь стыдного? Я не сделала ничего плохого, и тебе уже следовало бы это понять. Тошнит, когда притворяешься, что секс – это неправильно.

Я вскочила и начала мерить шагами ковер.

– Это он виноват. Не понимаю, почему ты позволяешь Майклу тобой управлять.

– Ты о чем это?

– Я знаю, что ты это сделала, потому что он так хотел.

Теперь она не только разозлила меня, она обидела и задела меня. Неужели она правда считает меня слепым орудием в руках Майкла? Я что – дурочка, которая не может думать своей головой?

– Ты не права. Если бы ты хоть чуть-чуть меня знала, ты бы это поняла!

Я вылетела из комнаты.

– Мы уезжаем! – крикнула я Майклу.

Мы побросали вещи в чемодан и переехали в ближайший мотель.

Единственной причиной, по которой мы не улетели в Калифорнию следующим же рейсом, была бабушка Фурнье, которую я собиралась навестить. Ей было восемьдесят три года. Ее волосы были припорошены сединой, и она хромала из-за артрита, но по-прежнему сохраняла ясность и остроту ума. Ее не коснулись жизненные невзгоды благодаря любви к жизни, которую она сохраняла до сих пор..

– Это ты? – спросила бабушка, когда я постучала в дверь ее квартиры в Сэйлеме.

– Это я.

Она открыла дверь и распахнула объятия.

– Шерил! – радостно воскликнула она.

– Бабушка! – закричала я в ответ и запечатлела поцелуй на ее милом лице.

Мы обнялись, и ей пришлось опереться на меня, пока мы шли на кухню. Она достала из холодильника пирог и поставила чайник.

Мы посплетничали немного о родственниках и посмеялись над тем, что фигура у нее уже не та, чтобы одеваться по последней моде. Несмотря на это, она выглядела стильно, в отличие от большинства женщин ее возраста. Она по-прежнему красила губы и решила носить парик. Мне казалось, что я никуда и не уезжала.

Она вновь рассказала мне историю про то, как мой добродушный, но глуповатый дядя сидел на раскидистом клене, собираясь спилить слишком большую ветку. Он заметил, что это та самая ветка, на которой он сидит, только тогда, когда обрушился на землю вместе с ней. Мне никогда не надоедала эта история, особенно в пересказе бабушки Фурнье..

Я знала, что бабушка никогда не заговорит о моем появлении на «Джеральдо», если этого не сделаю я. Но я хотела поговорить, потому что она должна была знать, что ее мнение мне небезразлично, а я должна была объяснить, почему я это сделала.

Я отрезала себе второй кусок пирога и прямо посмотрела в глаза своей бабушке.

– Я знаю, что ты видела меня по телевизору.

– Шерил, я не могла поверить своим глазам, – произнесла она.

– Почему?

– Почему? Да из-за того, о чем ты там говорила. Это личное. О таком не говорят прилюдно.

– Нет, бабушка. Нам нужно об этом говорить. Нам нужно перестать стесняться проявлений своей сексуальности, перестать держать это в секрете.

Бабушка откусила кусочек торта и посмотрела на меня с легкой улыбкой.

– Ты же не сердишься, правда? – спросила я.

– На тебя? Не могу. Что бы ты ни сделала, я не смогу на тебя злиться. Если бы ты валялась под забором, я бы пошла туда и легла рядом с тобой, – ответила она.

Мне казалось, что у меня разорвется сердце. Когда я была маленькой, то думала, что стоит моей бабушке узнать про мои грехи – и она отвернется от меня. Я не могла себе представить, будучи тайной онанисткой, что ее любовь ко мне не ставит условий.

Глава 17

– Он отличается от клиентов, которых я направляла к тебе раньше, – говорила Саманта. Была зима 1990 года, мы сидели поздним вечером в ее офисе. За последние несколько лет нам с Самантой уже приходилось работать вместе, и я задавалась вопросом – чем так уникален мой будущий клиент?

– И почему же?

– У него навязчивая фантазия, которая сильно влияет на семейную жизнь и на все остальное.

– Что за фантазия?

– Она идет из детства. Когда ему было около восьми лет, его оставляли с соседской девочкой, которой было двенадцать или тринадцать. Она привязывала его к дереву на заднем дворе, давала пощечины или издевалась, приплясывая вокруг.

– Могу предположить, что за фантазии его преследуют, – произнесла я.

Саманта улыбнулась.

Я часто сталкивалась с тем, что детские впечатления оказывают влияние на эротические пристрастия, и у меня было ощущение, что именно это и есть случай Дерека, клиента Саманты.

– Его возбуждает мысль о том, как его связывают. Он рассказал об этом жене, а она ответила ему, что он «больной». Она отказалась проигрывать с ним этот сценарий, а сейчас именно это и заводит его больше всего.

– Ему удастся заниматься сексом со своей женой?

– Да, но ему кажется, что он это делает в основном, чтобы доставить

удовольствие ей, в то время как он представляет, как его связывают, чувствуя потом себя виноватым. Я думаю, что, если бы ему удалось разыграть эту сцену, это бы помогло избавиться от навязчивой идеи.

Обычно моя работа заключается не в этом, пришлось бы нарушить обычный ход занятия. Мне это не очень нравилось, но в то же время я доверяла чутью Саманты и знала, что Дерека можно не бояться.

Мы с Самантой еще немного поговорили о том, как будет проходить работа. Я собиралась показать мои обычные упражнения, но теперь моей основной задачей было разыграть с ним сцену в надежде, что благодаря этому исчезнет его навязчивая идея. Я все еще колебалась, и не только потому, что это выходило за рамки того, что я делала обычно.

Я совсем не оригинальна, когда речь идет о сексуальных пристрастиях, и мне не доставляла никакого удовольствия мысль о том, что придется над кем-то издеваться..

Когда я выходила в тот день из офиса Саманты, она сказала, что даст Дереку мой телефон. На следующий день он позвонил, чтобы договориться о встрече.

Дереку было за сорок. Он был высоким, темноволосым, с крепкой фигурой. Почти сразу же я выяснила, что он отчаянно не хочет потерять жену, которая родила ему троих детей.

– Я не хочу, чтобы от меня ушла жена, особенно из-за этого, – сказал он.

Я попросила Дерека рассказать немного о том, как он пытался поговорить о своих фантазиях с женой, которую звали Мелани.

– Она любит секс и часто первая начинает, но то, что... ну, в общем, что нравится мне, – ее совсем не возбуждает. Она сказала, что не может унижить того, кого любит. У нас была крупная ссора по этому поводу перед тем, как я пришел к Саманте.

– Вы ведь из-за этого обратились к психотерапевту?

– Да, из-за того, что Мелани сказала о моих сексуальных фантазиях.

Я попросила Дерека рассказать, как произошла ссора.

– Она хотела заняться сексом, а мне не очень хотелось. То есть я не могу возбуждаться, если не представляю себе, что меня связывают, а я старался этого не делать. Я пытался выкинуть эти фантазии из головы и завестись от того, как она меня целует, но она заметила, что это не очень работает.

Дерек замолчал и отвел глаза.

– Она очень разозлилась, сказала, чтобы я завел себе любовницу, которая будет меня связывать, или пошел и заплатил кому-нибудь. Я говорил, что не хочу этого делать, что я ее люблю. Она начала кричать, сказала, что я больной. Когда она успокоилась, то извинялась, говорила, что на самом деле так не думает, но мне иногда кажется, что она права..

Дерек посмотрел на меня с отчаянием и надеждой. Он хотел услышать, что он не «больной».

– Сексуальные потребности – это очень сложный вопрос, и иногда наши детские впечатления влияют на то, что мы испытываем, будучи взрослыми, – сказала я.

Поскольку Дерека не удовлетворял секс с женой, я спросила, пытался ли он как-нибудь это компенсировать. Он сжал руками подлокотники кресла и кивнул.

– Что вы делали?

Дерек закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Потом рассказал, что когда жены и детей не было дома, он открывал коробку, которую прятал на чердаке. В коробке были корсет и пара компрессионных чулок, самого маленького размера из тех, что он мог на себя натянуть. Когда он надевал все это на себя, то испытывал ощущения, похожие на те, когда девочка привязывала его к дереву.

Он чувствовал, как давят на пенис колготки, и когда приближалась эякуляция, разрывал их на себе. Иногда он мастурбировал, но зачастую ему не приходилось этого делать, чтобы кончить..

– Мне кажется, что у меня из-за этой фантазии целая параллельная жизнь, у меня появилось много секретов. Однажды жена уехала на выходные к родителям и взяла с собой детей, и я все это время в гараже строил... одно приспособление.

– Приспособление? – спросила я.

– Да, я его давно сделал и прятал в гараже все это время.

– Для чего оно?

– Чтобы меня можно было к нему привязать. У меня и веревка есть.

– Ты когда-нибудь использовал его?

– Нет, но я подумал, что мы его можем использовать здесь...

Дерек спросил, может ли он принести его на следующий сеанс. Я немного встревожилась, но согласилась взглянуть на приспособление.

Мы еще немного поговорили. Он подробнейшим образом описал свою фантазию. Он даже написал сценарий того, что каждый из участников должен говорить и делать, и попросил разрешения показать его мне.

Он хотел, чтобы я танцевала вокруг, предварительно связав его, и осторожно касалась пениса, но не мастурбировала и не доводила его до оргазма. Он сказал, что потом хочет заняться сексом. Я уже ясно представляла себе, что он хочет испытать. Он оставил мне сценарий, чтобы я повторила его перед следующим сеансом.

Мы назначили пять сеансов и решили, что встречаться будем раз в месяц..

*

Когда я открыла дверь Дереку в день нашего второго сеанса, на пороге

стояла штукавина около ста восьмидесяти сантиметров высотой, накрытая черной тканью. Из-под ткани выглядывали на расстоянии около метра друг от друга три ножки. Он поднял устройство обеими руками и втащил ко мне в офис.

– Я принес, – сказал он.

– Я вижу.

Мы немного поговорили. За последний месяц фантазия Дерекка еще больше завладела его жизнью. Он обнаружил, что размышляет, не согласятся ли симпатичные девушки, которых он видел на улице, связать его. Мелани начинала раздражаться, не замечая никакого прогресса. Он изо всех сил пытался делать вид, что она его по-прежнему возбуждает, но не мог кончить, если не представлял себя связанным.

Он не сказал ей об этом, но с нетерпением ждал сегодняшнего сеанса с того самого момента, как вышел от меня в первый раз..

– Ты готов идти в спальню? – спросила я его.

Он поднял свое таинственное приспособление обеими руками и пошел за мной по коридору. В дверях ему приходилось протискиваться боком.

Прежде чем мы разделись, я попросила его снять ткань, скрывавшую его изобретение. Он откинул покрывало, и оно предстало передо мной. Это была конструкция тонкой работы из, кажется, кедрового дерева. Два высоких столба были скреплены сеткой. Ножки расширялись внизу и, чтобы не скользили, были снабжены резиновыми наконечниками.

По всей длине столбов шли металлические крючки, похожие на застёжки бюстгалтеров. Дерекк расстегнул молнию на спортивной сумке и извлек свернутую кольцом веревку. Он показал мне, как веревка должна цепляться за крючки..

– Ты, очевидно, долго трудился над этим, – сказала я.

– Да, я строил планы годами, – ответил Дерекк.

Мы разделись и выполнили цикл дыхательных упражнений в позе

«ложечки», потом я показала упражнения для расслабления. Затем, когда обычно наступало время для «тактильного контакта», я спросила, готов ли Дерек воплотить фантазию, которая десятилетиями владела его воображением.

Он встал и потряс руками.

– С трудом верится, что это наконец произойдет, – сказал он.

«Для меня это тоже что-то новенькое», – подумала я. Моя тревога немного улеглась. Утром я перечитала сценарий, и для меня было облегчением, что есть образец. Издевательства над кем-либо не были частью ни личного, ни профессионального моего репертуара. Я знала людей, которым нравилась подобная игра, но я была не в их числе. Я снова вспомнила сценарий и мысленно поблагодарила Дерека за тщательную подготовку..

Дерек подошел к устройству и прижался спиной к сетке, которая тянулась от лопаток до голеней. Я взяла веревку и закрепила ее на верхнем левом крючке. Дерек показал мне крепкий узел, чтобы убедиться, что веревка не соскользнет. Я отошла вправо, привязала веревку к нужному крючку, потом приступила ко второму ряду крючков, закончила с третьим и четвертым.

Веревка зигзагом шла через все тело Дерека..

– Сильнее, – произнес Дерек, когда я собиралась затянуть последний узел. Я подтянула веревку туже, и он улыбнулся. – В самый раз.

Теперь его тело было зажато между веревкой и сеткой. Я спросила, готов ли он сделать следующий шаг. Его дыхание участилось, кожа окрасилась розоватым оттенком.

– Да, – произнес он еле слышно.

Я отступила на пару шагов и начала ходить кругами.

– Приятно тебе? – спрашивала я. – Надеюсь, что так, потому что ты здесь останешься надолго.

С каждым кругом я приближалась к нему, пока не остановилась на расстоянии вытянутой руки.

Я легко пробежала пальцами по теплой коже на его груди. Дерек наблюдал, как я, голая, танцую вокруг него. На несколько секунд я почувствовала смущение и неловкость. Чтобы собраться с силами, я подумала о длинных ночах, которые мы с Бобом проводили, касаясь друг друга руками, языком, обнимая, лаская. Иногда у нас было по три или четыре оргазма за ночь, при мысли об этом я возбуждалась, и неприятное ощущение рассеялось..

Я коснулась его сосков, сначала легко, потом сильнее.

– Ну-ка, что у нас тут происходит? – сказала я, взглянув на его твердеющий пенис.

Дерек издал несколько тихих стонов.

Я снова отступила назад и начала кружить.

– Хочешь меня поцеловать?

Он кивнул.

Я остановилась в миллиметре от его лица и снова отступила.

– Тебе придется соображать быстрее, – произнесла я.

Дерек тяжело дышал. Его губы налились кровью и стали ярко-вишневого оттенка.

Я облизала его соски и провела языком вверх по груди и горлу.

– А это что такое? – спросила я, смахнув капли семени с его пениса и коснувшись этим его губ. – Нравится?

Дерек облизал губы. Я прижалась грудью к его животу.

– Я тебя возбуждаю?

Он попытался потянуться рукой к пенису, но его тело было слишком

сильно стянуто веревкой.

– Что это ты пытаешься сделать? – спросила я.

Я описала еще несколько кругов.

– Если бы я не знала правды, мне бы показалось, что ты хочешь потрогать свой член.

Я провела по его пенису указательным пальцем.

Дерек громко застонал.

– Готов? – спросила я.

Он кивнул, и я начала развязывать веревку. Я сняла ее с первого крючка и, когда добралась до самого нижнего, она с шорохом упала на пол.

Он взял меня за плечи и начал целовать, пока мы шли к кровати. Я быстро надела на него презерватив, и мы легли рядом друг с другом. Вскоре он уже был сверху, и мы занимались сексом. Кончив, он перекатился на бок и, задыхаясь, произнес: «Спасибо, спасибо, спасибо».

Я обняла его одной рукой, и мы сделали ряд дыхательных упражнений. Для него это был важный момент, и я хотела, чтобы он чувствовал мою поддержку. Он не так сильно нуждался в моем опыте и знаниях, как другие клиенты, и процесс работы был простым и прямолинейным. Мы не занимались изучением и не делились мыслями на этот счет.

Мы просто осуществили его фантазию, чтобы она потеряла над ним свою власть..

На следующих четырех занятиях мы с Дерекком еще раз проигрывали сценарий. Кроме этого, я показала ему несколько обычных в нашей работе упражнений. Несмотря на то, что у нас были немного другие цели, я по-прежнему надеялась, что это поможет ему найти альтернативные источники удовольствия. Я немного освоилась со своей ролью, особенно когда заметила перемену в его поведении.

Ведь я все-таки помогла ему освободиться от бремени..

Нам с Самантой хотелось знать, оправдалась ли ее теория. Поможет ли осуществление фантазии избавиться от навязчивой идеи. На четвертом сеансе Дерек сообщил мне, что сценарий, который имел такую власть над ним, теряет силу, и он уже не так быстро возбуждается, как на первом сеансе. Мысль о связывающих его веревках все еще привлекает его, но не так сильно влияет на обычную жизнь, и он уже может наслаждаться сексом с Мелани.

Когда я обсуждала с Самантой наш последний сеанс, она сказала, что Дереку и Мелани удалось найти общие источники удовольствия, и несмотря на то, что он по-прежнему предается своим фантазиям, они больше не довлеют безраздельно над его желаниями..

Работа с Дерекком напомнила мне, что я должна искать к каждому клиенту индивидуальный подход. Сексуальные потребности – это целый комплекс сложных проблем, и некоторые добиваются большего успеха, выйдя за рамки моих обычных упражнений. Когда он обратился ко мне, я работала суррогатным партнером уже почти двадцать лет и ни разу мне не приходилось действовать подобными методами.

Тот факт, что это помогло Дереку достичь успеха, еще раз продемонстрировал мне ценность практической работы, даже если для этого нужно немного пересмотреть привычный процесс. Я лишняя раз убедилась, что, объединив традиционную психиатрию и суррогатную терапию, можно добиться многого..

Глава 18

Дети Майкла и Мэг каждое лето проводили с нами несколько недель в Калифорнии. Это были чудесные детишки, которые прекрасно ладили с Джессикой и Эриком и заняли прочное место в моем сердце. Иметь в сорок восемь лет двух прекрасных маленьких детей, которых не приходится содержать, – это большая радость.

У Майкла были дочь и сын. В конце восьмидесятых годов они уже были достаточно взрослыми, чтобы путешествовать без Мэг. Мы вместе с ними ездили в палаточный лагерь возле парка Йосемити и всей своей необычной семьей совершали долгие прогулки по горам, плавали и всячески развлекались..

Майкл часто навещал детей, но когда старшей девочке исполнилось четыре с половиной года, он спросил меня, может ли она на этот раз приехать к нему, и я не смогла отказывать дочери в праве увидеть своего отца и стать частью его жизни, пусть даже это происходило всего несколько раз в год. Позже к нам стал приезжать и его сын.

Вскоре мне уже не приходилось давать своего разрешения, потому что я стала ждать их приезда с нетерпением..

Мои дети тоже привязались к сводным брату и сестре. Сообщить о том, что их отец завел еще одного ребенка вне нашей семьи, было непросто. Вскоре после рождения дочери Майкла мы усадили их однажды вечером на диван, и я объяснила, что у них теперь есть сестренка. Первое, что их встревожило, это мои чувства.

Я признала, что поведение их отца, который хранил в течение этого разговора не характерное для него молчание, не доставило мне никакого удовольствия. Но я настаивала, что ребенок ни в чем не виноват и заслуживает любви. Когда родился второй ребенок, дети опять в первую очередь повернулись ко мне. Джессика и Эрик росли не в самой традиционной семье, поэтому на них эта новость не произвела такого сокрушительного впечатления, какое, возможно, произвела бы на других

детей.

Они были знакомы с Мэг и несколько раз даже ездили с Майклом ее навещать..

Насколько я знала, Мэг считала, что и ей, и ее детям вполне достаточно «воскресного мужа». Так, по крайней мере, я говорила себе. Майкл не утверждал обратного, но в то время он ни за что не решился бы заговорить со мной о Мэг – легко мог разразиться скандал.

Почти с самого начала нашей совместной жизни мои чувства по отношению к Майклу были смешанными. Я показывала ему свое восхищение и привязанность, лишь изредка давая выход ярости и обиде, которые тлели в глубине моей души. Я должна была так делать. Я так сильно любила Майкла и была благодарна судьбе за то, что он стал моим мужем, что не могла рисковать.

Но все изменилось, когда у него появилась вторая семья. Злость превратилась в презрение, которое я едва могла скрывать. Я чувствовала, что становлюсь жестче, возвращая в себе ярость, которая могла отравить не только мой брак, но и всю мою жизнь. Малейший толчок мог вызвать поток желчи и злобы, которая кипела в моей душе совсем близко к поверхности..

На самом деле я злилась не только на Майкла. Без сомнения, я тоже сильно изменилась. Мне не хватало двух-трех лет до пятидесятилетия, и я была, как никогда раньше, уверена в себе. Я заслуживала большего, а не унижений, которым меня постоянно подвергал Майкл. Его легкомыслие, безразличие и мое с таким трудом отвоеванное чувство собственного достоинства помогли мне по-новому взглянуть на Майкла.

А любовь и поддержка Боба напоминали, что мне следует знать себе цену. Он любил меня безоговорочно, и это заставило меня изменить мнение о самой себе..

Мне надоело, что я каждый раз недостаточно хороша для Майкла, я устала бороться с ним – и за него. Мне больше не казалось, что я осуждена жить с ним до конца моих дней. К тому времени я уже вполне могла справиться и без него. Возможно, это пришло не сразу, но теперь я была достаточно уверена в себе. Джессике было уже двадцать семь, а Эрику

двадцать четыре.

Они активно устраивали свои собственные жизни, и мне не нужно было продолжать быть женой их отца, чтобы они могли поддерживать с ним прекрасные отношения..

Я знала, что развод будет тяжелым. Несмотря ни на что, Майкл был важной частью моей жизни, я провела большую часть этой жизни с ним. Я даже не знала, как сказать ему в лицо, что все кончено. Когда я начинала думать об этом, у меня наворачивались слезы на глаза. Наши отношения уже были на последнем издыхании, но это не означало, что прикончить их будет легко..

В 1992 году мы с Майклом поехали в Бостон на тридцатую годовщину выпуска моего класса. За долгие годы Майкл научился быть очаровательным на людях. Он улыбался и смотрел мне прямо в глаза, когда мы танцевали вместе. Любой, кто видел нас, думал, наверное, что наш брак прочен, как близлежащие Беркширские горы.

Если бы только они видели нас в самолете или несколькими днями раньше, когда Майкл, казалось, делает мне одолжение, вообще разговаривая со мной. Я подозревала, что причина его холодности как-то связана с Андреа, его новой девушкой..

Майкл познакомился с Андреа в Центре предоставления сексуальной информации, там же, где и с Мэг. Стоило мне увидеть, как они разговаривают друг с другом, и я поняла, что они спят вместе. Когда я потребовала ответа, он не считал нужным это отрицать и плевать хотел на мое заявление о том, что Мэг останется единственной, с кем он станет встречаться, помимо меня.

Андреа, Мэг – уже две женщины на стороне – и это лишь те, о которых я знала. Я обнаружила, что он в очередной раз предал меня. Было обидно, но совсем не удивительно. Он не пытался это скрыть, и это стало облегчением, потому что мне не пришлось выуживать из него правду. Это было очередным подтверждением того, что наш брак – просто маска..

В самолете, на обратном пути в Беркли, Майкл едва сказал мне пару слов. Когда я попросила его поднять мою сумку на багажную полку, он бросил на меня недовольный взгляд и вырвал сумку у меня из рук. За всю

дорогу мы сказали друг другу не больше десяти слов, и к тому времени, как мы легли в постель, я готова была взорваться..

– Что происходит, Майкл? – потребовала я ответа.

– Ничего.

– Да брось. Ты меня избегаешь с тех пор, как мы уехали отсюда.

Майкл помолчал несколько секунд, как будто обдумывая мои слова.

– Хочешь знать, что происходит? Я скучаю по Андреа. Я скучал по ней все это время. Такого никогда раньше со мной не было – даже с тобой. Я чувствую к ней то, чего никогда не чувствовал к тебе и никогда к тебе не буду чувствовать.

Все! Несколько лет назад я была бы раздавлена его словами. Теперь они просто привели меня в ярость.

– Вставай! Выметайся из кровати и иди к Андреа. Мы больше не женаты. Я не твоя жена. Нашему браку конец.

Майкл не пошевелился.

– Убирайся отсюда, Майкл! – закричала я.

Он бросился в гостиную, хлопнув дверью. Я выскочила из кровати и заперла ее, чтобы он не смог вернуться. Я была слишком взволнована, чтобы спать. Я металась по нашей маленькой спальне. Мой взгляд упал на ящик, в котором я нашла письма Мэг. «Это было начало конца», – подумала я и заплакала горькими слезами.

Я оплакивала брак, который был бесповоротно, совершенно точно мертв. Около трех часов утра я наконец забылась коротким беспокойным сном..

Когда я проснулась, на часах было пять пятнадцать утра, и мягкий рассвет проникал в окна. Мне было грустно, но я чувствовала облегчение. Сейчас мне все было ясно, и любые сомнения, ложная надежда на то, что наши отношения можно спасти, была уничтожена. Я вступила в этот брак,

полная иллюзий. Я сделала из Майкла того, кем хотела его видеть.

Конечно, у нас были прекрасные мгновения вместе. Мы вырастили двоих детей, умных, красивых детей, и в каком-то смысле я всегда буду любить Майкла. Но спустя тридцать лет, прожитых вместе, я должна была признать, что наш брак никогда не был таким, каким я его представляла, а Майкл не был мужем, образ которого я создала в своем воображении.

Я была готова отказаться от иллюзии, которую создала своими же руками..

Я вышла в гостиную и увидела, что Майкл сидит на диване, закрыв голову руками. Он повернул голову, услышав мои шаги. Под глазами у него были темные круги, а волосы как будто разметало ураганом.

Я почти жалела его, но не намерена была отступить.

– Шерил, я не хотел этого говорить. Я просто хотел тебя задеть.

– Каждый, кто позволит себе так говорить со мной... говорить мне такое после всех лет, которые мы прожили вместе... Я не могу оставаться с тобой, Майкл.

Я выглянула из окна, которое выходило на задний двор, и увидела домик, стоявший на нашем куске земли. Мы купили его вместе с домом в 1978 году. Теперь вопрос был только в том, как быстро Майкл сможет туда переехать. За одну неделю он собрал все свои пластинки, книги, одежду и сбежал на задний двор.

*

В апреле 1993 года мы с Майклом уже почти год жили как соседи, и между нами установилось что-то вроде дружбы. Боб оставался у меня несколько ночей в неделю, а Андреа время от времени жила у Майкла. Когда приезжали Джессика и Эрик, мы все собирались в доме, который я теперь считала безраздельно принадлежащим мне, и готовили ужин,

смотрели фильмы или просто проводили время за разговорами.

Добившись определенной дистанции, я смогла увидеть то, чего не видела раньше. Майкл привносил в наш брак свои собственные проблемы. Теперь мне уже не казалось, что он не любит меня, потому что я недостаточно хороша. Вместо этого я поняла, что он тоже постоянно вынужден был бороться с собственными страхами.

Я не уверена, что он вообще смог бы полюбить женщину. Это помогло мне проникнуться сочувствием к нему и справиться с раздражением, чтобы на месте наших прошлых отношений могла возникнуть дружба..

В силу финансовых обстоятельств Майкл продолжать жить у меня на заднем дворе. Когда судья спросил, не собираюсь ли я подавать заявление на алименты, мне стало смешно. «Хорошо бы он не пришел за алиментами ко мне», – подумала я. Он не пришел, и когда оказалось, что кое-какое имущество нужно все-таки поделить, выяснилось, что я являлась основным добытчиком в семье, и он не запросил многого.

Если нам предстояло быть соседями, нужно было ради детей и ради нашего собственного благополучия постараться не ссориться..

Все шло прекрасно, за исключением постоянной боли в желудке. Сначала я приписывала это стрессу. Иногда боль становилась настолько сильной, что я не могла есть. Я сбросила несколько килограммов и, хотя чувствовала себя ужасно, наконец-то приблизилась к идеалу фигуры, о котором мечтала все эти годы. «Если бы мне только удалось соблюдать диету, к которой меня вынудила боль, когда она утихнет, мне удастся встретить мой пятый десяток стройной», – думала я.

Проблема была в том, что боль не утихала. Я не могла спать, не могла работать. В июле 1993 года, после одного особенно тяжелого дня, когда я не могла встать с постели и едва сделала пару глотков воды, я позвонила врачу и сказала, что он должен принять меня немедленно..

– Похоже на воспаление дивертикула, – сказала доктор Сандерс, которая в то время была на седьмом месяце беременности. Она выписала антибиотики и сказала, что, если улучшений не будет, она даст мне направление к гастроэнтерологу.

Неделю спустя я все еще испытывала сильнейшие боли и снова позвонила доктору Сандерс. Она ушла в декретный отпуск, но ее медсестра дала мне номер доктора Джедсона, гастроэнтеролога, к которому, к счастью, мне удалось попасть на прием в тот же день.

Доктор Джедсон разговаривал так мягко и спокойно, что моя тревога немедленно улеглась. Лекарства, которые я принимала, так мало помогли, что я уже не была уверена в диагнозе. «Ему-то точно удастся выяснить, что со мной происходит», – с облегчением подумала я. После осмотра он объявил, что мне нужно будет сделать компьютерную томографию – следующим же утром.

Я, конечно, хотела выяснить, что со мной происходит, но события развивались как-то слишком быстро. Кажется, обычно требуется хотя бы один день, чтобы заполнить бумаги и так далее. Стоило ли начинать беспокоиться. Я спросила доктора Джедсона, где мне нужно записаться на томографию, и он сказал, что записал меня сам.

Теперь я была по-настоящему взволнована. Кажется, они собираются принимать особые меры, а это был не тот случай, когда я хотела быть особенной..

Я позвонила Бобу, который немедленно отпросился с работы. Я позвонила и Майклу тоже, и он сразу же вызвался нас сопровождать. Он искренне беспокоился обо мне. После всего, через что нам пришлось пройти, мы с Майклом по-прежнему были привязаны друг к другу, и, должна признать, я хотела, чтобы он был рядом.

Мне нужна была поддержка, и Майкл готов был стать если не хорошим мужем, то по крайней мере верным другом..

На следующее утро мы втроем приехали в лабораторию в центре Беркли. Я оставила Майкла с Бобом поболтать в приемной, а сама прошла в сопровождении медсестры в просторную комнату, где располагался томограф, формой напоминающий пончик.

Я легла в желоб, высовывающийся из аппарата. Техник сказал, что я должна буду задержать дыхание, когда загорится зеленая лампочка. Я услышала звук, похожий на шум пылесоса в соседней комнате, и медленно заскользила в туннель аппарата. Зажглась зеленая лампочка, и я задержала

дыхание. Несколько таинственных щелчков, и лампочка погасла.

Через минуту вновь – лампочка и щелчки. Так повторилось пять или шесть раз..

Я вернулась в приемную и села между Майклом и Бобом. Если бы я так не волновалась в ожидании того, что может обнаружить томография, мне бы, наверное, стоило подумать о том, как объяснить врачу, кто эти двое сопровождающих меня мужчин. Мне стало смешно, когда я представила, как называю Боба своим будущим супругом (ведь наша свадьба в Рино не считается), а Майкла – будущим экс-супругом.

Всего через несколько минут я узнаю, что за боль преследовала меня последние два месяца. Я боялась ответа, но мне хотелось наконец избавиться от нее и вернуться к нормальной жизни..

«Как будто у меня туча в животе», – подумала я, когда мы втроем посмотрели на рентгеновский снимок моего желудка, который висел перед нами в кабинете врача.

– Видите серое? – спросил врач. – Это ваша лимфатическая система. У вас лимфома. Все это опухоли.

Я слышала, что он сказал, но никак не могла это осознать. Лимфома – это рак. А разве у меня может быть рак. Я посмотрела на Боба, потом на Майкла. Такими серьезными я их еще никогда не видела. Доктор взял листок и написал на нем имя и номер телефона врача-онколога. Он протянул его мне, но я не пошевелилась.

Наконец листок взял Боб. Мы в молчании шли к машине. Боб открыл мне дверь и усадил на пассажирское кресло. Боб обычно никогда этого не делал. И внезапно я поняла, насколько серьезно мое положение..

*

Доктор Реснер, онколог, был худощав и предупредителен. У него были

чуть тронутые сединой волосы на висках и мелодичный голос. Он объяснил, что опухоли у меня начинаются чуть ниже сердца и заканчиваются в паху. Я испытывала боль и не могла есть оттого, что желудок и большая часть органов была окружена опухолями.

Он должен был сделать анализ крови и несколько других анализов, чтобы определиться с тем, как мы будем действовать. Для начала с помощью биопсии мне должны были удалить некоторые вздувшиеся лимфатические узлы. Это покажет, какая именно у меня разновидность лимфомы. За этим последует анализ ткани костного мозга, а когда у него на руках будут результаты, мы соберемся снова..

Ранним июльским утром Боб, Майкл, Джессика, Эрик и я сели в машину Майкла и поехали на другой конец города в больницу. Мне нужно было быть там в шесть утра, и в тот же день мне делали операцию. Мы все были не способны соображать. Операцию делали под общим наркозом, и если все пойдет хорошо, это не должно занять больше двух часов.

Мне сделают надрез над правой ключицей и извлекут несколько лимфатических узлов..

Когда мы приехали в больницу, мне необходимо было заполнить несколько бланков, а Джессика с Эриком пошли выпить кофе. На меня надели браслет с моим именем и голубую больничную одежду. Дружелюбная медсестра сделала все необходимое, затем появился хирург, чтобы узнать, нет ли у меня вопросов. Один за другим все члены моей прекрасной семьи наградили меня поцелуями и заверили, что будут рядом, когда я очнусь.

Последнее, что помню: я вслух считаю до десяти, пока анестезиолог прикладывает маску к моему лицу..

Придя в себя, я в первую очередь почувствовала на носу почти невесомую дыхательную трубку. Из моей руки тянулась к капельнице другая трубка, и я могла различить далекие голоса медсестер за дверью. В ногах моей кровати сидела Джессика: соскользнув со стула, она положила руки на кровать, а голову на руки.

У Джессики был отточенный артистичный ум – бунтарь от природы, – и я считала для себя честью быть ее матерью..

– Джесс, милая, что случилось?

– Что случилось? Что случилось? Ты в больнице. У тебя рак. Ты колотишься лбом о входную дверь Ее Величества Смерти, – она произнесла эти слова по-французски, чудовищно преувеличивая акцент.

Хирургический шов пронзило болью, и я почувствовала, как расходятся нитки.

– Не смей меня, – сказала я, сжимая губы, чтобы сдержать смех.

С поддержкой моей любимой семьи и друзей я надеялась отправить Ее Величество Смерть куда подальше. Чем в точности она мне грозила, должно было проясниться, когда появятся результаты анализов.

Мне поставили диагноз – фолликулярная смешанно-клеточная лимфома низкой степени злокачественности. Третья стадия, не слишком хорошо, но не так страшно, как четвертая или пятая. Болезнь не затронула костный мозг, и, если я буду выполнять указания врачей, с вероятностью в девяносто пять процентов удастся снизить количество опухолей.

Шансы на выживание при такой разновидности рака велики..

Мне нужно было это услышать. Я по-прежнему была в плохом состоянии, хотя постоянно принимала обезболивающее, и была слабой и изможденной. Я не могла есть и потеряла тринадцать килограммов. Иногда мне казалось, что лучше умереть, чем влачить дальше такое жалкое существование. Моя решимость таяла. Были дни, когда я с трудом могла держать подбородок на весу.

Впервые я ощутила вес своей головы. Мне казалось, что у меня на шее качается шар для боулинга. Тем не менее надежда была..

Доктор Реснер объяснил, что меня будут лечить химиотерапией по системе СНОР, которая включает в себя препараты циклофосфамид, доксорубин, винкристин и преднизолон[7]. Еще три недели назад я даже не подозревала, что такие лекарства существуют. Я боялась этих непроносимых названий и хотела вернуться в то время, когда не знала, что слово «снор»[8] может быть аббревиатурой.

Тем не менее надежда была..

*

Я знала, что, когда начнется химиотерапия, мне придется расстаться со своими длинными, до середины спины, волосами. Я решила, что как только с моей головы упадет первый волос – сразу побреюсь. Это был способ утвердить хоть какую-то власть над телом, которое вышло из-под контроля. Я поклялась всю свою энергию отдать на выздоровление.

Я не могла больше позволить себе растрачивать ее на злобу или обиду. Нужно было сосредоточиться на том, чтобы поправиться, и как можно скорее. Мне уже пришлось сделать перерыв в работе и отказать некоторым клиентам. Я знала, что не смогу работать во время лечения и придется залезть в свои скудные сбережения, чтобы сводить концы с концами..

Я поклялась, что буду заботиться о себе. Мы с Майклом изучали гипноз несколько лет назад, и он согласился каждый день проводить со мной сеансы гипноза. Я обратилась к диетологу и в два раза чаще стала ходить к психотерапевту. Один из бывших клиентов узнал, что я больна, и пригласил массажиста, который делал мне массажи после каждого сеанса химиотерапии.

Боб ушел в пятимесячный отпуск, который накопился за десять лет его работы на почте, и не отходил от меня ни на секунду. Джессика и Эрик были готовы примчаться на помощь в любой момент. На мою группу поддержки можно было положиться не только благодаря тем, кто в нее входил, но и благодаря тому, что кто-то другой в этом не участвовал..

Я решила, что не буду звонить родителям, пока прохожу курс лечения. Вопреки моему желанию, Майкл рассказал им о диагнозе вскоре после того, как его услышала я. Я не хотела, чтобы они знали, что со мной случилось несчастье. Почти тридцать лет прошло с тех пор, как я уехала в Калифорнию с Майклом, а они все еще ждали, что случится катастрофа.

Я не хотела, чтобы они оказались правы. Майкл рассказал, что они

восприняли эту новость с обычным для них мужеством и попросили позвонить, если дела пойдут хуже. Никаких проявлений сочувствия я от них не получила. Они не собирались мчаться в Калифорнию, чтобы навестить меня. Пусть будет так. Я собиралась избегать общения со всеми, кто не поддерживал и не успокаивал, и если это означало, что придется на время прекратить всякое общение с родителями, то придется пойти и на это..

Пока химиотерапия делала свое дело, я много думала о том, что должна простить и себя, и других, если собираюсь каждую каплю энергии направить на выздоровление. Мне хорошо было известно, что обида и гнев могут быстро осушить драгоценные источники внутренних сил. Я старалась простить Майкла и простить себя за то, что мирилась с его поступками.

Если в моем воображении вставало воспоминание, которое разжигало злость, я напоминала себе, что энергия должна уходить только на лечение. Были дни, когда я делала себе такое напоминание один раз, иногда мне приходилось повторять это без конца. До болезни протянуть оливковую ветвь мира Мэг казалось мне не более возможным, чем начать ходить по воде. Но теперь я чувствовала, что это необходимо, поэтому за несколько дней до начала химиотерапии я позвонила ей..

– Шерил, это ты? – спросила она.

– Это я, Мэг.

Повисла долгая пауза.

– Думаю, Майкл тебе рассказал, что... что я болею. Ну то есть у меня лимфома, и я начинаю курс химиотерапии.

– Сказал, Шерил. Мне очень жаль, – неуверенно сказала Мэг.

Возможно, ей казалось, что я звоню, чтобы выпустить пар, но это должно было произойти не так, как она предполагала.

– Мэг, все в порядке, – сказала я.

– Спасибо. Никогда не знаешь, что говорить.

– Я позвонила, потому что хочу, чтобы ты знала, что я не злюсь на тебя. Если я умру – а я не планирую этого делать – я не хочу, чтобы казалось, будто я умерла с ненавистью к тебе. Я понимаю, что произошло. Ты человек. Мы все всего лишь люди, и мы с тобой влюбились в одного мужчину.

– Шерил, я сожалею о многом, но я не могу извиняться за то, что родила своих детей.

– Я и не хочу, чтобы ты извинялась за это. Я обожаю твоих детей и рада, что они – часть моей жизни.

Для примирения недостаточно одного телефонного звонка, но начало было положено. Я верила Мэг. Она не хотела навредить мне, а даже если бы и хотела, я делала все возможное, чтобы избавиться от гнева – никаких исключений.

«Никаких исключений» подразумевало и моих родителей в том числе. Долгие годы я мечтала о примирении с ними, и это означало больше, чем ряд молчаливых соглашений не говорить о том, что могло бы спровоцировать ссору. Я хотела, чтобы они приняли и полюбили меня такой, какая я есть. Я хотела, чтобы они пересмотрели свой взгляд на некоторые вещи, чтобы поняли, как их отношение к сексу задевает меня.

Я жаждала, чтобы они признали во мне любящую мать, хорошего специалиста и даже хорошую дочь. Еще я понимала, что не должна ставить условия для прощения. Я должна избавиться от раздражения вне зависимости от того, что они делают или не делают, – я пришла к такому выводу. Это не то разрешение конфликта, на которое я надеялась, но мне пришлось его принять..

Боб и Майкл оба вызвались сопровождать меня на мой первый сеанс химиотерапии. Майкл прилагал все усилия, чтобы оставаться моим другом, и я с радостью их приняла. «Все сложно» – сейчас этим определением пользуются направо и налево, но наши отношения с Майклом можно было описать именно так. Мы буквально росли вместе – вместе воспитывали детей, многое пережили и, каким бы беспокойным ни было наше прошлое, не могли потерять друг друга из вида.

Майкл прошел со мной через самое серьезное заболевание в моей

жизни. Если бы на моем месте был он, я бы так же неотступно была с ним, со всем своим гневом и любовью, обидой и нежностью. Он присутствовал на первых трех сеансах химиотерапии..

– А она когда-нибудь делает... – услышала я шепот Майкла на ухо Бобу, как только села в кресло. Он бросил на меня лукавый взгляд. Я была благодарна за попытку пошутить, но мне было совсем не до смеха.

– О боже, только не это, пожалуйста, – сказала я.

Боб снова принялся за свой журнал по фотографии, а Майкл устался в окно. Я не хотела, чтобы они делились впечатлениями, пока в меня каплю за каплей вливают химикаты, которые должны спасти мне жизнь. Было назначено шесть сеансов, считая этот, один раз в три недели. Стоял август, и если все пойдет хорошо, мне удастся покончить со всем этим к Рождеству, и 1994 год я встречу без рака..

Я откинулась в кресле, закрыла глаза и подумала о Гранд-Каньоне и Европе – два места, которые я, как никогда страстно, мечтала увидеть. «Когда поправлю здоровье, в первую очередь поеду туда», – думала я. Возможно, это прозвучит избито, но болезнь заставила меня осознать, что всего времени мира не хватит, чтобы сделать все, что я хочу сделать в этой жизни.

Безделье теперь казалось мне самым страшным врагом..

Лечение шло полным ходом, и я была благодарна за многое. Первыми в списке идут моя семья и мои друзья. На втором месте – «Зофран», противорвотное лекарство, относительно новое в то время. После первого сеанса химиотерапии мой желудок крутило, как в стиральной машине. Тошнота во время беременности не шла ни в какое сравнение.

Меня рвало до тех пор, пока во мне ничего уже не оставалось, и я так ослабела, что меня буквально приходилось носить на руках те шесть метров, которые отделяют ванную от спальни. Потом я стала принимать «Зофран» внутривенно перед сеансом и в виде таблетки, если требовалось, после..

Большую часть времени я была так измучена, что приходилось напоминать себе о том, что я на пути к выздоровлению. Ничто на это не

указывало. Мне бы не удавалось часто выходить из дома самой, но члены моей семьи по очереди сопровождали меня. Я постоянно слышала, как дети говорят друг другу: «Пойдем выведем маму погулять».

Если бы у меня еще оставались силы, я бы посмеялась над этим. Я что – собачка?.

Боб тоже гулял со мной. Однажды мы поехали в ботанический сад Калифорнийского университета, где состоялось наше первое свидание. Я шла по дорожке, опираясь на Боба. Вскоре мне потребовался отдых, и мы сели на ближайшую лавочку. Я положила голову ему на плечо, на несколько минут закрыла глаза и почти уснула.

Внезапно я услышала детский смех. Я подняла глаза и увидела малыша, который бежал по дорожке и веселился, и не поспевающих за ним родителей. У него была шапка каштановых кучеряшек на голове и умные голубые глаза. Он попытался взобраться на маленький холм и, потеряв равновесие, скатился со смехом вниз.

Его мама смахнула грязь с его колен и поцеловала его в пухлые щечки..

«Он только начинает жить», – подумала я. Когда-то и я начала. Жизнь его родителей тоже только началась с его рождением. И я когда-то была такой же. Возможно, это уже конец моей жизни. Мне стало очень грустно за себя, но я чувствовала безграничную радость за этих незнакомых мне людей. Как быстро может закончиться жизнь.

Она мелькнет, как молния. Я крепко закрыла глаза, чтобы Боб не видел моих слез. «Посмотри, как много у тебя было, – сказала я себе. – Люди, которые гораздо моложе тебя, умирают постоянно. Умирают дети. Умирают младенцы. Они живут меньше, чем бабочки. Ты прожила хорошую жизнь, в твоей жизни было многое.

Ничего страшного, если ты умрешь». Когда я открыла глаза, счастливой семьи уже не было, понадобилось всего несколько мгновений, чтобы они исчезли..

Я не люблю слово «ремиссия», наверное, потому, что есть соседнее слово – «рецидив». Я предпочитаю думать, что я полностью исцелилась, и

я сообщила об этом доктору Реснеру на одном из последних приемов. Химиотерапия сделала свое дело, теперь я могла вернуться к жизни и работе. Злоба и обида, которые я копила годами, тоже ушли.

У меня был любящий человек, новое здоровое тело и представление о том, что действительно важно в этой жизни. В пятьдесят у меня был огромный багаж знаний – достаточный, чтобы прожить вторую половину жизни даже лучше, чем первую..

Глава 19

Когда наступило новое тысячелетие, мои друзья уже давно перешли в категорию «пожилые» или были на грани этого. Поколение, которое прославляло молодость, сделало невозможное – постарело, а это значило, что нужно было примириться со своим стареющим телом и переменами в сексуальной жизни.

После катастрофы с «Далкон Шилд», которую я пережила в двадцать с небольшим, в моих фаллопиевых трубах был толстый слой рубцовой ткани, а на яичниках – кисты. Между сорока и сорока шестью годами я перенесла три операции по их удалению. Врачи советовали мне полное удаление матки, но я отказывалась, потому что знала, что это повлияет на мою сексуальную жизнь.

Когда один из врачей спросил, зачем мне нужна матка, если я не собираюсь больше иметь детей, я была поражена тем, как мало он знает о женской сексуальности. Я объяснила, что отсутствие матки снизит количество оргазмов. Моя матка была здорова, и удаление повлияет без нужды на мою сексуальную жизнь. Он возразил, сказав, что это снизит риск заболевания раком, но я не собиралась идти на это в качестве профилактики.

Мне хотелось спросить его, как бы он отреагировал, если бы ему предложили на всякий случай удалить яички, чтобы не заболеть раком..

Тем не менее мне пришлось пройти через три операции, чтобы удалить фаллопиевы трубы и яичники, и я беспокоилась, как это отразится на моем либидо. Я скоро это выяснила, потому что после операций у меня изменился гормональный фон и сексуальная энергия была лишь тенью бывшего величия. Я решила обратиться к терапии по восстановлению гормонального фона, а кроме этого, положиться на все свои знания о сексе, копившиеся десятилетиями.

Я знала, что взаимопонимание, воображение и готовность к экспериментам способствуют созданию нужного эротического эффекта.

Если мое тело сдавало позиции, придется мыслительному процессу взять большую часть работы на себя..

Потребовалось больше времени, чем я думала, чтобы восстановить сексуальную энергию; я все еще испытывала оргазм, но он уже не был похож на приливную волну, которая накрывает с головой. Пришлось обратиться к главному ресурсу – к мозгу. Я запустила руку в свой запас эротических воспоминаний и положились на фантазии, когда нужно было возбудиться.

Я напоминала себе, что сексуальные потребности меняются с возрастом, и я здесь не исключение. Пришло время воспользоваться советом, который я не раз давала своим друзьям и клиентам: продолжайте играть, продолжайте пробовать..

*

Благодаря одному случаю, о котором я сейчас поведаю, я в свои шестьдесят с небольшим была как никогда полна решимости по-прежнему получать удовольствие от секса. Эстер была моим давним другом, ей недавно исполнилось восемьдесят четыре. Она больше полувека замужем за Генри, который сейчас страдал от деменции, артрита и целого комплекса других заболеваний, которые положили конец его сексуальной жизни.

Эстер любила Генри и была намерена возродить забытые ощущения..

Она обратилась ко мне не как клиент, а как друг, который хотел получить профессиональный совет.

Однажды в субботу она зашла на бранч. Мы сидели у меня на заднем дворе, наслаждаясь запахом первых весенних цветов и попивая коктейль «Мимоза». Эстер сказала, что не готова отказаться от увлекательного секса, который доставлял ей такое удовольствие в течение всей ее замужней жизни. Оргазмы с Генри были как землетрясение, в хорошем смысле этого слова.

Она хотела снова это испытать или хотя бы просто чувствовать возбуждение и удовольствие, но ей требовалась помощь, чтобы научиться достигать этого собственными средствами..

– В этом и заключается твоя роль, Шерил, – сказала она. Она улыбнулась своей прекрасной улыбкой, и вокруг рта у нее собрались маленькие морщинки.

– Чем я могу тебе помочь?

– Я хочу больше узнать об игрушках. Несколько лет назад я попробовала вибратор, но мне не понравилось. Можешь сходить со мной в магазин?

– Магазин «Позитивные вибрации»?

– Да, этот.

Если бы только в каждом городе был такой магазин, как «Позитивные вибрации». Там можно купить игрушки, средства для смазки, презервативы, книги, фильмы, игры и много чего еще. Магазин был основан людьми, которые умеют ценить секс, и работают там знающие, готовые помочь люди, которые радушно встретят каждого.

Я помню, какой потрясающий эффект произвело открытие магазина в 1977 году, – ведь у нас в городе внезапно появилось достойное место, где можно регулярно покупать все, имеющее отношение к сексу, не испытывая при этом стыда..

Мы с Эстер осушили бокалы, не спеша закончили нашу трапезу, состоящую из яиц и круассанов, и решили, что совершим визит в «Позитивные вибрации» на следующий же день.

*

Когда я на следующее утро заехала за Эстер, она уже забрала свои

седые волосы, отливающие бронзой, в узел и накрасила губы розовой помадой.

– Великий день, – произнесла она.

Мы отправились в магазин, и по дороге я немного ввела ее в курс дела.

– У них есть вибраторы, фаллоимитаторы и почти все, что требуется. Нужно подумать о смазке. Тебе может понадобится что-нибудь?

– Это еще одна проблема. Я совсем сухая.

– Понятно. После менопаузы это происходит со многими женщинами и у большинства в твоём возрасте. Посмотрим, что у них есть. Я бы посоветовала взять несколько образцов и посмотреть, что лучше подходит.

Я оставила машину за углом, помогла Эстер выйти, и мы направились в магазин.

– Вот это да, – произнесла она, как только мы переступили порог, ее карие глаза расширились от удивления.

Она осматривала обширную комнату, остановившись у входной двери и не заметив, что мешает пройти нескольким посетителям.

Я быстро рассказала Эстер, где что находится. Фаллоимитаторы, вибраторы и другие игрушки были на одной стороне; гели, масло для массажа и дополнительные приспособления – на другой. Девушка-консультант узнала меня и поздоровалась. Я представила ее Эстер и сказала, что она в магазине первый раз.

– Добро пожаловать, Эстер. Сообщите, если вам что-нибудь понадобится, – сказала она.

– Спасибо, дорогая, – ответила та, все еще не придя в себя от такого разнообразия.

Я показала Эстер гель, которым обычно пользовалась, и немного рассказала про остальные. Но, думаю, она не слишком внимательно меня слушала, потому что ее взгляд был прикован к стенду напротив, где был

представлен широкий выбор фаллоимитаторов и вибраторов.

– Тебя что-то заинтересовало? – спросила я.

– Думаю, да. Пойду посмотрю, – ответила она и с тростью в руках направилась к игрушкам.

Я занялась гелями, презервативами и другими необходимыми вещами – нужно было пополнить и рабочие, и домашние свои запасы. Положив несколько коробок презервативов в корзинку, я подняла глаза и увидела, что Эстер улыбается мне с другого конца комнаты. Она держала в руках голубой силиконовый, почти в тридцать сантиметров длиной фаллоимитатор..

Я подошла к ней.

– Тебе понравился этот?

– Я бы хотела попробовать. Скажи, Шерил, у тебя есть какие-то предпочтения?

Много лет я пользовалась вибратором, который был почти на четверть меньше того, что Эстер держала в руке. Но с возрастом я открыла для себя «Покет Рокет», который был значительно меньше, около десяти сантиметров в длину. У него была только одна скорость, зато мощность его вполне меня устраивала.

– Давай покажу, что мне сейчас нравится больше всего, – произнесла я.

Мы подошли к полке, и я показала ей «Покет Рокет».

– И его удобно брать с собой, – добавила я.

– Но он такой маленький.

– Ну тебе и не нужно заходить очень глубоко, чтобы получать удовольствие.

– Хм... Мне всегда нравились большие мужчины, а Гарри в полной

боевой готовности был очень велик, – сказала Эстер.

Она посмотрела на монстра у себя в руке и снова на полку.

– Я думаю, что попробую оба.

– Хорошая идея. Поэкспериментируй с обоими и поймешь, что нравится тебе больше.

Она выбрала несколько видов геля, и мы направились к кассе. Мы с Эстер перекусили в городе, и я отвезла ее домой.

Через неделю она позвонила. Мне не пришлось долго упрашивать, чтобы она рассказала о своих впечатлениях.

– Как дела? – спросила я.

– О, Шерил, этот твой «Покет Рокет»! Может быть, я преувеличила с размером или просто сильно изменилась, но, боже мой, это теперь мой лучший друг!

Ее слова напомнили мне о том, что мне однажды довелось услышать, когда мне было двадцать с небольшим лет. Я навещала подругу, которая жила со своей матерью и бабушкой. Сестра бабушки заехала к ним в тот же день, и нам было слышно, о чем они разговаривали на кухне, пока мы сидели в гостиной.

– Я так рада, что это закончилось, – говорила одна из них.

– Я тоже. Такое облегчение, что он больше этого не хочет, – отвечала другая.

Я поняла, что они говорят о сексе. Мы с подругой взглянули друг на друга.

– Надеюсь, я никогда не буду так говорить, – сказала я.

Теперь, слушая, как Эстер поет дифирамбы своему новому «Покет Рокет», я с полной уверенностью могла сказать, что не буду. Еще я была уверена, что мое поколение, в шестидесятые и семидесятые перевернувшее

мир, не станет отказываться от секса из-за своего возраста. Наши тела меняются, когда мы стареем, но это означает только то, что нам приходится искать новые способы проявить свою сексуальность.

И вместе со своими седовласыми друзьями и коллегами я писала не эпилог, а новую главу моей сексуальной жизни..

Глава 20

– Шерил, ты срочно должна прийти сюда. – Казалось, что у Сары едва хватает воздуха в легких, чтобы произносить слова.

Мое сердце колотилось так сильно, что я слышала, как звук отдается в ушах и в руках. Случилось что-то страшное.

– Эрик мертв? – спросила я. Это худшее, что я могла услышать из уст моей невестки.

– Нет, нет, но тебе срочно нужно прийти.

Шел 2001-й год. Мой сын, его жена и моя маленькая внучка жили в домике на заднем дворе моего дома. Несколько лет назад Майкл съехал и жил со своей последней девушкой, Джен.

Я засунула ноги в шлепанцы и помчалась вниз по ступенькам, а затем по дорожке, которая соединяла наши дома. Мои ноги, казалось, летели сами собой. Поднимаясь по ступенькам крыльца, я потеряла один шлепанец.

– Что, что такое? – спросила я Сару.

– Шерил, плохие новости. Майкл умер.

– Какой Майкл? – спросила я, не в силах осознать, что это может быть мой Майкл.

– Майкл Коэн, – ответила она.

Мне казалось, что меня ударили палкой.

– Что? О господи! – выдохнула я.

Через три дня у Майкла был день рождения. Третьего февраля ему должно было исполниться шестьдесят один.

– Эрик едет домой, я позвонила ему на работу, – сказала она.

– Что случилось?

– У него был сердечный приступ, прямо в школе. Джен позвонила. Она в больнице.

Майкл был учителем в школе для детей с особенностями развития. Впервые за многие годы у него была постоянная работа. Ученики любили его, и ему удалось достичь успеха даже в самых сложных случаях. Директор школы поражался тому, какого прогресса он добился с некоторыми из учеников.

Как он мог умереть. Сама мысль о том, что Майкл больше не ходит по земле, казалась невероятной. Все его знания, чувства, идеи, страсти и сумасшедшие выходки – этого больше нет. Я никогда его больше не увижу. Майкла, который изменил мою жизнь, больше не существовало. Человек, которого я полюбила и разлюбила, который приводил меня в бешенство, подарил мне двух прекрасных детей, который смешил меня, предал меня... он умер.

Я никогда больше не буду с ним говорить. Как такое возможно?.

Я села на диван и закрыла лицо руками. Я постаралась успокоиться, разглядывая свою голую ногу.

– Не могу поверить. Просто не могу в это поверить, – говорила я Саре и самой себе.

Я подумала, что нужно позвонить Джессике на работу, но вместо этого позвонила ее лучшей подруге Эллен.

Эллен и Джессика были как сестры, и я хотела, чтобы она была рядом со мной, когда придется сообщить печальные новости. Я не в состоянии была вести машину, поэтому Эллен заехала за мной. Мы вместе отправились в ювелирный магазин, где работала Джессика.

Ее лицо озарилось улыбкой, когда мы вошли в магазин, и она быстро угасла, стоило Джессике заметить мое выражение лица.

– Что случилось? – спросила она.

– Джессика, милая. Случилось что-то очень печальное. Твой отец умер.

– Мама, мама, ты в порядке? – Первое, что спросила моя прекрасная дочь.

Она вышла из-за прилавка, чтобы меня обнять. Я почувствовала через ткань своей рубашки, как горит ее лицо, залитое слезами.

– Если бы я только знала, что вижу его в последний раз... – произнесла она.

Обнявшись, мы вышли на парковку, и Эллен отвезла нас домой.

Я позвонила Бобу, который тогда стал уже моим официальным мужем. В 1995 году мы обменялись клятвами, на этот раз с нами было человек пятьдесят друзей и родственников. Он сразу же сел в машину, и вскоре мы все собрались в гостиной моего сына.

Джен опознала тело, но мы решили, что все равно поедem в морг. Казалось, что нам всем нужно доказательство того, что Майкл и правда умер.

Когда мы приехали в больницу, Боб остался в фойе с моей одиннадцатимесячной внучкой, а все остальные сели в лифт и спустились в морг.

Флуоресцентные лампы отбрасывали яркий свет на ряды стальных ящиков. Так холодно, так безлично, как униформа. Вращающаяся дверь выпускала и впускала скорбящих. Наконец пришла наша очередь. Завтра наступит очередь кого-то еще.

Коронер выдвинул один из ящиков. В нем лежал Майкл. Мне казалось, что я сейчас упаду в обморок. Кровь отхлынула от его тела, и я заметила фиолетовую полосу под ухом. Восковая кожа, навсегда закрытые глаза.

– Папочка, – произнесла Джессика.

Я начала плакать – о себе, о Джессике, обо всех нас. Каждый по очереди попрощался с ним. Когда пришла моя очередь, я опустилась на пол и поцеловала его в холодные губы. Я коснулась его лица, его груди. «Как, черт возьми, это могло произойти?» – подумала я. Я чувствовала вину за то, что так сильно расстроена.

Майкл больше не был моим мужем, у меня был прекрасный Боб. Неужели я сейчас изменяю Бобу. Неужели я была неверна ему. «Прости меня, Майкл», – прошептала я..

Мы вышли, и каждый из нас потянулся, чтобы сжать руку, которая была ближе всего.

*

Мне всегда было интересно, как бы развивалось наше с Майклом общение с возрастом. После развода Майкл начал с большей откровенностью говорить о своих чувствах и страхах. Однажды он сказал мне, что всегда поражался, как после очередного удара судьбы мне удавалось снова встать на ноги.

– У меня бы так не получилось, – говорил он. – Я бы просто свернулся мячиком и старался себя защитить.

Он признавал, что никогда не мог дать мне близости, которой я заслуживала.

– Ты с такой страстью любила меня, что меня это пугало. Я боялся подвести тебя, потерять твою любовь.

Он хотел начать работать над собой, встретиться со своими страхами лицом к лицу и справиться с тем, что не позволяет ему по-настоящему любить женщину.

«Как грустно», – думала я. У него было столько талантов, столько любящих его женщин, но он много терял, не в силах любить сам. Я

понимала, что он был по-своему одинок.

Год спустя я потеряла еще одного человека, который сильно повлиял на мою жизнь. В 2002 году в возрасте семидесяти семи лет моя мама умерла от рака кости.

После моего заболевания мы с мамой оказались на распутье. Моя решимость сохранять присутствие духа подвергалась тяжким испытаниям после каждого нашего разговора. Раз за разом я злобно клала трубку, сдерживая рыдания. Я пришла к выводу, что если хочу сохранить здоровье, то должна изгнать из организма все токсичные эмоции, которые неизбежно провоцировала беседа с матерью.

Поэтому я решила, что нам нужно изменить способ общения или не общаться совсем..

Однажды в субботу в 1995 году я сделала телефонный звонок, который сильно повлиял на наши отношения.

– Мам, я так больше не могу, – сказала я. Несколько дней до этого я репетировала свою речь и поэтому говорила уверенно. – Нам нужно меняться, – продолжала я.

На другом конце повисла гробовая тишина, но внезапно я услышала вздох. «Продолжай», – сказала я себе.

– Каждая из нас тянет одеяло на себя. Это расстраивает и меня, и тебя, и это не прибавляет нам здоровья. Я хочу, чтобы прошлое осталось позади. Ты всегда будешь мне матерью, но теперь я хочу, чтобы мы стали друзьями. Я хочу, чтобы мы думали о настоящем. Кто знает, как долго осталось жить тебе или мне.

Давай не будем проводить это время в ссорах. Мы не можем изменить прошлое, но мы можем сами создать свое будущее. Я прощаю тебя и хочу, чтобы ты простила меня..

– За что тебе меня прощать?

Я почувствовала укол раздражения, но напомнила себе, что только что сама предложила оставить прошлое позади.

– Мама, я не хочу снова начинать говорить об этом. Давай думать о настоящем. Не будем копаться в прошлом. Если ты не готова сделать это, то я больше не смогу с тобой разговаривать.

Мама молчала.

– Я хочу, чтобы ты подумала об этом, – сказала я.

Когда я повесила трубку, то не знала, буду ли еще когда-нибудь говорить со своей матерью. Я много работала над собой, чтобы простить ее и избавиться от обиды, копившейся с детства. Я не хотела, чтобы она возвращалась с каждым телефонным разговором.

Через неделю мама дала о себе знать. Впервые за несколько лет она вместо звонка прислала мне письмо.

По дороге на воскресную мессу после нашего с ней разговора она терзалась сомнениями. Она сделала все, что было в ее силах, чтобы стать хорошей матерью, она приложила много усилий. Почему я так злюсь на нее. Неужели не она только должна испытывать недовольство. Неужели мое детство было таким уж невыносимым.

В конце концов, я никогда ни в чем не нуждалась. Она все еще негодовала, когда священник начал проповедь. Он говорил о прощении, о том, что Иисус Христос дал нам пример прощения и что именно так заживают раны. Наш долг, наш путь к спасению – это прощение..

Проповедь продолжалась, и примирение начало казаться возможным, а затем и желанным. Выйдя из церкви, она всерьез задумалась над моими словами. Возможно, спустя все эти годы пришло время двигаться дальше. Прошло еще несколько дней, прежде чем она начала письмо ко мне. «Я хочу попробовать сделать то, о чем ты говорила», – так она написала..

Мы с мамой дали друг другу обещание забыть гнев и начать строить новые отношения. Мы намерены были думать о настоящем и не возрождать былые обиды. Мы будем обходить темы, которые могут спровоцировать спор. У меня были претензии к ней как к матери, и она, в свою очередь, никогда не скупилась на упреки, но мы уже давно выросли.

Пришло время выяснить, можем ли мы преодолеть раздражение и

стать друзьями..

К моему глубочайшему облегчению и радости, мы с мамой смогли начать все сначала. Мы обнаружили, что нам нравится проводить время друг с другом, и наша привязанность росла и крепла в течение последних семи лет ее жизни. Она даже заговорила о своей сексуальной жизни. Выяснилось, что мой отец был прекрасным любовником, который всегда старался, чтобы она была удовлетворена.

Я бы, наверное, могла обойтись без такой подробной информации, но это доказывало, что в наших с ней отношениях произошла большая перемена..

Удивительно, что только один раз мама обратилась к прошлому, упомянув про свою неприязнь к Майклу. Когда я попросила ее не говорить про это, она уступила без всяких споров. Я была благодарна своей маме за усилия, которые она приложила, и за готовность меняться. Раздражение стало для нас обеих привычкой, и было сложно отказаться от этой схемы, но она это сделала.

Когда я потеряла ее в 2002 году, я потеряла друга..

*

В 2006 году мы с Бобом уже двадцать семь лет были вместе. В наших отношениях было много хорошего и немного плохого, и мы всегда бок о бок наслаждались первым и справлялись со вторым. Зимой того года судьба подбросила нам еще одно испытание. Почти тринадцать лет прошло с тех пор, как я справилась с раком, и, к моему ужасу, он вернулся.

На этот раз в виде рака груди..

У меня было небольшое уплотнение возле правого соска, которое, как предположила врач-рентгенолог, было закупоренным молочным протоком. На маммограмме были видны крошечные подозрительные пятнышки, но никто тогда не произнес страшного слова. Через полгода мне нужно было

сделать еще одну маммограмму.

– Мы будем за ними следить, – заверила меня рентгенолог.

Я доверяла ее суждениям и с чувством облегчения вышла из больницы. Через шесть месяцев, когда я послушно появилась для очередного анализа, мне сказали, что ничего не изменилось и лучшее, что можно сделать, – быть начеку и делать маммограмму каждые полгода. Я снова ушла с ощущением того, что неминуемой опасности нет.

По странному совпадению через несколько дней после второго анализа моя старая подруга Барбара, тоже суррогатный партнер, позвонила, чтобы сообщить, что другой нашей подруге, тоже Барбаре, удалили опухоль молочной железы, поставив диагноз рак груди. Сразу после этого я позвонила другой Барбаре, чтобы спросить, как она себя чувствует..

– Сначала мне говорили, что это закупоренный молочный проток, – сказала она.

Следующий звонок я сделала Эвелин, тоже суррогатному партнеру, которой несколькими годами раньше удалили молочную железу. Я объяснила ситуацию, и она дала мне совет, лучший из всех, что я могла получить:

– Скажи им, что ты хочешь сделать стереотоксическую биопсию.

Через неделю я уже была записана на стереотоксическую биопсию и биопсию уплотнения возле правого соска.

Когда доктор Уитни вошла в кабинет, на ее худом лице застыло серьезное выражение.

– У меня рак груди, да? – произнесла я.

– Да.

У меня была инфильтративно-протоковая карцинома. Она села и разложила на колене результаты биопсии. Мне казалось, что я наблюдаю за происходящим, глядя сверху на собственное тело.

– Я сделаю биопсию уплотнения. Результаты будут готовы через двадцать минут. Ложитесь и постарайтесь расслабиться, я скоро вернусь.

– Я в порядке, – сказала я неуверенно.

– Шерил, у вас шок. Ложитесь. Я принесу результаты, мы внимательно их изучим и решим, что делать, – сказала доктор Уитни.

Я легла, но как только за ней закрылась дверь, вскочила и схватила сумку. Я достала телефон и набрала номер моей подруги Джоан.

– У меня рак. У меня рак... опять. – Меня сотрясала дрожь.

– Приезжай, как только сможешь, – сказала она.

Потом я позвонила диетологу, с которой работала, когда у меня была лимфома.

– Попросите их прислать мне все ваши анализы. Я составлю для вас программу. Мы снова будем работать, как раньше, – сказала она мне взволнованно, но твердо.

Снова собрать вокруг себя свою группу поддержки было моим первым побуждением. И снова я была решительно настроена сделать все возможное, чтобы выжить. Я убрала телефон и легла на стол для осмотра, комкая руками бумагу, которой он был выстлан. Я делала глубокие, медленные вдохи, пока не вернулась доктор Уитни..

Она иглой сделала биопсию уплотнения, и мы обсудили, как лечить рак в моей груди, в наличии которого уже не приходилось сомневаться. Опухоль в уплотнении была такой же, как и в груди, что случается не всегда. Я узнала, что существует больше сорока видов рака груди, и иногда у одной женщины может быть два вида опухоли одновременно.

Инфильтративно-протоковая карцинома – это самая легкая форма, особенно если обнаружить ее на первой стадии, как это случилось со мной..

– Я бы посоветовала удалить молочную железу, учитывая количество небольших опухолей, – сказала доктор Уитни.

Странные пятна на маммограмме были на самом деле крошечными опухолями в миллиметр величиной, образовавшимися примерно на одной четверти моей груди. Они были такими маленькими, что сначала доктор Уитни не могла их разглядеть.

– Хорошо. Вторую грудь мне тоже придется оперировать?

Я хотела избавиться от рака и пресечь всякую возможность его появления в другой груди.

Меня совсем не привлекала перспектива лишиться груди, но заново проходить курс лечения мне хотелось еще меньше, и в тот момент мое предположение было оправданным.

Доктор Уитни заверила меня, что вероятность появления рака в левой груди мала и что удалить придется только правую. После мастэктомии они удалят и несколько лимфатических узлов, чтобы убедиться, что опухоль не распространилась на них.

Я спросила, имеет ли какое-нибудь отношение эта опухоль к заболеванию, которое я перенесла несколько лет назад. Она ответила твердым «нет».

Первое, что я сделала, вернувшись домой, – нашла группу психологической поддержки женщин с раком молочной железы. Я обращалась к группе поддержки после того, как у меня диагностировали лимфому, и знала, что это хорошая помощь при лечении.

*

Мне сделали мастэктомию в феврале 2006 года. К счастью, рак не распространился на лимфатические узлы и мне не требовалась химиотерапия или облучение. Меня отправили домой с двумя дренажными мешками на правом боку, чуть ниже подмышки. Я должна была каждый день измерять количество жидкости, чтобы они наблюдали, как она уменьшается.

Еще в моей груди был наполненный жидкостью гибкий экспандер, чтобы моя кожа была готова к операции по восстановлению груди в апреле. Раз в неделю я ходила на прием к хирургу, чтобы восполнить количество жидкости, которая не давала коже сжиматься. Мне было неудобно, но боль я чувствовала редко, и обезболивающее приходилось принимать только в первые два дня..

Мастэктомия сильно изменила мой внешний облик. Я постепенно научилась ценить и любить свою грудь, даже если она не была похожа на два торчащих холмика, как мне всегда хотелось. Мне нравилось, когда касались и облизывали мои соски во время секса. Операция должна была снова придать форму моей груди, но я знала, что чувствительность с правой стороны не будет прежней..

Мне пришлось напомнить себе, что грудь – это еще не все тело. Когда я произнесла это вслух в разговоре с подругой, это показалось мне таким очевидным, что повторять больше не пришлось ни себе, ни кому-либо еще. Я вернулась к тому, что выяснила, начав работать моделью: неидеальное тело может быть сексуальным.

Да, мне придется смириться с потерей чувствительности, но у меня остается еще много способов получать удовольствие..

К счастью, Боб в очередной раз показал себя преданным и любящим мужем. Узнать, что рак не затронул лимфатическую систему, было для него таким же облегчением, как и для меня. Он заботился обо мне, пока я выздоравливала, и наша интимная жизнь по-прежнему шла полным ходом. Он постоянно повторял, что хочет только, чтобы я поправилась, и мысль о том, что я могу чувствовать себя менее привлекательной для него, кажется ему невыносимой..

Приближалась пластическая операция, и я начинала все чаще задумываться о том, как это повлияет на мою работу. Больше всего меня беспокоило, что это сосредоточит все внимание на мне, тогда как наша работа должна быть по-прежнему направлена на клиента. Я была уверена, что клиент должен знать о мастэктомии, потому что моя правая грудь будет отличаться и внешне, и степенью чувствительности от левой.

Я не хотела, чтобы это отвлекало клиента. Однажды я поделилась

своими страхами на собрании группы поддержки. Доктор Ренальди, один из психотерапевтов группы, спросил меня, как я должна, по моему мнению, говорить об этом с клиентами. Проговорить сценарий, который я долго обдумывала, – это именно то, что мне требовалось в тот момент.

Я решила, что не буду упоминать об этом на первом сеансе, на котором речь обычно идет об истории клиента, о его проблеме и о наших совместных задачах. Я расскажу об этом, только когда мы окажемся в спальне, и постараюсь преподнести как один из многих факторов, о которых ему следует знать, никакого скандального разоблачения.

Я не хотела, чтобы клиент уделял этому слишком много внимания, поэтому и мне тоже не следовало этого делать..

Вставал еще один вопрос, ответ на который было не так легко найти. Я раздумывала над тем, как буду говорить о своей груди во время упражнения с зеркалом. Рак – это часть моей жизни и истории моего тела. Первый диагноз был гораздо опаснее, а его лечение – более разрушительным, но мое тело внешне осталось неизменным.

Теперь, когда я окажусь перед зеркалом рядом с клиентом, который ожидает от меня примера, мне придется говорить о том, почему различается моя грудь. Я пока не находила нужных слов, но чувствовала, что это придет со временем, по мере выздоровления..

*

После пластической операции мне не пришлось даже оставаться в больнице на ночь. Чтобы различие не так бросалось в глаза, хирург немного приподнял мою левую грудь и переместил сосок чуть-чуть наверх. Во второй груди был силиконовый имплантат.

Не потребовалось много времени, чтобы понять, что операция прошла успешно. Под бюстгалтером и одеждой разницы совершенно не было заметно. Когда я раздевалась, разница становилась очевидной, но уродливо это не выглядело. Сложнее было привыкнуть к потере чувствительности.

Она еще сохранялась в правой груди, но лишь отчасти. После полного выздоровления мне нужно было решить, хочу ли по эстетическим причинам восстановить сосок из окружающих тканей. Но меня вполне устраивал вид моей груди без соска, и я отказалась..

Я вынесла немало уроков из работы с инвалидами. Один из них состоит в следующем: важно сосредоточиться на том, что ты можешь почувствовать и попробовать, и не ограничивать себя рамками. Стоит избавляться от преждевременных умозаключений по поводу того, что может доставить тебе удовольствие, а что нет, и обратить внимание на то, что ты действительно чувствуешь.

Иногда это заставляет забыть о том, что есть зоны, которые не чувствуют ничего. Я видела, как в инвалидах просыпается сексуальность и какое это доставляет удивление и радость. Пришло время применить эту мудрость по отношению к себе. Да, у меня теперь только одна чувствительная грудь. Но она есть, и еще есть муж, который всегда готов пересмотреть варианты того, что мы делаем в постели.

А это уже многое..

*

Скотт был первым клиентом, с которым я встретила после перерыва, и прошло уже пять месяцев с тех пор, как мне поставили диагноз. Он боролся с постоянным ощущением того, что у него слишком маленький пенис, и пошел на суровые меры, чтобы это исправить. Ему делали инъекции, после которых пенис не только не увеличился, но еще и изменил форму.

Меньше всего ему было нужно, чтобы мои физические недостатки влияли на нашу совместную работу..

Я придерживалась своего первоначального намерения не сообщать сразу же о том, что мне удалили грудь. С самого начала должно быть очевидно, что мы будем заниматься только его проблемой. Когда мы

разделись, я упомянула про операцию и попросила его пощупать мою грудь. Он взял в руку правую и немного сжал.

Потом сделал то же самое с левой..

– Правая немного тверже, – сказал он.

– Да уж, пластические хирурги еще не достигли совершенства.

Потом мы перешли к его проблеме и больше к мастэктомии не возвращались.

Я в очередной раз убедилась в эффективности откровенного общения и необходимости пользоваться всеми возможностями, которые предоставляет нам наша сексуальность. Тот факт, что клиент наконец решился прибегнуть к суррогатной терапии, означает, что он готов работать над собой, и еще нужно доказать, что главной проблемой ему покажется мой слегка кособокий бюст..

На третьем занятии со Скоттом, когда дело дошло до упражнения с зеркалом, мне внезапно открылся секрет того, как следует рассказать о своей груди.

– У меня был рак груди, но, к счастью, врачи быстро это заметили, – глядя на свое отражение, сказала я. – Мне пришлось удалить, а затем восстановить правую грудь. Сейчас она не так чувствительна, как левая. Но я люблю, чтобы им уделяли одинаковое внимание.

*

Моя практика по-прежнему процветала, хотя возраст, очевидно, должен был уже представлять некоторые трудности. С одной стороны, мое тело не было гибким и проворным, как в начале моей карьеры. С другой стороны, почти четыре десятилетия работы подарили мне опыт, проницательность и восприимчивость, которых у меня не было в молодости.

У меня появилась репутация и круг знакомых психотерапевтов, направляющих ко мне клиентов, не только на побережье, но и в других частях страны. Работы было много, учитывая, что я осталась суррогатным партнером, когда многие уходили из этой сферы. С появлением угрозы СПИДа суррогатные партнеры бросали работу толпами.

Я иногда начинаю представлять, что стало бы с нашей профессией, если бы на нее так сильно не повлияла угроза заболевания..

Я могла похвастаться работой, которая подарила мне богатый опыт и приносила удовлетворение. На меня все еще был спрос. Мой возраст смутил только одного клиента, который заявил, что я «уже не первой свежести». До сих пор наша с ним работа приносила неплохой результат, и я объяснила, что если он хочет найти себе партнершу, то следует держать подобные комментарии при себе, учитывая, что он тоже уже не мальчик..

Иногда после окончания работы клиенты обращаются ко мне, если у них еще возникают вопросы или требуется подстегнуть их уверенность в себе. Они присылают мне открытки или электронные письма с благодарностью или воспоминаниями о нашей совместной работе. В 1990 году Марк О'Брайен опубликовал эссе «О том, как я обратился к суррогатному партнеру» в журнале «Сан».

Он описывал процесс работы так, как это мог сделать только он – талантливый журналист и поэт. Я была очень тронута, как и Бен Луин, сценарист и режиссер из Лос-Анджелеса..

В 2007 году Бен приехал ко мне со своим другом, который по совместительству был еще и спонсором. Как и Марк, в детстве Бен пережил полиомиелит, и ему приходилось ходить на костылях и с фиксатором на ноге. Я уверена, именно поэтому история Марка произвела на него такое сильное впечатление. В свободное от других проектов время Бен начал работать над сценарием, основой которого послужила статья Марка и интервью со мной.

Он время от времени присылал мне наброски с просьбой высказать свое мнение, но иногда долгое время я не получала от него никаких вестей..

Учитывая плотное расписание Бена и превратности мира кино, я

сомневалась в том, что проект будет реализован. Но в 2010 году, когда я вернулась из очередного путешествия к семье в Бостон, меня ждал на обеденном столе толстый конверт. Сценарий был окончен, предварительный вариант названия был – «Суррогат»..

С этого началась череда удивительных событий. Фильм получил финансирование, и Бен подписал контракты с тремя талантливыми актерами. Марка должен был сыграть Джон Хоукс. Я была в восторге. Я восхищалась его ролями в сериале «Дедвуд», фильмах «Зимняя кость», «Идеальный шторм» и многих других и не могла дождаться, когда он, как хамелеон, перевоплотится в моего давнего клиента.

Великолепному Уильяму Х. Мэйси дали роль священника Марка и поверенного его тайн. Несколько актрис пробовались на роль суррогатного партнера..

Я была за рулем, когда узнала, кто создаст экранную версию меня самой.

– Тебя будет играть Хелен Хант, – сообщили мне.

У меня забило сердце. Мне пришлось убрать ногу с педали газа, когда я поняла, что подъезжаю к светофору. Я была поражена и чуть не забыла, что сижу за рулем. «Съезжай с дороги, пока не попала в аварию», – подумала я и остановилась на обочине.

– Хелен Хант, – повторила я в телефонную трубку.

– Да, она, – произнес Бен.

Оскароносная Хелен Хант, настоящая звезда, красивая женщина, великолепная актриса сыграет меня. Это не сон?

Бен спросил, согласна ли я стать консультантом на съемках, которые должны были начаться в мае 2011 года. Я должна была работать с исполнителями главных ролей и находиться на площадке во время съемки определенных эпизодов. Вернувшись домой, я уже готова была лететь в Лос-Анджелес.

Я всегда любила кино. Ребенком я ходила в кинотеатр почти каждую субботу. В пятидесятых еще нельзя было выйти в Интернет, книг о кино еще не писали, и широкой публике процесс производства на голливудской «фабрике грез» казался темным и загадочным. Даже будучи уже взрослой, меня по-прежнему притягивал этот таинственный мир, и я плохо представляла себе, сколько усилий требуется для воплощения сценария на экране.

Все изменилось, когда у меня появился шанс работать с актерами и съемочной группой. Просто невероятно, сколько времени, усилий и энергии уходит на создание фильма. Актерская работа предполагает очень вдумчивое изучение материала – с этим я столкнулась с самого начала. Хелен и Джон задавали много остроумных вопросов обо мне, о моей работе, о Марке.

Они оттачивали каждую деталь, полностью погружаясь в ситуацию..

В один из первых дней моего пребывания в Лос-Анджелесе Хелен Хант пригласила меня пообедать. Мы встретились в Санта-Монике. Я сидела за столиком, видела, как она идет к ресторану по улице, и снова чувствовала себя как во сне. Хелен проявила такой искренний интерес ко мне и моей работе, что мое волнение от того, что я сижу напротив известной, успешной актрисы, быстро рассеялось.

Она записывала бóльшую часть нашего разговора и внимательно следила за тембром моего голоса и ритмом речи. На следующий день я приехала к ней домой и продемонстрировала упражнение «тактильный контакт» на ее партнере, полностью одетом..

Когда я познакомилась с Джоном Хоуксом, выяснилось, что он посмотрел документальный фильм о Марке О’Брайане «Уроки дыхания», завоевавший премию «Оскар», почти двадцать раз. Джон был восхищен и вдохновлен отвагой, которую Марк проявлял в течение всей своей жизни. Он хотел, чтобы его актерская игра воздала должное этому прекрасному человеку.

Джон собирался прочесть все доступные ему произведения Марка и научился печатать с помощью палочки, как он. Я никогда не забуду, как впервые увидела Джона на площадке в роли Марка. Это было потрясюще. Казалось, он полностью растворился в нем.

Я сидела в наушниках и слушала, как Джон произносит реплики хриплым голосом Марка, и у меня бежали мурашки по всему телу..

Только одно омрачало этот увлекательный процесс – Марк никогда не увидит этого фильма. В 1999 году он умер от последствий полиомиелита. Я знаю, как понравилось бы ему все это, и я часто представляла себе, как он дает указания съемочной группе. Мне очень нравится, как Бену и Джону удалось передать остроумие Марка.

Если душа действительно бессмертна, то я уверена, что Марк как следует посмеялся над их шутками..

В то время мне казалось, что каждый день со мной происходит что-то хорошее. В ноябре 2011 года я заранее получила рождественский подарок – фильм взяли на кинофестиваль «Сандэнс». Премьера должна была состояться 23 января 2012 года. Мало того – меня пригласили на просмотр. Я собиралась ехать на один из самых престижных в мире кинофестивалей..

Я позвонила своей двоюродной сестре и любимой подруге Сьюзан, и она завопила так громко, что мне пришлось отодвинуть трубку подальше от уха. Я нажала кнопку громкой связи и отложила трубку, прежде чем спросить, не хочет ли она поехать со мной и Бобом в Юту.

На следующий день я обошла несколько элитных комиссионных магазинов, чтобы подготовиться к поездке. Наконец я нашла роскошную шелковую блузку в японском стиле, отделанную бисером, и подходящие брюки. «На какое мероприятие надевали эти вещи в последний раз. – спрашивала я себя. – Уж точно не на «Сандэнс»..

Мы приехали в Юту в субботу, за день до показа, в разгар снежной бури. Следующим утром мы гуляли по необычным улочкам Парк-Сити, которые были украшены плакатами «Сандэнс». Город кипел, переполненный возбужденными толпами, и журналисты работали не покладая рук. Маркизы всех кинотеатров (а в городе в них недостатка не было) гласили: «Кинофестиваль «Сандэнс».

Телеканал CNN пригласил меня на интервью на следующий день после показа фильма..

На подготовку к премьере у меня ушло больше времени, чем на любое другое мероприятие на моей памяти. Я была охвачена радостным возбуждением. Я видела только фрагменты фильма, а сейчас мне предстояло увидеть готовый продукт. Показ должен был состояться в огромном кинотеатре «Экклз», и когда мы приехали, нас проводили в ту его часть, которая была отведена для людей, участвовавших в создании фильма.

Бен Луин, Хелен Хант, Джон Хоукс, Уильям Х. Мэйси и другие члены съемочной группы сидели в центре переполненного зала. Фильм начался, и я сжала руку Боба. Я все еще не могла поверить, что это происходит со мной..

Фильм был таким, каким я и надеялась его увидеть, – остроумие, юмор, пикантность и великолепная игра актеров. Но больше всего мне понравилось, с каким вниманием его создатели отнеслись к моей профессии. У них как нельзя лучше получилось осветить трудности, с которыми приходится сталкиваться, и удовлетворение, которое она приносит, а кроме того – совершенно особый род отношений, которые возникают между суррогатным партнером и его клиентом.

И впервые в моей жизни я видела, чтобы проблему половой жизни инвалидов раскрыли с таким изяществом, такой честностью. Возможно, не стоит так много требовать от фильма, но я надеюсь, что у инвалидов, которые его увидят, появится ощущение того, что их право на сексуальное влечение признали и утвердили, потому что они готовы, как и все остальное человечество, экспериментировать и получать удовольствие от секса..

Множились счастливые события, и фильм получил финансирование компании «Fox Searchlight Pictures». Кроме того, ему дали специальный приз жюри за мастерство актерского состава и приз зрительских симпатий. Я была глубоко тронута тем, как много людей хотели встретиться со мной после показа и как они тепло отзывались обо мне.

Вернувшись в отель, я позвонила Джессике – ее волнение лишь

немного уступало по силе моему. Несколько часов спустя я по-прежнему была слишком возбуждена, но в конце концов уснула, покинула действительность, похожую на сон..

*

Вернувшись в Беркли, я стряхнула звездную пыль и снова занялась своей жизнью и работой. Так много событий произошло за последние годы, что я не могла вспомнить те дни, когда только начала работать в этой области. Когда-то я была смущенным ребенком, которого пугало одинокое будущее, полное тайн и жгучего стыда.

Я представляла себе долгую череду обреченных на неудачу попыток вписаться в жесткие рамки, ведь мне казалось, что я единственная, кому они не подходят. Когда я оглядываюсь назад, моя жизнь кажется мне долгой дорогой, полной крутых поворотов. Я всегда хотела знать, как бы изменилась эта жизнь, если бы я не встретила Майкла, если бы никогда не узнала о том, что существует такая профессия – суррогатный партнер.

Я уверена только в одном: меня такой, какая я есть, просто не существовало бы..

Шаг за шагом приближаясь к семидесятому юбилею, я понимаю, что за многое должна быть благодарна, что мне очень повезло. Повезло, что я сделала прекрасную карьеру, что меня окружали умные, смелые, заботливые люди. Моя личная сексуальная революция по счастливой случайности совпала с той, что пережила наша культура, и, безусловно, стала возможна только благодаря ей.

Я испытываю бесконечную признательность по отношению к первопроходцам и мятежникам, ведь они подарили уверенность женщинам, которые не отрицают свою сексуальность. Я работала с сотней клиентов и не могу представить, что, занимаясь чем-то другим, по-прежнему могла бы помогать людям выражать свои сексуальные потребности и получать от этого удовольствие.

Представители нашей культуры по-прежнему вопиюще невежественны в том, что касается секса. Вездесущие средства массовой информации способствуют распространению искаженных слухов и ложных представлений, а реакционные политические силы стремятся искоренить зачатки полового воспитания и половой свободы. Мне известно, что мужчины и женщины, с которыми мне довелось работать, – это лишь небольшая часть огромной массы людей, которая борется с проблемами в сексуальной сфере.

Но я тем не менее чувствую удовлетворение, вспоминая свой профессиональный путь и клиентов, которым я помогла построить здоровые, счастливые отношения..

Я окружена поддержкой и любовью моей семьи, а это означает, что я счастлива вдвойне – и в профессиональной жизни, и в личной. Мы с Бобом почти половину своей жизни провели вместе. Именно рядом с ним я поняла, что любовь не нужно каждый день отвоевывать заново. Ее можно получать и дарить без всяких условий.

Союз двух любящих людей делает их лучше и приносит больше счастья, чем они могли бы получить в одиночестве. Этот союз ложится в основу всей жизни и приподнимает ее над землей. Мне это известно только благодаря Бобу, и я люблю его безмерно. Мои дети – успешные, уверенные в себе, заботливые люди. Нам с Майклом удалось подарить им детство, полное любви, поддержки, одобрения и мудрого руководства.

Вместе мы положили начало их жизненному пути. Это единственное достижение, которым я горжусь больше, чем карьерой суррогатного партнера..

Средства массовой информации проявляют ко мне небывалый интерес, и мне по-прежнему приходится объяснять, чем я отличаюсь от проститутки. Я смотрела «Сеансы», как позже был назван фильм, и спрашивала себя, сделает ли он разницу более очевидной для широкой публики. Если не сделает, то, я думаю, не стоит беспокоиться.

Существуют заблуждения и похуже, а разница между проституткой и суррогатным партнером велика. Если людям сложно ее постичь, я снова обращаюсь к аналогии, которую предлагал мой покойный любимый друг

Стивен Браун: «Обратиться к проститутке – это как пойти в ресторан. Обратиться к суррогатной терапии – все равно что записаться на кулинарные курсы».

Мне шестьдесят восемь лет, и я пока не намерена откладывать в сторону фартук..

Благодарности

Книга – это всегда плод работы многих людей. Нам повезло стать частью команды выдающихся профессионалов, без которых она так и осталась бы мечтой. Шерил и Лорна хотели бы поблагодарить Чарли Уинтона, Лиз Паркер, Марен Фокс, Келли Уинтон, Джоди Хаммерворлд и всех сотрудников издательства «Каунтерпойнт» за напряженную работу над проектом и самоотверженность.

Брук Уорнер, наш издатель, заслуживает всяческого уважения за то, что с присущим ему профессионализмом сделал эту книгу живой и увлекательной. Следует также поблагодарить Бреда Баннина, нашего консультанта, за его неоценимые советы. И, безусловно, нашей глубокой признательности заслуживает Дэвид Коул, благодаря которому мы вместе..

Шерил: «Я хочу сказать спасибо моей бабушке Фурнье за ее безграничную любовь. Моей маме за осознание того, что мать и дочь могут быть друзьями. Моему отцу за его чувство юмора, необходимое для полноценной жизни. Моим детям, они, без сомнения, любовь всей моей жизни. Моим дорогим понимающим друзьям, которые поддерживали меня все эти годы.

Моему мужу Бобу, который научил меня принимать безграничную любовь. Майклу Полу Коэну, без которого я бы никогда не переехала в Калифорнию и не нашла работу, так сильно изменившую мою жизнь. И Лорне Гарано, которая поняла самую суть моих рассказов и помогла воссоздать их на бумаге. Моя признательность не знает границ»..

Лорна: «Я бы хотела поблагодарить мою семью за постоянную поддержку и безграничную любовь ко мне. Я также хотела бы выразить свою признательность моему соавтору Шерил Коэн Грин. Для меня было честью помогать ей писать эту историю, воплощая на этих страницах ее мудрость, благородство и чувство сострадания.

И последнее, но от этого не менее важное: спасибо тебе, Питер Хэндел, любовь всей моей жизни!».

Об авторах

Шерил Коэн Грин – обладатель докторской степени в сфере человеческой сексуальности, с 1973 года является суррогатным партнером и консультантом в области половой жизни. Она прошла подготовку по образцу, созданному Мастерс и Джонсон, и девятнадцать лет вела курсы подготовки в Центре предоставления информации о сексе в Сан-Франциско.

Она является сертифицированным специалистом в области полового воспитания и в 2004 году получила докторскую степень в Институте специального изучения человеческой сексуальности в Сан-Франциско. В данный момент Коэн Грин является вице-президентом IPSA, Международной Ассоциации Суррогатных Партнеров, и стала одним из основателей группы психологической поддержки BASA, Ассоциации Суррогатных Партнеров Области залива Сан-Франциско..

Коэн Грин часто выступает с лекциями и востребована средствами массовой информации на национальном уровне. Она давала интервью телеканалу CNN, «Шоу Ларри Кинга», «Сан-Франциско Кроникл», «Космополитен», «Men's Health» и другим национальным изданиям. Ее сайт в Интернете: www.cherylcohengreene.com

Лорна Гарано – независимый писатель и журналист, живет в Сан-Франциско.

[1] Baby boom – период между 1946 и 1964 годами, когда в США был зафиксирован резкий взлет рождаемости. – Прим. пер.

[2] Дорчестер – район Бостона, основанный в XVII веке пуританами, выходцами из Англии. – Прим. пер.

[3] Перевод С. Маршака.

[4] Ворд и Джун Кливер – персонажи популярного ситкома «Leave It to Beaver», ставшие воплощением ценностей американского среднего класса. – Прим. пер.

[5] Виллиам Мастерс и Вирджиния Джонсон одними из первых начали в 1957 году проводить исследования половой сферы человеческого сознания. – Прим. пер.

[6] Джулия Чайлд – американский повар, ведущая кулинарной программы на телевидении и автор книги рецептов. Ксавьера Холландер – американская журналистка, бывшая проститутка и владелица борделя. – Прим. пер.

[7] СНОР – cyclophosphamide, hydroxydaunorubicin, oncovin, prednisone.

[8] В пер. с англ. chop – рубить, резать.